PG3318
A19
1916

THE
OHIO STATE
UNIVERSITY
LIBRARIES
1870 1970

Библ. №37

80916

№ 889

Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ,

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ АКТЕРЪ.

ТИП. ГЛАЗУНОВА, ПЕТРОГРАДЪ.

Р88 Сум
1692
9 90

ЦѢНА 60 КОП.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. Н. Чудинова.
ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ВЫПУСКЪ XIV-й.

А. П. Сумароковъ.

ИЗБРАННЫЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Хоревъ, траг.—Синавъ и Труворъ, траг.—Опекунъ, ком.—Матеріалы для изученія его произведеній.

Изданіе 2-е, И. Глазунова.

(Исправленное и дополненное В. Костылевымъ).

Александръ Петровичъ Сумароковъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1916.

QUAERENDO

Предисловіе.

Сочиненія Александра Петровича Сумарокова давно уже не встрѣчаются въ продажѣ, и настоящее изданіе ихъ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и единственнымъ, доступнымъ публикѣ. Не смотря на такое очевидное равнодушіе общества къ этому наиболѣе цѣльному представителю ложно-классической драмы въ нашей литературѣ,—равнодушіе, объясняемое слишкомъ ужъ архаической формой его произведеній, послѣднія имѣютъ тѣмъ не менѣе безспорное историко-литературное значеніе и заслуживаютъ изученія. Имя его навсегда связано съ началомъ русскаго театра, и если его пѣсни, идилліи, эклоги, сатиры и басни не оставили въ нашей литературѣ замѣтнаго слѣда, то его драматическія произведенія составляютъ несомнѣнную переходную форму въ развитіи нашей драмы, при изученіи которой немыслимо исключить Сумарокова, какъ немыслимо исключить Ломоносова и Державина при изученіи русской лирики или Кантемира при изученіи русской сатиры. Нѣкоторое предубѣжденіе противу Сумарокова отчасти объясняется также его враждебными отношеніями къ Ломоносову и множествомъ смѣшныхъ анекдотовъ о Сумароковѣ, рисующихъ нашего поэта въ невыгодномъ свѣтѣ. Но по мѣрѣ того, какъ память его все глубже и глубже уходитъ отъ насъ въ даль временъ, настаетъ пора совершенно объективнаго къ нему отношенія, пора исторической его оцѣнки, при которой ему должно быть воздано должное.

*

Изъ многочисленныхъ сочиненій Сумарокова мы избрали двѣ трагедіи: первую по времени написанную имъ и едва ли не лучшую—„Хоревъ“—и „Синавъ и Труворъ“, которую самъ авторъ считалъ наиболѣе зрѣлымъ своимъ произведеніемъ; къ нимъ мы сочли умѣстнымъ присоединить Комедію „Опекунъ“, характеризующую нашего поэта, какъ изобразителя отрицательныхъ сторонъ современной ему жизни. Текстъ всѣхъ трехъ піесъ напечатанъ по Новиковскому изданію 1787 г. (Москва, 2 изд.), болѣе другихъ исправному, при чемъ орѳографія принята современная. Чтобы выяснить дѣйствительное значеніе литературной дѣятельности Сумарокова, изученію послѣдней должно быть предпослано нѣкоторое знакомство съ теоріей псевдо-классической трагедіи—съ этою цѣлью мы помѣщаемъ двѣ теоретическія статьи о значеніи трагедіи и о трехъ единствахъ—Корнеля. Вслѣдъ за симъ, мы рекомендовали бы прочесть съ учащимися трагедію Расина „Гоѳолія“ въ новомъ, прекрасномъ переводѣ Л. Поливанова, удостоенномъ Пушкинской преміи (М. 1892. 2 р.), и затѣмъ уже приступить къ изученію Сумарокова. Отрывки изъ монографіи проф. Булича о трагедіяхъ и комедіяхъ С—ва облегчатъ учащимся болѣе вѣрное пониманіе ихъ и дадутъ ключъ къ правильной критической оцѣнкѣ.

Къ выпуску, по обыкновенію, прилагается портретъ Сумарокова и современнаго ему Ѳ. Г. Волкова, перваго русскаго актера (1729—1763).

Въ декабрьской книгѣ журнала „Русская Мысль“ за 1892 г., нѣкто г. Каллашъ помѣстилъ небольшую замѣтку, въ качествѣ отвѣта на тѣ нѣсколько словъ, кото-

рыя были сказаны мною въ предисловіи къ IX вып. Рус. Класс. Библ., по поводу рецензіи 1-го вып. нашего изданія, принадлежащей тому же автору.

Не могу и на этотъ разъ оставить безъ возраженія болѣе чѣмъ страннаго отвѣта рецензента Р. М.

Прошлый разъ я съ достаточной убѣдительностью доказалъ ему, что конъектуры (мысь, вм. мысль и др.) совсѣмъ не „прекрасныя“, какъ онъ утверждалъ, укоряя меня за ихъ отсутствіе, и „почти никѣмъ не приняты“. Не будучи, конечно, въ состояніи опровергнуть послѣдняго обстоятельства, г. Каллашъ требуетъ отъ меня доказательствъ, что онѣ „не удачны“. Весьма охотно исполняю его желаніе и привожу слѣд. мнѣніе объ этой конъектурѣ А. Н. Веселовскаго: „Выраженія: (растекаться) *мыслію по древу* и (скакать) *по мыслену древу*, „очевидно, не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга, „и потому едва-ли представляется необходимость замѣнить въ первой фразѣ *мысль—мысію* для того, чтобы „возстановить воображаемый параллелизмъ: мыши (собственно: летучая бѣлка), волка и орла. Собственно параллелизма тутъ нѣтъ, выраженіе: растекаться мыслію „по древу (разумѣется, опять-же мысленному)—общее, „которое далѣе разрабатывается въ отдѣльныхъ конкретныхъ образахъ. Мысленное древо—такое-же фигурное „выраженіе, какъ и слѣдующее далѣе: о десяти сокола̀хъ, напускаемыхъ на стадо лебедей. Дерево дало сюжетъ для фигурныхъ толкованій, которымъ воспользовалась и народная загадка, и мистико-поэтическія „толкованія, отправлявшіяся отъ библейскаго древа познанія: такъ говорили о древѣ любви, arbor memoriae „и т. п. Мысленное древо—это arbor cogitationis, разработанный по пріемамъ піитики, этотъ образъ вызы-

„ваетъ представленіе поэта соловьемъ, который порхаетъ „по мистическимъ вѣтвямъ, прообразующимъ различныя „способности человѣческой души, находящейся въ актѣ „творчества; затѣмъ образъ мѣняется: Боянъ носится „орломъ подъ облаками, волкомъ по землѣ.... [1])".

Этотъ превосходный анализъ почтеннаго академика долженъ-бы быть, впрочемъ, извѣстенъ г. Каллашу, который далѣе обвиняетъ меня въ томъ, что я „забылъ или „не зналъ изслѣдованій А. Н. Веселовскаго, В. Ѳ. Мил„лера и др." Обвиненіе это обращено ко мнѣ за то, что я позволилъ себѣ усомниться въ возможности „яснаго и опредѣленнаго объясненія" слова *Троянь* въ Словѣ о Полку Игоря. Посмотримъ, что говорятъ объ этомъ названные имъ ученые, изслѣдованія которыхъ критикъ „не забылъ и твердо знаетъ". Изъ многочисленныхъ (до 150-ти) изслѣдованій и статей А. Н. Веселовскаго только одна (рецензія книги проф. В. Ѳ. Миллера) посвящена Слову; кромѣ того, въ двухъ другихъ рецензіяхъ и въ „Южно-русскихъ былинахъ", мимоходомъ, сказано нѣсколько словъ по поводу отдѣльныхъ мѣстъ этого памятника. Въ упомянутой рецензіи (стр. 296), А. Н. Веселовскій говоритъ: „Если гипотеза (г. Миллера) о зависи„мости Слова отъ одного какого-нибудь болгарскаго ори„гинала можетъ вообще возбудить сомнѣнія, то исторія „эпитета „Троянь" должна возбудить ихъ наиболѣе.... „Обосновать эту гипотезу болѣе вѣскими доказательствами „я не могу, но въ вопросахъ, поднимаемыхъ Словомъ, „многое еще остается во мракѣ...."—В. Ѳ. Миллеръ, въ своей книгѣ: „Взглядъ на Слово о Полку Игоря" (стр. 105),

---

[1]) Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ. Журн. М. Н. Пр. 1877 г., № 8, стр. 278—279.

называя эпитетъ „Троянь“ *загадочнымъ*, съ своей сторены, вотъ что говоритъ по поводу выраженія: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни“: „Сколько-бы мы ни гадали, намъ не раз„гадать этой загадки, и можно положительно сказать, „что авторъ Слова зналъ объ этомъ не болѣе нашего. „Онъ просто перенесъ въ свое произведеніе это выраже„ніе своего источника, *не понявъ его*, и, быть можетъ, „даже исказивъ“.—И такъ, если-бы нашъ критикъ дѣйствительно *помнилъ* или *зналъ* изслѣдованія названныхъ имъ ученыхъ, то у него самого не возникло бы никакихъ сомнѣній относительно отсутствія ясныхъ и опредѣленныхъ объясненій эпитета „Троянь“ и, во всякомъ случаѣ, ему совершенно понятно-бы было, почему я не счелъ возможнымъ внести такого рода комментарій въ изданіе, предназначенное для школы. Въ концѣ концовъ, кто изъ насъ двухъ повиненъ въ грѣхѣ *забвенія* или *незнанія*— рѣшить теперь нетрудно.

Относительно второй конъектуры: полозы-змѣи, принадлежащей В. Ѳ. Миллеру, рецензентъ говоритъ, что такъ какъ книга В. Ѳ. Миллера вышла въ 1877 г., „христоматія же Ѳ. И. Буслаева уже много лѣтъ пере„печатывается безъ исправленія, что значится и на „обложкѣ ея“, то г. Буслаевъ, очевидно, не могъ принять новой конъектуры „за нѣсколько лѣтъ до ея появленія“. Соображеніе это было-бы совершенно резонно, если бы оно не опиралось на чисто фантастическомъ основаніи. Въ настоящую минуту, передъ моими глазами лежитъ „Русская христоматія“ Ѳ. И. Буслаева, которою я пользовался при изданіи „Слова“; на оберткѣ ея означенъ *1888 годъ* и напечатано: *„четвертое изданіе, исправленное и дополненное“*. Слѣдовательно...? Впрочемъ, авторъ вообще не стѣсняется подборомъ аргументовъ:

тамъ, гдѣ онъ не можетъ, напр., опровергнуть ссылки, онъ развязно объявляетъ, что „даже такіе почтенные ученые, какъ акад. Тихонравовъ, Буслаевъ, дѣлаютъ промахи“ и что „можно-де было-бы не повторять ихъ“; или, расчитывая, должно быть, на разсѣянность читателей библіографическихъ замѣтокъ, цитируетъ, напр., указанное мною мѣсто, яко-бы въ опроверженіе меня, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно только подтверждаетъ мои слова (текутъ, крикъ дятла) и т. п. При такихъ условіяхъ, отвѣчать, на этотъ разъ, детально на каждое изъ замѣчаній рецензента, какъ мы поступили прежде, было-бы дѣломъ не только скучнымъ, но и безцѣльнымъ. И приведеннаго мною вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ совершенной несостоятельности его критическихъ пріемовъ, при несомнѣнномъ и великомъ желаніи, во что бы то ни стало, повредить изданію „Русской Классной Библіот.“ въ глазахъ публики.

Относясь съ полнымъ вниманіемъ къ отзывамъ благожелательной критики и съ величайшей признательностью пользуясь ея указаніями, я считаю полемику съ критиками, подобными рецензенту Р. М., непроизводительной потерей времени. Предпринятое мною большое и сложное дѣло, конечно, неизбѣжно должно заключать немало и мелкихъ, и крупныхъ промаховъ, хорошо понятныхъ всякому, знакомому съ процессомъ подобнаго рода работы; съ каждымъ послѣдующимъ изданіемъ, надѣюсь, всѣ эти недостатки будутъ тщательно устраняемы. Но въ дѣлѣ устраненія ихъ, конечно, мнѣ не придется воспользоваться указаніями г. Каллаша.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Во второмъ изданіи настоящаго выпуска Русской Классной Библіотеки, редактированномъ мною, сдѣланы слѣдующія исправленія и дополненія: 1) исправлена орѳографія словъ согласно съ Руководствомъ правописанія Я. Грота и 2) помѣщены новыя статьи: а) Французско-классическая трагедія. А. Д. Галахова и б) Чувство трагизма. Характеристика его. Составъ трагическаго чувствованія. Дѣйствіе трагизма на душу. М. И. Владиславлева.

В. Костылевъ.

Петроградъ.
1915 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Предисловіе къ I-му изданію I
Предисловіе ко II-му изданію VII
I. Хоревъ, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. 1
II. Синавъ и Труворъ, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ 49
III. Опекунъ, комедія въ 1 дѣйствіи 102

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

1) Разсужденіе о трагедіи, ст. 1—2. *П. Корнеля.* 132
2) Расинъ. *Э. Фаге.* 151
3) Французско-классическая трагедія. *А. Д. Галахова* 156
4) Трагедіи Сумарокова. *Н. Н. Булича.* 162
5) Комедіи Сумарокова. *Н. Н. Булича* 174
6) Чувство трагизма. Характеристика его. Составъ трагическаго чувствованія. Дѣйствіе трагизма на душу. *М. И. Владиславлева.* 177

I. ХОРЕВЪ [1]).

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Кій, князь Россійскій.
Хоревъ, братъ и наслѣдникъ его.
Завлохъ, бывшій князь Кіева града.
Оснельда, дочь Завлохова.
Сталверхъ, первый бояринъ Кіева.
Велькаръ, наперсникъ Хоревовъ.
Астрада, мамка Оснельдина.
Два стража.
Три воина.
Плѣнникъ.

Дѣйствіе въ Кіевѣ въ княжескомъ домѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Оснельда и Астрада.

АСТРАДА.

Княжна! сей день тебѣ свободу обѣщаетъ,
Въ послѣднія тебя здѣсь солнце освѣщаетъ.

---

[1]) „Хоревъ“ — первая трагедія, написанная Сумароковымъ въ 1747 г. и сыгранная на дворцовомъ театрѣ въ 1750 г. Въ ней авторъ сумѣлъ сохранить всѣ правила французской псевдо-классической теоріи и, вмѣстѣ, остаться вѣрнымъ тѣмъ нравственнымъ принципамъ, которые онъ считалъ важнымъ проводить въ жизнь. Изображая борьбу личной страсти съ общественнымъ долгомъ, при чемъ послѣдній торжествуетъ, а страсть сама себя побѣждаетъ изъ сознанія святости долга, авторъ влагаетъ въ уста своихъ героевъ мысли, которыя облагораживали человѣка и изъясняли ему понятія

Завлохъ, родитель твой, пришелъ ко граду днесь,
И воружаются ко оборонѣ здѣсь.
Ужъ носится молва по здѣшнему народу,
Что Кій, страшася бѣдствъ, даетъ тебѣ свободу.

Оснельда.

О день! когда то такъ, день радости и слезъ!
Щедрота поздняя разгнѣванныхъ небесъ,
Смѣшенна съ казнію и лютою напастью!
Чрезъ пущую бѣду отверзся путь ко счастью.
Астрада! мнѣ уже свободы не видать,—
Я здѣсь осуждена подъ стражею страдать:
Хотя я нѣкую часть вольности имѣю
И отъ привычки злой претерпѣвать умѣю.
А тамъ..... увы!.....

объ его истинныхъ обязаностяхъ. Хоревъ и Кій, съ разныхъ сторонъ, обрисовываютъ идеалъ человѣка, къ которому было направлено стремленіе тогдашнихъ лучшихъ людей. Первый бояринъ Кія, Сталверхъ, оклеветавшій Хорева и Оснельду, въ страшномъ угрызеніи совѣсти бросается въ Днѣпръ. называя себя злодѣемъ. Такимъ образомъ, мораль и проповѣданіе добродѣтели были руководящимъ принципомъ Сумарокова, который выразилъ ихъ лишь въ формѣ, заимствованной съ запада. Съ другой стороны, поэтъ задался мыслью создать русскую трагедію, хотя и въ формѣ иноземной. Поэтому за содержаніемъ ея онъ обратился къ русской исторіи и, разумѣется, къ древнимъ временамъ. По мнѣнію его, русскому не слѣдуетъ совершенно отрываться отъ Россіи, а, напротивъ, необходимо обращаться къ предкамъ и у нихъ искать себѣ уроковъ. Къ сожалѣнію, современное ему состояніе историческихъ знаній у насъ было настолько скудно, что онъ могъ воспользоваться для своей трагедіи лишь нѣсколькими чисто внѣшними фактами: событіемъ, взятымъ частію изъ лѣтописи, и собственными именами. Наконецъ, въ этой трагедіи выразилось и патріотическое чувство Сумарокова въ описаніи, напр., сраженія, которое имѣло прямое отношеніе къ современнымъ событіямъ и, конечно, во многихъ встрѣтило сочувствіе. Главный недостатокъ трагедіи Сумарокова заключается въ томъ, что дѣйствующія лица въ ней—не характеры и не живые люди, а олицетворенія какого-нибудь чувства или страсти, любви, ненависти, дружбы и т. п.

Астрада.

А тамъ остаточный предѣлъ,
Гдѣ множество еще во власти вашей селъ,
Наслѣдіе твое: а ты воздвигнешь племя
Безчадному отцу; уже приходитъ время
Тебѣ достойнаго супруга получить,
И падшій родъ опять отъ низкихъ отличить.
Ты будешь мать....

Оснельда.

Молчи, не представляй мнѣ браковъ,
Несчастной мнѣ къ тому ни малыхъ нѣтъ признаковъ;
Довольно: я хочу изъ сихъ противныхъ мѣстъ.
О жалостна страна! о горестный отъѣздъ!
Толкуй мои слова, толкуй мои напасти
И сожалѣй о мнѣ въ такой суровой части.

Астрада.

Поняти не могу сей тайны твоея.

Оснельда.

Теперь откроется тебѣ душа моя,
Но ахъ! объемлетъ стыдъ, всѣ мысли днесь мятутся,
И рѣчи во устахъ безгласны остаются.

Астрада.

Никакъ постигла я? любовь....

Оснельда.

Прилично ль мнѣ
Ея заразы знать въ печальной сей странѣ?
О томъ ли помышлять Оснельдѣ надлежало?
Но ахъ! вошло во грудь сіе змѣино жало.
Ты сказывала мнѣ отцово житіе
И многажды при томъ плачевно бытіе,
Какъ смерть голодная народы пожирала,
И слава многихъ лѣтъ въ одну минуту пала.

*

Благополучный Кій побѣду одержалъ,—
Родитель мой тогда въ пустыни убѣжалъ:
Въ отчаяньи своемъ тревожась, унывая,
Озеры на конѣ и рѣки преплывая,
Съ оставшимъ воинствомъ лѣсъ, горы преходя,
Разбитъ и побѣжденъ, изъ степи въ степь блудя.
Моя стеняща мать, сыновъ своихъ лишася,
Въ послѣдокъ и съ своимъ супругомъ разлучася,
Услыша злую вѣсть, что Кій, какъ вѣтеръ—прахъ,
Народы разметавъ, во градскихъ ужъ вратахъ,
Лицо горчайшими слезами омывала
И кровь свою своей рукою проливала,
И лобызаючи въ послѣднія меня,
Скончала бѣдну жизнь, въ сонъ вѣчный пременя.
А я въ плѣненіе сіе низвергшись году,
Не помню ни отца, ни матери, ни роду;
Однако кровь во мнѣ во всѣ шестнадцать лѣтъ,
Какъ помнить я могу, отмщенье вопіетъ.
Я сказанное мнѣ плачевно время вижу,
И рода моего убійцу ненавижу;
Но ахъ! Хоревъ въ тѣ дни хотя младенецъ былъ,
Онъ Кію братъ, увы!... а мнѣ, Астрада, милъ.

Астрада.

Искореняй сей ядъ,—отецъ тебя желаетъ.

Оснельда.

Мнѣ памятенъ мой долгъ; пускай сей огнь пылаетъ;
Какія бъ надобно суровости имѣть,
Когда бъ отца могла и не хотѣла зрѣть?
Оснельда только симъ единымъ нынѣ льстится;
Но духъ, мой слабый духъ, и рвется, и мутится.

Астрада.

Давно ль, съ которыхъ дней ты знаешь эту страсть,
И непорочный духъ позналъ любови власть?

Оснельда.

Шесть мѣсяцевъ уже, Астрада, унываю
И слезъ въ одрѣ моемъ потоки проливаю,
Достоинства его и искренія любовь,
Противъ желанія, зажгли внезапно кровь.
Я стала на него охотнѣе смотрѣти,
Не смысля, что иду въ неисходимы сѣти:
Искала, чтобы мнѣ съ нимъ чаще купно быть
И время горести скорѣе проводить.
И стало безъ него вездѣ въ послѣдокъ скучно;
Желала, чтобъ была съ Хоревомъ неразлучно,
И въ то, то время я узнала страсть мою,
Которую еще понынѣ я таю.
Я злилась на себя за сей преступокъ грозно
И каялась, но что! уже то было поздно.

Астрада.

А если Кій отдастъ отцу тебя назадъ,
И будешь ты должна покинути сей градъ,
Возрадуешься ли, родителя увидя?

Оснельда.

Возрадуюсь, но жизнь мою возненавидя:
И только веселъ сей единый будетъ часъ,—
Онъ веселу меня одинъ увидитъ разъ.
Но какъ то ужъ ни есть, мнѣ льститъ сія минута:
Поди и извѣстись, уже ль судьбина люта
Назначила сей день Завлоха облегчить.
И вѣрь, хотя она стремится приключить
Жестоку мнѣ тоску и жалкую разлуку,
Я бодро шествую на эту злую муку.

Явленіе II.

Оснельда одна.

Къ чему ведетъ меня моя судьбина зла!
Къ такимъ ли днямъ, любовь, во мнѣ ты кровь зажгла!

Несчастливымъ временъ жестоки всѣ премѣны.
О домъ отцевъ моихъ! о вы, противны стѣны,
Которыми пришлецъ сей городъ оградилъ!
Земля, въ которой Кій кровавы токи лилъ!
Мѣста, толь много разъ слезами орошенны,
Возлюбленнымъ моимъ Хоревомъ украшенны,
Печалей и утѣхъ собраніе и смѣсь,
Чѣмъ слабая душа обремененна днесь?
Отверзи мнѣ врата любезныя темницы
И выпусти меня за Кіевы границы!
О честь! о долгъ! любовь! мой князь! родитель мой!
Дѣлите сердце днесь и рушьте мой покой!
А ты, о естество! терпи случаевъ ярость
И бременемъ своимъ несчастливую старость
Потщися ободрить, какъ бѣдной небеса
Дадутъ на жительство дремучіе лѣса!

ЯВЛЕНІЕ III.

Оснельда и Хоревъ.

Хоревъ.

Готовься къ радостямъ, княжна, въ сей день желанный:
Ужъ часъ приближился, тобой толь часто званный.
Уже открылся путь тебѣ изъ здѣшнихъ стѣнъ,—
Ступай и покидай мѣста сіи и плѣнъ;
Родитель твой въ сей день тебя къ себѣ желаетъ,
А Кій, мой братъ, на то уже соизволяетъ.
Внимай изъ устъ моихъ желаемый отъѣздъ;
Но, отлучаяся изъ сихъ противныхъ мѣстъ,
Которыя тебя въ неволѣ содержали,
Когда дни счастливы Завлоха пробѣжали,
Хотя единою утробой я рожденъ
Со княземъ, коимъ твой родитель побѣжденъ,
Не ставь меня врагомъ; мной, сколько можно было,
Несчастіе тебя подъ стражею щадило;

Я тщился оное вседневно облегчать...
Ты плачешь; но къ чему такъ сердце отягчать?
Или воспомнила ты Кіеву досаду?
Но я противнаго не подавалъ и взгляду.

Оснельда.

Я плачу, что тебѣ безсильна отслужить;
Но вѣрь мнѣ, вѣрь, мой князь, гдѣ я ни буду жить,
Я милостей твоихъ вовѣки не забуду
И съ ними вспоминать тебя по гробъ мой буду.
О солнце, кое здѣсь въ послѣдній разъ я зрю!
О солнце! ты то зришь, отъ сердца ль говорю!
Въ томъ ты свидѣтель будь, что имя милосердо,
Доколѣ я жива, пребудетъ очень твердо.

Хоревъ.

Въ послѣднія уже любезный слыша гласъ
И видя предъ собой тебя въ послѣдній разъ,
Прошу тебя, скажи, скажи, княжна драгая,
Мои усердія въ умѣ располагая,
Возмогъ ли сердце я твое когда тронуть?
И чувствовала ли твоя хоть мало грудь
Тобой въ моей крови произведенный пламень?
Но можно ль воспалить огнемъ любовнымъ камень?
Я многажды тебѣ горячность открывалъ,
Которою меня твой сильно взоръ терзалъ:
Открытіе сіе мя паче тяготило,
Что слово на него ни разу не польстило;
Но кая красота мнѣ язву подала
И во отчаянномъ умѣ моемъ жила.
Я чаялъ, я рожденъ къ единой только брани,—
Противниковъ карать и налагати дани;
Но богъ любви тобой ту ярость умягчилъ,
Твой взоръ меня вздыхать во славѣ научилъ,
Когда твои глаза надежду мнѣ давали,
А безпристрастныя слова мнѣ сердце рвали:

Я слабости своей стыдился и стеналъ,
И въ горести моей, что дѣлати, не зналъ!
Противъ тебя, противъ себя вооружался,
И пламень мой тобой вседневно умножался.
Я тщился много разъ, дабы тебя забыть,
И мнился иногда уже свободенъ быть;
Но вспомнивъ, я опять то чувствовалъ, что страстенъ.
Сей гордый духъ тебѣ сталъ вѣчно быть подвластенъ.

Оснельда.

Ахъ! князь, къ чему ужъ то, что я тебѣ мила?
Къ чему тебѣ желать, чтобъ я склонна была?
Не мучь меня, не мучь, не извлекай слезъ рѣки;
Ужъ больше не видать тебѣ меня вовѣки.
Когда тебѣ судьба претитъ меня любить,
Старайся ты меня изъ мысли истребить.

Хоревъ.

Коль любишь, такъ скажи, исполнь мое желанье;
Пускай останется хотя воспоминанье.

Оснельда.

Люблю.... доволенъ ли? поди изъ глазъ моихъ,
Оставь меня въ тоскѣ, останься въ мысляхъ сихъ.
Я всѣ вздыханія твои напрасно трачу.
Мнѣ время отъѣзжать, а я лишь только плачу.
Ищи другой любви; довольно въ свѣтѣ дѣвъ,
Которымъ будетъ милъ любезный мой Хоревъ.
Люби, которая имѣть то счастье станетъ.
А та тебя по гробъ безъ слезъ не воспомянетъ,
Которой эту часть хотѣло небо дать,
Чтобъ ей тебя по смерть любить и не видать.

Хоревъ.

Ты любишь, а меня смертельно поражаешь?
Ты плачешь, а сама отселѣ отъѣзжаешь?

О боги! о княжна! имѣйте жалость днесь!
Пребудь надъ градомъ свѣтъ! княжна, останься здѣсь!

Оснельда.

Мой рокъ—такой, чтобъ я Хорева покидала
И чтобъ его во вѣкъ отнынѣ не видала.

Хоревъ.

Вѣщаешь о любви ты только мнѣ маня!

Оснельда.

Какъ я тебя люблю, люби ты такъ меня:
Или не вѣрь, имѣй неправедныя мысли,—
И мнѣ еще сію бѣду къ бѣдамъ причисли.
Какихъ ты требуешь свидѣтелей глазамъ,
Когда не вѣришь ты ни стону ни слезамъ!

Хоревъ.

Чего желается, и что намъ столь пріятно,
То кажется всегда намъ быть невѣроятно,
И зрится, какъ во снѣ; но о престрашный сонъ!
Какое множество въ семъ счастіи препонъ!
Пріятные часы! вы—щедры мнѣ и люты:
Какими я могу назвать сіи минуты?
Несчастными почесть? мнѣ—много счастья въ нихъ.
За счастливы принять? что злѣй минутъ мнѣ сихъ!
Оснельда, если бракъ любви не разрушаетъ,
И должность пламени въ крови не угашаетъ,
Почто творити намъ другъ другу стонъ?
И что препятствуетъ взойти тебѣ на тронъ,
Который ждетъ меня?... Ты мнѣ не отвѣчаешь:
Иль скипетръ и въ моихъ рукахъ противнымъ чаешь?

Оснельда.

Престань себѣ, мой князь, надеждою сей льстить
И ахъ! престань, престань мой разумъ симъ мутить.
Судьба меня съ тобой на вѣки раздѣлила,

И тщетно насъ любовь съ тобой соединила.
Какъ буду я имѣть въ одрѣ моемъ того,
Чей съ трона братъ отца низвергнулъ моего
И трупы братіевъ моихъ влачилъ безстыдно,
Взирая на престолъ Завлоховъ звѣровидно:
Гражданъ безъ жалости казнилъ и разорилъ,
И кровью нашею весь городъ обагрилъ!
Оснельду въ пеленахъ невольницей оставилъ.
Перунъ! почто меня отъ смерти ты избавилъ:
А жизнь оставя, далъ ты чувствовати честь?
Или,—чтобъ было мнѣ труднѣе иго несть!
Мнѣ бъ лучше умереть, какъ жити во неволѣ
И зрѣти хищника на отческомъ престолѣ.

Хоревъ.

Сея ли рѣчи я изъ устъ любезныхъ ждалъ!
Завлоха я еще, еще не побѣждалъ;
Но можетъ быть... Увы! ты плачъ усугубляешь.

Оснельда.

Какія ты слова со мной употребляешь?
Довольствуйся моей ты слабостью и рви
Во мнѣ печальный духъ, жестокой въ сей любви;
Оставь невольницей Оснельду въ жизни слезной,
Терзай меня, дерись съ отцемъ своей любезной:
Оружье я сама противъ себя дала;
Но вспомни ты, того ль я, чтя тебя, ждала.
Твоя рука еще Оснельду не губила;
Такъ сдѣлай, чтобъ она Хорева не любила.
Разрушь враждой любовь, будь счастливъ, побѣждай,
Взносись моей бѣдой; лишь только разсуждай:
Противъ кого ты, князь, ко брани гнѣвъ сугубишь,—
Идешь противъ тоя, которую ты любишь!

Хоревъ.

А если твой отецъ позволитъ на сіе?...
Скончаешь ли, княжна, мученіе мое?

Оснельда.

Какую область ты имѣешь надо мною!
Я злобъ не чувствую, мнѣ сказанныхъ тобою.

Хоревъ.

Всесильны небеса! подайте помощь намъ,
Оставьте духъ во мнѣ и свѣтъ моимъ очамъ!
Завлоховъ будетъ родъ тобой опять возставленъ,
И твой поносный плѣнъ моимъ вѣнцомъ прославленъ.
А Кій препятствовать не будетъ намъ ни въ чемъ:
И брань окончится любовью, не мечемъ.

Оснельда.

Изъ нашихъ подданныхъ, стенящихъ здѣсь во градѣ,
Пошли съ сей вѣстію, къ Завлоховой досадѣ,
Чтобъ вѣдалъ онъ, хоть я преступницей даюсь,
Что я въ моей любви враговъ его таюсь
И только лишь съ тобой единымъ согласилась.
О небо! что за мысль въ мой слабый умъ вселилась!

Хоревъ.

Поди, дражайшая, и грамоту готовь,
Пиши къ родителю, что вложитъ въ умъ любовь.
Изобрази отцу, стоящу въ ратномъ полѣ,
Что кровь его опять здѣсь будетъ на престолѣ,
И плѣнники своихъ покинутъ тягость узъ,
Когда совокупитъ желанный насъ союзъ.
Посолъ тебѣ въ сей часъ, любезная, предстанетъ.
Увы! когда моя надежда мя обманетъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кій и Сталверхъ.

Кій.

Ужель къ отшествію?...

Сталверхъ.

Готово все теперь,
Но ты обманамъ симъ не вѣрь, о князь! не вѣрь.
Съ отшествіемъ ея бѣда во градъ готова:
Завлохъ, принявшій дочь, не сдержитъ данна слова
И съ тою жъ яростью пойдетъ противу стѣнъ.
Брегися, государь, нечаянныхъ измѣнъ.

Кій.

Любезну зрѣти дочь чрезъ таковое средство—
Преобратится лесть ему же въ пуще бѣдство.
Что можетъ, разсуди, измѣнникъ учинить?
Народъ безчисленный удобно ль возмутить,
Въ которомъ множество мнѣ сердцемъ покоренно?
Владычество мое любовью утвержденно;
Меня мои рабы непринужденно чтятъ,
Мнѣ вѣрности давно ихъ внутренну явятъ.
Хотя моя рука отъ старости слабѣетъ,
И хладна кровь во мнѣ силъ прежнихъ не имѣетъ,
Возлюбленный мой братъ, наслѣдникъ мой и сынъ,
Соизволеніе прещедрыхъ мнѣ судьбинъ
Своею силою исполнитъ,—и съ размаху
Противъ враговъ моихъ пойдетъ, какъ левъ, безъ страху.

Сталверхъ.

Великій государь! но мужество его
Ты будешь ли имѣть на мѣсто своего?

Кій.

Сомнѣнія въ томъ нѣтъ. Строптивые сосѣды
По сѣверу гласятъ до волнъ его побѣды.
Сармація дрожитъ руки его меча.
Орда, какъ вѣтра прахъ, бѣжитъ его плеча.
Недавно отъ него безстрашные народы
Текли черезъ лѣса, чрезъ горы и чрезъ воды.
Казалось имъ, что онъ всю землю могъ потрясть,

И всю вселенную Россіи дать подъ власть.
Или,—что знаютъ всѣ, Сталверху неизвѣстно?
Дѣла Хоревовы гласятся повсемѣстно.

Сталверхъ.

Весь сѣверъ знаетъ то; но онъ великъ себѣ:
Коль славенъ мужествомъ, толь вреденъ онъ тебѣ.

Кій.

Хоревъ?... мой братъ?... мой сынъ... Хоревъ меня обманетъ?
Опомнися: Хоревъ противъ меня возстанетъ?

Сталверхъ.

А если будетъ такъ, что скажешь ты тогда?
Раскаянье живетъ и поздно иногда.
Питай водами лавръ, доколѣ не увянетъ,
И скройся грозныхъ тучъ, доколѣ громъ не грянетъ.

Кій.

Чѣмъ можешь ты меня, Сталверхъ, увѣрить въ томъ?
И предвѣщаешь ты, скажи, какой мнѣ громъ?

Сталверхъ.

Внемли, что я внималъ, и разсуждай безстрастно,
Правдиво ли мое сомнѣнье, иль напрасно:
Когда я шелъ сюда, Хоревъ отселѣ шелъ
И изъ чертоговъ сихъ съ собой Оснельду велъ,
Которая тебя убійцемъ называла,
И, плача, вотъ какой совѣтъ она давала:
Коль надобна, мой князь, любовь моя,
Такъ будь Завлоху другъ, а я—по смерть твоя.
Услыша странное, я тотчасъ утаился,
Чтобъ ясно разговоръ начатый мнѣ открылся.
Онъ ей отвѣтствовалъ—что злѣй сего сказать!
Я кровь отцевъ твоихъ взнесу на тронъ опять!
И воспріявъ съ тобой страны сея державу,
Твой родъ возобновлю, воздвигну падшу славу.

Кій.

Сталверхъ! ты—вѣренъ мнѣ; но дѣло таково
Восходитъ выше силъ понятья моего.
Кому на свѣтѣ семъ вдругъ вѣрити возможно?
Хочу равно и ложь, и истину внимать
И слѣпо никого не буду осуждать.
Мятусь, и лютаго злодѣя видя въ горѣ.
Князь—кормщикъ корабля, власть княжеская—море,
Гдѣ вѣтры, камни, мель препятствуютъ судамъ,
Желающимъ пристать къ покойнымъ берегамъ.
Но часто кажутся и облаки горами,
Летая вдалекѣ по небу надъ водами,
Которыхъ кормщику не должно обѣгать;
Но горы ль то, иль нѣтъ—искусствомъ разбирать.
Хоть всѣ бъ вѣщали мнѣ: тамъ горы, мели тамо,—
Когда не вижу самъ, плыву безъ страха прямо.

ЯВЛЕНІЕ II.

Кій и Хоревъ.

Кій.

Примай оружіе: се долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,
Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала.
Вели въ трубы гласить и на враговъ возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань.
Ступай—и побѣди, и возвратися славно,
Какъ съ Скиѳскія войны подъ лаврами недавно.

Хоревъ.

Наукѣ бранной ты Хорева самъ училъ,—
Я имя славное тобою получилъ.
И ты пять лѣтъ мнѣ самъ свидѣтель былъ вседневно,
Страшился ль я когда враговъ во время гнѣвно?
Какъ сталъ ты немощенъ, я твой намѣстникъ сталъ,

И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
Въ трудахъ и подвигахъ возросъ и укрѣпился,
И безпокойствовать безскучно научился.
Но сколько воиновъ смерть алчна пожрала?
Возбудитъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
И трубы ихъ въ крови противничей тонули?
Колико въ снѣдь звѣрямъ отцевъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечемъ? колико душъ взялъ адъ?
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ,
Помремъ; но жертвы сей она теперь не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея,
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и первый сниду я:
Но нынѣ страха нѣтъ народу и коронѣ;
А мечъ дается намъ лишь только къ оборонѣ.

Кій.

Когда Завлохъ дерзнулъ сей городъ осадить,
Такъ должно воинство ко брани учредить.

Хоревъ.

Онъ дочери своей одной отъ насъ желаетъ,
А прочее намъ все безбранно оставляетъ.
Ты самъ предъ симъ часомъ людей своихъ щадилъ:
Что сталося, что вдругъ ты мысли премѣнилъ?

Кій.

Нѣтъ, князь, нейти на брань—не ту вину имѣешь,
Что ты о воинствѣ печешься и жалѣешь;
Твою я вижу мысль, и что въ умѣ твоемъ,
О чемъ ты сѣтуешь въ смятеніи своемъ:
Ты хочешь, чтобъ княжна свободу воспріяла.

Хоревъ.

Хотя бы и того душа моя желала,
Чтобъ намъ во тишинѣ, а ей по волѣ жить,—
Желаньемъ симъ тебя могу ли прогнѣвить?

Щедрота похвалы въ побѣдахъ умножаетъ
И человѣчество въ душахъ изображаетъ.
Или подобиться во бранныхъ дѣйствахъ намъ
Въ пустыняхъ ужасно воюющимъ звѣрямъ,
Которы никакой пощады не имѣютъ?
Не ихъ примѣры намъ во браняхъ быть довлѣютъ.
Довольно въ варварствѣ мы кровь свою піемъ,
Когда по должности другъ друга мы біемъ
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ.
Подъ видомъ мужества мы звѣрство возвышаемъ.
Какое имя ты, лесть груба, злу дала?
Убійство и грабежъ геройствомъ назвала!

Кій.

Но если мщенія Оснельда не забудетъ,
И ежели супругъ ея таковъ мнѣ будетъ,
Какъ прежде былъ Хоревъ трепещущимъ ордамъ,
Текущимъ отъ него по блатамъ и водамъ?

Хоревъ.

Привыкшіе давно народы побѣждати
Не могутъ надъ собой побѣды ожидати.
А ты, о государь! не жди моихъ измѣнъ:
Въ сей часъ, въ сей злѣйшій часъ, иду изъ градскихъ стѣнъ,
И ежели рука не дрогнетъ среди бою,
Я буду подъ стѣной съ Завлоховой главою.

ЯВЛЕНІЕ III.

Кій одинъ.

Нельзя повѣрити, чтобъ онъ измѣнникъ былъ
И чтобы милости родительски забылъ;
Противу честности всегда любовь безмочна:
Хоревова душа чиста и непорочна.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кій и Астрада.

Астрада.

Гласъ трубный съ градскихъ стѣнъ полки на брань зоветъ,
Или Оснельдѣ, князь, уже свободы нѣтъ,
Котору ты хотѣлъ освободити съ честью?
Она обманута надежды гнѣвной лестью,
Надеждой усладясь, горчайши слезы льетъ,
И, очи возводя на небо, вопіетъ,
Чтобъ небо сжалилось, чтобъ боги смерть послали
И данную бъ ей жизнь къ себѣ возвратно взяли.
Оставь отмщеніе, не буди въ немъ толь твердъ,
И сколько счастливъ ты, будь столько милосердъ.
Отри отъ глазъ ея ліющіяся рѣки
И вспомни, что и мы такіе жъ человѣки,
Хотя насъ брани богъ тебѣ и покорилъ,
И, счастье наше взявъ, имъ Кія одарилъ.
И если ты его понудишь прогнѣвиться,
Такъ можетъ и тебѣ подобное явиться.
Благая смертнымъ часть хвалы не принесетъ,
И счастье и бѣды всѣмъ небо подаетъ,
Однимъ лишь тѣмъ тебѣ прославиться удобно,
Что добродѣтеленъ и царствуешь незлобно.

Кій.

Я ею огорченъ, довольно и того
Блаженства нынѣ ей отъ гнѣва моего,
Что вольности ея оставшей не отъемлю:
Я больше жалобы Оснельдиной не внемлю.

(Отходитъ)

Астрада.

Пошлите казни всѣ на мя, о боги, вдругъ
И выньте изъ меня стѣсненный въ тѣлѣ духъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Оснельда и Астрада.

Астрада.

Нѣтъ помощи нигдѣ, спасенія не видно,
Кій уши отвратилъ отъ жалобы безстыдно,
Надежды больше нѣтъ: любезный твой Хоревъ
Сбираетъ воинство, рыкая такъ, какъ левъ.

Оснельда.

Хоревъ въ ружьѣ! о льстецъ! и ты встаешь безчинно
На сердце, кое, ахъ! ни въ чемъ тебѣ не винно;
Но винно предъ отцемъ, что ты ему сталъ милъ
Противу совѣсти, когда въ томъ долгъ претилъ.
Пускай бы кѣмъ инымъ рвалась моя утроба,
И отверзалась мнѣ рукой иной дверь гроба.
А то тобой, тобой, кого я толь люблю,
Послѣднюю мою надежду я гублю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хоревъ, Оснельда и Астрада.

Оснельда.

Смотри и веселись страданьями моими
И буди восхищенъ заразами прямыми.
Отдай ту власти часть, котору мнѣ сулилъ,
Ругаясь надо мной, кто въ правду будетъ милъ.

Хоревъ.

Скажи и научи, что мнѣ сказать, драгая,
Отъ повелѣнія мнѣ данна избѣгая?
Безъ разсужденія я все сказать хощу—
И мечъ въ влагалище предъ войскомъ обращу;
Безчестье только я безсиленъ лишь носити:
Сего, дрожайшая, мнѣ легче смерть вкусити.
Безчестіемъ тебѣ кто станетъ угождать,
Достоинъ ли, скажи, тобою обладать?
Съ безславьемъ смѣшенна любовницѣ услуга,
Помысли, какова сулишь ей дать супруга.

Оснельда.

Ступай и побѣждай,—не буду я претить;
И не стараюся твоихъ побѣдъ затмить;
Но взглянешь ли на лавръ веселыми глазами,
Который орошенъ моими весь слезами?

Хоревъ.

Пошлите, боги, смерть скорѣй мой духъ извлечь!
И выньте изъ руки моей кровавый мечъ!
Чтобъ слава многихъ лѣтъ мгновенно не упала,
И честь моя къ стыду въ любви не утопала:
Иль истребите вы во внутренней любовь
И лишь къ одной войнѣ воспламеняйте кровь.

Оснельда.

Почто богамъ, почто о помощи вѣщаешь?
Уже и безъ того любви не ощущаешь;
Когда бы рокъ тебѣ любить меня велѣлъ,
Такъ ты бъ тогда меня и слезъ моихъ жалѣлъ,
Которы предъ тобой въ отчаяніи трачу:
Ты въ ярости своей не видишь, какъ я плачу.

Хоревъ.

Не вижу! ахъ, княжна! когда бъ ты зрѣть могла,
Какимъ ты пламенемъ Хоревовъ духъ зажгла,
Какъ я отъ сей любви теперь изнемогаю,
И что къ отчаянью тобою прибѣгаю:
Я вѣдаю, чтобъ ты престала гнѣвъ имѣть,
И стала бъ обо мнѣ несчастномъ сожалѣть.
Въ какой, въ которой день и коею звѣздою,
Оснельда, восхищенъ сталъ слабый духъ тобою!
И кое варварство мнѣ участь навела,
Что ты въ такіе дни мнѣ стала быть мила!

Оснельда.

Довольствуйся однимъ ты мужественнымъ боемъ;
И если славно быть такимъ тебѣ героемъ,

Чтобъ ты, не умягченъ любезной токомъ слезъ,
Оружіе свое на кровь ея вознесъ,
Насыть свой алчный мечъ, напейся кровью жадно;
И ежели еще оружье будетъ гладно,
Вотъ грудь моя,—вонзи мечъ острый ты въ нее
И въ гнѣвѣ извлеки дыханіе мое,
То сердце умертвивъ, тебѣ которо мило,
И умираючи еще тебя любило.

Хоревъ.

Когда я въ бѣдственныхъ лютѣйша дня часахъ,
Какъ тигръ кажуся быть воспитанный въ лѣсахъ,
Такъ вѣдай, что меня во градъ съ кровава бою
Внесутъ и мертваго положатъ предъ тобою.
Не извлеку меча, хотя иду на брань,
И раздѣлю животъ тебѣ и долгу въ дань.

Оснельда.

Живи, не погибай воспоминаньемъ вздоха,
Лишь только пощади въ сраженіи Завлоха,
И если милосердъ во брани будетъ рокъ,
Какъ можно уменьшай ліющійся потокъ
Кровей моихъ людей, когда прейдетъ ихъ сила,
И вспомни, что о томъ съ слезами я просила.

Хоревъ.

Имѣй надежду въ томъ и мысли тѣ имѣй,
Что я иду на брань по должности своей,
И что Хоревъ сію брань самъ уничтожаетъ.
Не ярость, не вражда меня вооружаетъ...
Но можетъ быти вѣсть пріятна поспѣшитъ,
Котора брани гнѣвъ въ народахъ утишитъ....
О время! ахъ! за что ты намъ толико строго!

Оснельда.

Или за то, что мы другъ друга любимъ много!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Оснельда одна.

Скрывай свою печаль, скрывай и утоляй,
И воздыханіе, какъ можешь, удаляй.
Се предсказаніе сердечно совершилось,
И сердце своея надежды ужъ лишилось.
Желающа любви стыжуся ужъ ея.
Страдай теперь душа, страдай душа моя!
Печальный мя отвѣтъ родительскою властью
Терзаетъ съ стороны, съ другія—мучусь страстью.
Съ обѣихъ странъ напасть,—нѣтъ помощи нигдѣ.
Гдѣ скрыться? что начать въ несносной сей бѣдѣ?
Подверженна теперь родительскому гнѣву,
Какую вѣсть скажу любезному Хореву?
Вотъ часть Оснельдина: о солнце! о луна!
Къ чему, увы! къ чему родилася она!
Оставленна въ стыдѣ, оставленна во гнѣвѣ:
О младость! о краса, дающа гордость дѣвѣ!
Прельщающая тѣнь! вреднѣйшій дѣвамъ даръ!
Мнѣ ты, ахъ! ты дала жестокой сей ударъ.
Порокъ и счастливымъ бываетъ въ жини вреденъ;
А кто несчастливъ, тотъ и безъ пороковъ бѣденъ.
А я въ дни бранные на свѣтъ произошла,
Позналася въ бѣдахъ, въ неволѣ возрасла,
Стеню безпомощно, крушуся безнадежно,
Лѣется въ жилахъ кровь, тревожа духъ мятежно:
Терплю и мучуся безъ всякихъ оборонъ—
Ни людямъ, ни богамъ не жалостенъ мой стонъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Оснельда и Астрада.

Оснельда.

Прочти сіе письмо, зри новыя напасти,

Что я не возмогла преодолѣти страсти.
Какая это казнь!

Астрада.

Покорствуй временамъ.
Раскается потомъ родитель твой и самъ;
Не сѣтуй,—все прейдетъ, когда душа въ чемъ права.

Оснельда.

Хотя душа чиста, но погибаетъ слава.
И, можетъ быть, ужъ я дѣйствительно грѣшу,
Что я въ дѣвичествѣ симъ пламенемъ дышу.
А свѣтъ, превратный свѣтъ, того не разсуждаетъ:
Не праведнымъ судомъ, но злобой осуждаетъ.
О нравы грубые! о дни! о времена!
Щедрота, истина суть праздны имена.
Злодѣйство въ жизни сей безпрестанно жаждетъ,
А бѣдная душа, живуща въ тѣлѣ, страждетъ.
О чемъ жалѣемъ мы, что наша жизнь кратка,
И чѣмъ намъ кажется она быть толь сладка?
Приди, желанна смерть! закрой слезящи очи!
И раствори врата Оснельдѣ вѣчной ночи!
Но что сіе есть смерть? порогъ изъ свѣта вонъ;
Животъ—мечтаніе и преходящій сонъ.
А ты, о счастливыхъ дражайшая утѣха,
Любовь! прости; мнѣ нѣтъ, мнѣ нѣтъ въ тебѣ успѣха.
Возлюбленнѣйшій зракъ! престань мечтаться мнѣ;
Не пригвождай меня къ мучительной странѣ!
Не пригвождай моихъ смущенныхъ мыслей къ свѣту
И тщетно не давай пріятнаго обѣту!
Подите отъ меня вы, нѣжны мысли, прочь,
Не представляйте мнѣ бѣдою тиху ночь!
Не рушьте моего желаннаго покою!
Да нетрепещущей скончаю жизнь рукою.
А ты родителю дай знать....

(Возноситъ руку съ приготовленнымъ кинжаломъ).

Астрада отъемлетъ кинжалъ изъ рукъ ея.

Дай смерть себѣ,
Коль хочешь, чтобъ Хоревъ послѣдовалъ тебѣ.

Оснельда.

Какое имя ты, Астрада, вспоминаешь!
Почто мои стези ко смерти препинаешь?
Иль кажется тебѣ, что мало въ жизни мукъ?

Астрада.

Но срамно умереть своихъ убійствомъ рукъ.

Оснельда.

Когда нѣтъ области надъ жизнію своею,
Такъ что жъ осталося подъ властію моею?

Астрада.

Хоревъ, которому сей градъ и вся страна
Отдастся въ власть, когда взойдетъ его луна,
И придутъ дни его.

Оснельда.

Хоревъ моимъ не будетъ
И, упованія лишась, меня забудетъ,
А честь владычества съ иною раздѣлитъ.
Но ахъ! не то, не то стонати мнѣ велитъ:
Не скипетръ, не вѣнецъ мнѣ льститъ въ отцевомъ градѣ,—
Я съ нимъ готова бъ жить въ убогомъ стадѣ,
Питаться быліемъ, едину воду пить.
Хотѣла одного, чтобъ только съ нимъ мнѣ быть.
Но что я зрю? увы!

ЯВЛЕНІЕ III.

Хоревъ, Оснельда и Астрада.

Оснельда.

Несчастлива я въ свѣтѣ!

Астрада.

Взгляни на сей кинжалъ, и мысли, что въ отвѣтѣ
Къ княжнѣ написано.

Хоревъ.

Того ль я, боги, ждалъ!
(Читаетъ письмо).

Астрада (во время чтенія).

Кого любовный жаръ толико повреждалъ!
Надежду окончавъ въ минуты жизни слезной,
Едва не скрылась ты въ отчаяніи бездной.
Владычица тоя во мракъ тебя звала.
Къ сему ли варварству краса твоя цвѣла?

Оснельда (Хореву).

Мнѣ ты виною въ томъ и склонность запрещенна,
А я—по самый гробъ, мой князь, тебя лишенна.

Хоревъ.

Лишенна? ахъ, княжна! представь себѣ: кому
Ты это говоришь—Хореву своему.
Вѣдь нѣтъ любовнику сего жесточе слова!

Оснельда.

Не сѣтуй, помогай.

Хоревъ.

О время рока злова!

Оснельда.

Коль любишь ты меня, такъ честь мою люби;
Коль нѣтъ, отъемли честь, отъемли жизнь, люби
Любезную свою; слезъ больше не имѣю
И больше умолять Хорева не умѣю.

Хоревъ.

Какой ты помощи, княжна, желаешь мной?

Оснельда.

Тебя, любезный, зрѣть мнѣ ставится виной.
Отецъ мя, давъ мнѣ жизнь, утѣхъ ея лишаетъ:
Разстанься, князь, со мной, коль рокъ любви мѣшаетъ.

Хоревъ.

Но коимъ образомъ разстаться ты велишь?
Подай скорѣе смерть, котору ты сулишь.

Оснельда.

Ахъ! нѣтъ, живи; но днесь оставь надежду дальну
И больше не смущай словами мысль печальну,
Не говори тѣхъ словъ, которы слабятъ умъ,
И больше не имѣй о мнѣ любовныхъ думъ;
Оснельду ими ты лишь больше огорчаешь.

Хоревъ.

Въ которую страну несчастна отлучаешь?,
Въ который свѣта край мя хочешь отдалить?
Въ какой пустынѣ мнѣ велишь ты слезы лить,
Которыя мужамъ хотя и неприличны,
Но если горести обымутъ необычны,
Вздыханіе и стонъ удобно извлекутъ,
И слезы изъ очей неволей потекутъ.

Оснельда.

Возлюбленный мой князь! я то ли предпріемлю,
Чтобъ ты для плѣнницы свою оставилъ землю!
Прославленъ храбростью, гражданами любимъ,
И въ младости своей врагамъ ужасенъ зримъ,
Останься, гдѣ живешь, и защищай границы;
Но подзрѣваему честь юныя дѣвицы,
Любовницы своей, оправити ей дай:
Пусти меня къ отцу.

Хоревъ.

Помысли, разсуждай,
Могу ль я симъ тебѣ свободу приносити?

Что будетъ обо мнѣ тогда весь градъ гласити?
Что скажешь ты сама? какой примѣръ я дамъ
Державы своея подверженнымъ рабамъ?
Тѣ люди, коими законы сотворенны,
Закону своему и сами покоренны.
Ты имя мнѣ мое велишь теперь губить:
Иль можешь ты потомъ измѣнника любить?

Оснельда.

Инъ мучь безъ жалости любовницу несчастну
И умерщвляй меня всѣмъ сердцемъ страстну!

Хоревъ.

Я симъ величество твое изображу,
И послѣ самъ тебя на тронѣ посажу.
Потомки возгласятъ, что я владѣлъ страною
И властвовалъ собой, ты властвовала мною.

Оснельда.

Престолъ мой кажется бѣжати отъ меня:
На что обманывать несчастную маня?
Потомки возгласятъ, что ты меня оставилъ
Въ стыдѣ, которымъ ты, ты самъ меня безславилъ.
И такъ погибнетъ та мечтательная честь,
А я умру въ плѣну—возможно ли то снесть!
Въ стыдѣ влачити жизнь, по смерть порокъ терпѣти,
И при концѣ сію мысль лютую имѣти,
Что я съ безчестьемъ на свѣтѣ семъ жила
И съ нимъ кончаюся.

Хоревъ.

Вина стыда мала;
Къ чему природа насъ безвредно понуждаетъ,
Тѣ страсти въ насъ одно злодѣйство охуждаетъ.

Оснельда.

Сей страсти все претитъ. Когда родитель мой
Для дщери своея разрушилъ свой покой:

Пришелъ изъ дальнихъ странъ къ потерянному граду
Найти при старости послѣднюю отраду,
Ни блата, озера, ни степи, ни лѣса,
Ни горы каменны, ни мрачны небеса
Остановить его не возмогли въ походѣ;
И таковую ль мзду воздамъ своей природѣ?
Такіе ли, увы! произростятъ плоды
Желанію его подъятые труды?
За то, что онъ родилъ, его врагомъ я стала,
Когда онъ былъ въ трудахъ, я въ роскоши дерзала,
Съ кѣмъ онъ вступаетъ въ брань, того теперь люблю.
Колико бѣдъ я вдругъ, возлюбленный, терплю?

Хоревъ.

О время! о часы!

Оснельда.

О вы, случаи люты,
Скончайте мнѣ скорѣй толь горькія минуты!

Хоревъ.

Се слышу гласъ трубы зовущія на брань.

Оснельда.

О небо! отврати свой громъ! иль праздно грянь!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хоревъ, Оснельда и Велькаръ.

Велькаръ.

Полки всѣ собранны къ теченію изъ града,
Завлохъ у самыхъ стѣнъ, и зачалась осада.
Скрежещущая смерть взмахнула ужъ косу:
Оставь теперь, оставь возлюбленну красу.
Во всемъ стремленьи смерть ко граду приближенна,
И все являетъ то; на насъ вооруженна,
Что только можетъ женъ ко трепету привлечь

И мужески сердца воздвигнуть и зажечь.
Ступай, о государь! ступай на ратно поле:
Или погибнетъ все! Ступай, не медли болѣ.

Оснельда.

Возможно ли сіе смятеніе снести!
Прости, любезный князь! впослѣднія прости.

Хоревъ.

Надѣйся, что сіе несчастье прекратится,
И что къ тебѣ Хоревъ на радость возвратится.
Жалѣй сихъ слезъ, жалѣй, которыя ты льешь!
А ими изъ меня стѣсненный духъ влечешь.
Не плачь толь горестно, не сѣтуй безъ отрады;
Ахъ! либо и прейдутъ часы сея досады.

Оснельда.

Могу ль не плакать я въ случаяхъ таковыхъ?
И можешь ли жалѣть ты больше слезъ моихъ,
Когда твой правый гнѣвъ противъ меня пылаетъ,
И ахъ! противъ меня ко брани посылаетъ?

Хоревъ.

Прости и умѣряй тоску, животъ храня.

Оснельда.

Разверзися земля и поглоти меня!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кій и Сталверхъ.

Кій.

Что войско дѣлаетъ?

Сталверхъ.

Хоревъ пошелъ изъ града,
И вся россійскаго престола съ нимъ ограда.

Подъяло воинство граждански бремена,
Уже распущены по вѣтрамъ знамена.
Зовущіе на смерть по накрамъ громки бои
Являютъ, каковы россійскіе герои,
И что въ природѣ нѣтъ такого ничего,
Что бъ въ ужасъ привести въ полкахъ могло кого.
Вы сами скажете, державы сей сосѣды,
Колики одержалъ надъ вами Кій побѣды.
Которая земля прославилася такъ?
Здѣсь воинъ въ брань идетъ, подобно какъ на бракъ.
Какъ быстрая рѣка, ліяся чрезъ долины,
Что встрѣтитъ, все влечетъ съ собой въ морски пучины:
И разліяніемъ валъ къ устью горделивъ,
Отъемлетъ брегъ, топя плоды съ далекихъ нивъ.
Таковъ есть нашъ народъ въ сраженіи жестокомъ:
Хоть смерть въ очахъ его, онъ зритъ безстрашнымъ окомъ.
Но ежели въ сей день иная будетъ вѣсть?
О братство звѣрское! о пагубная лесть!

Кій.

Знать, рѣчь Оснельдина пришла тебѣ невнятно,
И братне слово къ ней услышилось превратно.
За малодушіе князь видѣлъ Кіевъ гнѣвъ,
И, бывъ любовникомъ, сталъ паки быть Хоревъ.

Сталверхъ.

Почто, о государь, смягчилъ ты сердце гнѣвно?
Ты будешь помнити прошедшій гнѣвъ вседневно.

Кій.

Такъ хочешь ты, чтобъ я въ враждѣ съ Хоревомъ былъ,
Или бъ его на смерть во гнѣвѣ осудилъ,
И всѣ дни сѣтовалъ оставшаго мнѣ вѣка?
Довольно слезъ лила мнѣ смерть любезна Щека:
Ты вѣдаешь, Сталверхъ, что средній сей нашъ братъ,
Какъ сей въ осадѣ былъ непобѣдимый градъ,
Во мужествѣ своемъ убитый подъ стѣною,

Мнѣ лютой въ торжествѣ былъ ярости виною.
Я башни разметалъ и храмы разорилъ,
И мѣсто, гдѣ онъ гибъ, я кровью обагрилъ.

Сталверхъ.

Теперь, о государь! еще есть нѣчто ново:
Имѣю донести тебѣ важнѣйше слово.
Темничный нѣкто стражъ передъ меня предсталъ—
И вотъ какое мнѣ извѣстіе сказалъ,
Съ великимъ говоря усердіемъ и жаромъ:
Единъ изъ плѣнныхъ былъ освобожденъ Велькаромъ,
Который выпускъ сей тобою объявилъ,
Что будто плѣнникъ сей передъ тебя званъ былъ;
Потомъ съ Велькаромъ онъ опять у нихъ явился
И въ узы прежнія въ темницѣ заключился.
Но стражи, кои градъ и стѣны стерегутъ,
Изобличеніе яснѣйшее даютъ:
Велькаръ имъ далъ приказъ врата отверсти спѣшно,—
Довольно ли сего ко обличенью дѣлъ,
Въ которыхъ ты, мой князь, мнѣ вѣрить не хотѣлъ?

Кій.

Представь свидѣтелей предъ княжескія очи,
И будемъ ожидать сея ужасной ночи,
Котора вознесетъ на небо свой покровъ
Покрыть невольниковъ во градѣ безъ оковъ,
Въ которой блескъ вѣнца главы моей затмится,
И кровь невольничья съ геройской съединится.
Съ какою кровію моя смѣсится кровь!
Что дѣлаешь ты, что проклятая любовь!
Представь.

ЯВЛЕНІЕ II.

Кій одинъ.

Когда Сталверхъ сказалъ сіе неложно,
Такъ трона удержать ужъ больше невозможно.

Мечъ Росскій на себя я нынѣ изострилъ,
Врага и воинство изъ града испустилъ.
Мечи, которые противъ враговъ блистали,
И стрѣлы, кои въ нихъ въ сраженіи летали,
Герой и братъ, о комъ толико я рачилъ
И коего въ войнѣ безстрастію училъ,
На мя на самого жестокость обращаютъ
И трону моему паденье возвѣщаютъ!
Но чтобы предварить толико лютый громъ,
Я не низвергнусь въ адъ Хоревовымъ рабомъ,
Лишь только мечъ его сверкнетъ на ратномъ полѣ,
На Кія возвращенъ, скончаюсь на престолѣ:
А сей лютѣйшій ядъ противныхъ мнѣ кровей—
Оснельду—погублю и сниду купно съ ней
Въ подземныя мѣста, чрезъ мрачныя степени,
Чрезъ непроходный путь, во тьму, гдѣ дремлютъ тѣни.
Не такъ: свирѣпая, коль толь твой вреденъ взглядъ,
Не жди побѣдъ, умри, предшествуй мнѣ во адъ,
Глаза твои, глаза прелестные, сомкнутся,
Доколѣ на поляхъ побѣды не зачнутся.
Еще мнѣ время есть представить во тщету
Надежду, молодость, любовь и красоту,
Чтобъ счастья ты сего ликуя не видала,
Какъ съ Кіевой главы корона ниспадала,
И что Хоревъ...

ЯВЛЕНІЕ III.

Кій, Сталверхъ и два стража.

СТАЛВЕРХЪ.

Они изустно возвѣстятъ,
Въ Хоревѣ каковый таился лютый ядъ.
Свидѣтельствуючи нелицемѣрну службу
И недостойную твою со братомъ дружбу,
Я жизнь его и часъ рожденія кляну.
Оставь, о государь, отъ ревности вину!

Кій.

Отъ истины сея дрожатъ мои всѣ члены.
Какія сталися, рабы мои, измѣны?

Стражъ темницъ.

Великій государь, намъ сказано сіе,
Что плѣнный предстаетъ передъ лице твое.

Стражъ градскихъ стѣнъ.

А я, какъ посланну съ письмомъ отсель тобою,
Не удержавъ его ни мало предъ собою,
Отверзъ ему врата и далъ свободный путь.

Кій.

Или, Сталверхъ, сіе—обманъ какой-нибудь
Отъ стражей, въ пагубу невинному Хореву,
Иль впрямь, безсмертные, привелъ я васъ ко гнѣву!
О вѣрные рабы! вы, духъ мой весь томя,
Коль правду донесли, не сѣтуйте на мя,
Что я о истинѣ, мнѣ сказанной, сумнѣлся.
Хоревъ! когда таковъ въ очахъ моихъ ты зрѣлся!
Какую злую мысль ты тщился расплодить?
Легко ль владѣтелю съ престола нисходить,
Оставить честь и санъ, съ главы сложить корону,
Лишася области [1]), подвергнуться закону,
И, повелителю народовъ, быть рабомъ.
Гдѣ скрыть безчестіе? о градъ! о княжескъ домъ!
Пустите убѣжать мнѣ васъ, умрети [2]) нынѣ,
Въ лѣсахъ скончати жизнь и смерть принять въ пустынѣ.
Пусть кровію моей напьется вранъ въ лѣсахъ,
И тѣло въ алчущихъ истлѣетъ тамо псахъ.
Но гдѣ невольникъ сей, мнѣ должно извѣститься.

Сталверхъ, немного отошедъ.

Войди въ чертогъ сюда предъ княземъ обличиться.

---

[1]) Права.
[2]) Умереть.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и невольникъ.

Невольникъ.

Окамененнымъ мя вина моя творитъ.

Кій.

Несчастный, говори; кто правду говоритъ,
Того судъ праведный щедрѣе обвиняетъ:
Кій гнѣвный казнь твою въ пощаду премѣняетъ.
Зачѣмъ ты посланъ былъ во вражескій мнѣ станъ?
Какой имѣлъ приказъ? и кѣмъ приказъ былъ данъ?

Невольникъ.

Велькаромъ свобожденъ нечаянно темницы,
Представленъ предъ глаза несчастныя дѣвицы,
Котора иногда княжна моя была,
Котора и въ плѣну своимъ рабамъ мила;
Я грамоту отнесъ и возвращенъ съ отвѣтомъ:
А что въ нихъ писано, клянусь предъ всѣмъ я свѣтомъ,
Что мнѣ того никто, что въ ней, не показалъ.
Клянуся жизнію, что правду я сказалъ.

Кій.

При отправленіи какія рѣчи были?

Невольникъ.

Я долженъ все сказать то, что ни говорили:
Княжна при отпускѣ велѣла объявить,
Что чаетъ симъ она на княжескъ тронъ взойтить;
Но чтобы дѣло то весьма сокрыто было,
И чтобы воинство того не ощутило,
Доколѣ мѣры всѣ не возьмутся къ тому.
А князь, отвѣтствуя по слову моему,
Сказати ей велѣлъ, во гнѣвѣ то вѣщая,—
Не знаю, на кого ту ярость ощущая,—
Чтобъ дѣлала она то, что ей долгъ велитъ.

Сей плѣнникъ предъ тобой всю правду говоритъ.
А больше, государь, о дѣлѣ семъ не знаю.

Кій.

Сталверхъ, я цѣпь съ него сложить повелѣваю.
Сего довольно мнѣ,—токъ дѣйства виденъ весь.
Изыдите отсель: а ты останься здѣсь.

ЯВЛЕНІЕ V.

Кій и Сталверхъ.

Кій.

Что мы не въ строгости Оснельду содержали,—
Вотъ съ милости плоды какіе мы пожали.
А ты, о лютый звѣрь, съ главы того вѣнецъ
Снимаешь дерзостно, кто былъ тебѣ отецъ.
Льзя ль чаять было мнѣ, чтобъ сдѣлалъ ты измѣны!
Падите на меня, о вы, чертожны стѣны,
Которы видѣли младенчество его,
Что я его ростилъ, какъ сына своего!
Не сына, но змѣю мнѣ время днесь являетъ,
Которая меня злымъ жаломъ уязвляетъ.
Ни самый лютый тигръ толь жестокъ можетъ быть.
Но ахъ! къ чему слова въ сей крайности плодить.
Введи княжну сюда окованну съ собою,
Да мой умножитъ гнѣвъ жестокою судьбою
И милосердіе во злобу претворитъ,
Которое о ней мнѣ въ сердцѣ говоритъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кій одинъ.

Какую чувствую я въ сердцѣ жалость болѣ!
Или ее хочу оставить на престолѣ,
Чтобъ, область воспріявъ съ Хоревомъ въ сей странѣ,
За милосердіе, она ругалась мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Кій, Сталверхъ и Оснельда.

Оснельда.

Спѣши, желаемый, ко мнѣ, мракъ вѣчной ночи!
Закройтеся скорѣй мои слезящи очи!
Казни—я милости просити не хощу!
Казни—я горькій духъ безстрашно испущу!

Кій.

Принудивъ власть мою на мщенье правосудно,
Ты въ то меня ввела, что щедролюбцамъ трудно
И гнусно естеству. Свирѣпая, твой взглядъ
Оставитъ по тебѣ потомкамъ вѣчный смрадъ.
Нѣтъ, ты не отъ людей на свѣтъ произведенна,
Ты лютой львицею въ глухихъ лѣсахъ рожденна,
Или воспитанна ты тигринымъ млекомъ...

Оснельда.

Престань, о государь, во гнѣвѣ быть такомъ,
Или свершай свой гнѣвъ, оставя брани, дѣломъ,
И разлучай мою несчастну душу съ тѣломъ!
Когда противъ тебя содѣлала я что,
Я вся въ твоихъ рукахъ, карай меня за то!

Кій.

Не умножай во мнѣ ты больше гнѣва люта!
И такъ [1]) твоя пришла послѣдняя минута.
Хотя въ Хоревѣ ты измѣнника нашла,
Не думай, чтобы ты на Кіевъ тронъ взошла.

Оснельда.

Хоревъ измѣнникъ сталъ! Хоревъ тебѣ невѣренъ!
Ахъ, князь! твой жаркой гнѣвъ напрасенъ, иль чрезмѣренъ.

Кій.

Ты хочешь оправдать измѣнника сего,
Врага отечества и друга своего?
Страшись!

[1]) И безъ того.

Оснельда.

Не мни, чтобъ я свирѣпствъ твоихъ боялась,
Или бы съ жизнію скорбяща разставалась.
Я—въ бѣдности, въ плѣну, я въ узахъ въ сей странѣ;
Но смерть трепещуща приближится ко мнѣ
И робко разлучитъ мое съ душею тѣло,
Увидючи меня на гробъ мой зрящу смѣло.
Стремися жизнь отнять, стремися, погубляй
И всѣ свирѣпости свои на мнѣ являй:
Ты можешь покарать, коль хочешь, мя безвинно;
Но ахъ! противъ его вставать тебѣ—безчинно.

Кій.

Но сожалѣніе толикое о немъ
Родилось отчего въ плѣненіи твоемъ!

Оснельда.

Одна ль его чту я? онъ—милъ всему народу,
А мнѣ, содержанной въ плѣну, давалъ свободу.
Не самъ ли, государь, ты тако прогнѣвленъ,
Что сей герой легчилъ несчастной дѣвы плѣнъ?
Но ты все съ нами былъ и все то прежде видѣлъ;
Что сдѣлалось, что насъ ты вдругъ возненавидѣлъ?
Я—плѣнница, но въ чемъ виновенъ сей герой?
Ахъ! развѣ въ томъ, что шелъ противъ меня на бой?

Кій.

Хоревъ съ тобой меня съ престола свергнуть тщится.
Но тщетно то ему къ твоей надеждѣ снится;
Не буду я рабомъ....

Оснельда.

Далеко отъ того:
Обманываешься.

Кій.

Такъ для ради чего

Невольникъ посланъ былъ, Велькаромъ свобожденный,
Къ бездѣльству твоего Хорева учрежденный?

Оснельда.

Ты самъ себя бранишь, невиннаго браня:
Довольно и того, что ты винишь меня!
И я молчаніе невольно оставляю
И таинство души предъ всѣми объявляю:
Твой братъ—мнѣ милъ, и я—мила ему равно,
Любовь сія въ сердцахъ несчастливыхъ давно.
И ежели она во гнѣвъ тебя приводитъ,
Пускай отмщеніе на мя одну исходитъ.
Я—дщерь Завлохова,—такъ ты врагомъ мя числь,
Не мни лишь ты, чтобъ онъ имѣлъ толь злую мысль.
За тѣмъ къ родителю Оснельда посылала,
Что брата твоего въ супружество желала;
Но ахъ! родитель мя къ тому не допустилъ;
Завлохъ Хорева мнѣ любити воспретилъ.

Кій.

Яви мнѣ грамоту,—я прежде не повѣрю.

Оснельда.

Клянуся всѣмъ, что есть, что я не лицемѣрю:
А грамота сія тогда же раздрана,
Когда печальная мной вѣсть получена,
Чтобъ я въ продерзости, котору сдѣлать смѣла,
Изобличенія передъ глазами не имѣла.
Казни меня, казни, и смертью затуши
Воспламененіе несчастныя души;
Лишь, ахъ! въ отмщеніи имѣй ты мѣру гнѣва
И сей возженный огнь оставь въ крови Хорева.
Но, о дражайшій князь! [1]) возможешь ли ты снесть,
Услышавъ обо мнѣ сію печальну вѣсть!
Уже тебя я зрю слезами окропленна,
Въ тоскѣ, въ безпамятствѣ, въ напасти утопленна.

[1]) Хоревъ.

Снеси, возлюбленный, снеси печаль сію:
Останься живъ, прими изъ ада тѣнь мою,
Вмѣсти мой духъ въ себѣ, во знакъ любви нелестной,
И сопряги съ собой остатокъ сей безвѣстной.
Не дай мнѣ въ жалобахъ на Кія пребывать
И тѣни, ахъ! моей и тамо унывать!

Кій.

Но кое слово ты о Кіѣ износила,
Какъ ты любезнаго о чемъ-то тамъ просила?
Мнѣ все извѣстно то.

Оснельда.

Ахъ, развѣ томный умъ,
Исполненъ множествомъ моихъ печальныхъ думъ,
Прешедшія бѣды, рабовъ моихъ желѣзы,
И настоящу брань, мои всегдашни слезы,
Къ смятенію души стенящей, представлялъ—
И нѣчто мой языкъ въ забвеніи являлъ.

Кій говоритъ Сталверху нѣчто на ухо,
Сталверхъ выходитъ, и Кій потомъ.

Не жди, лукавая, въ обманахъ сихъ успѣха;
Погибла вся твоя надежда и утѣха,
И смерть твоя близка.

Оснельда.

Чего мнѣ больше ждать?
Но нечего уже мнѣ смерти злой отдать;
Родительскій престолъ, владычество, держава,
Величество мое и наша прежня слава—
Давно въ твоихъ рукахъ; духъ встрѣтить смерть готовъ.
И взять ужъ нечего ей, кромѣ сихъ оковъ.
На что мнѣ больше жить? безстрашно умираю.
Но, ахъ! когда о томъ я мысли простираю,
Что въ подозрѣніи останется Хоревъ....
Смягчи, о государь, къ нему напрасный гнѣвъ!

Кій.

Ты хочешь мнѣ еще предписывать уставы?

Оснельда.

Дѣла предъ свѣтомъ всѣмъ его явятся правы,
И нѣтъ опасности мнѣ въ томъ, о чемъ прошу,—
Лишь симъ прошеніемъ невинность поношу.
Когда придетъ во градъ подъ лавровой короной,
Въ великолѣпіи, на колесницѣ оной,
За коей плѣнниковъ несчастныхъ повлекутъ
И между коими Завлоха нарекутъ,—
Тогда ты варварство содѣланно вспомянешь,
Но тщетно обо мнѣ тогда жалѣти станешь.

Кій.

Умри, обманщица: вступите стражи къ ней.
Возьмите.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кій одинъ.

Вы хотя теперь душѣ моей,
Въ глубокихъ пропастяхъ стенящіе тираны
И моющіе слезъ потокомъ оны раны,
Которы на земли пріяты суть отъ васъ,
Подайте варварства на сей жестокой часъ,
Чтобъ могъ свершити я намѣреніе строго!
О слава! тронъ! вѣнецъ! Вы стоите мнѣ много!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кій и Сталверхъ съ кубкомъ.

Кій.

Подай сей кубокъ ей: скажи—се мзда ея,
Къ чему приведена теперь душа моя.
О боги, можете ль сію вы злобу видѣть!
И небо и земля мя должны ненавидѣть.

Но можно ли царю безчестіе снести!
Никакъ нельзя тебя, Оснельда, мнѣ спасти.
Между какими я уже въ числѣ князями!
Я вашими иду, мучители, стезями.
Но льзя ли требовать, чтобъ я ее жалѣлъ!
Поди и исполняй, что я тебѣ велѣлъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кій одинъ.

О время тяжкое порфиры и короны!
Законодавцу всѣхъ труднѣй его законы.
Во всей подсолнечной гремитъ монарша страсть,
И превращается въ тиранство строга власть;
А милость винному, преступнику прощенье
Не рѣдко и царю, и всѣмъ въ отягощенье.
Но мѣры правоты всегда ли льзя найти,
По коей къ общему блаженству мочь итти;
Потребно множество монарху проницанья:
Коль хочетъ онъ носить вѣнецъ безъ порицанья,
И если хочетъ онъ во славѣ быти твердъ,
Быть долженъ праведенъ, и строгъ, и милосердъ,
Уподоблятися правителямъ природы,
Какъ должны подражать ему его народы.
Но коей радости въ побѣдѣ нынѣ жду?
Почто въ желанный гробъ толь медленно иду?

ЯВЛЕНІЕ II.

Кій, Велькаръ съ Завлоховымъ мечомъ и нѣсколько воиновъ съ нимъ.

Кій.

Что вижу я!

Велькаръ.

Се мечъ Завлоха побѣжденна,
Отдаться плѣнникомъ Хореву принужденна.

Кій единому изъ воиновъ.

Бѣги скорѣй къ княжнѣ, къ владычицѣ своей,
Къ невѣстѣ княжеской: скажи свободу ей,
И чтобъ Сталверхъ пришелъ!

Велькаръ.

Скончавши дня ненастье,
Хоревъ сугубое въ сей день имѣетъ счастье!

Кій.

Дай небо, чтобъ его онъ подлинно имѣлъ!

Велькаръ.

О если бъ, государь, дѣла его ты зрѣлъ!
Еще полки на брань не двинулись изъ града,
Завлохъ ужъ былъ у стѣнъ, и началась осада.
Тронулось воинство; но ужъ у каждыхъ вратъ
Спиралися враги, бросая смерть во градъ.
Что сила мужества собраніемъ поздала,
Побѣда, ждуща насъ, насъ страхомъ обуздала.
И какъ уже Завлохъ во градъ войти хотѣлъ,
Хоревъ, зря бѣдство то, противъ него летѣлъ;
Встрѣчается—разитъ со мужествомъ премногимъ:
Такъ средь шумящихъ водъ, волнамъ противясь строгимъ,
Корабль, отвсюду ждущъ погибелей своихъ,
Дерзаетъ на валы и попираетъ ихъ.
Ихъ стрѣлы такъ, какъ градъ, противу насъ неслися;
Казалося, поля отъ ужаса тряслися.
Воспоминаніемъ прешедшія войны,
Гдѣ гибли чада ихъ, родители, жены,
Они на грозну смерть съ безстрашіемъ бѣжали:
Летѣли помереть и смерть уничтожали,

Князь малое число людей съ собой имѣлъ
И противъ съ ними онъ великой бури шелъ.
Хорева дѣйствія безстрашны показали,
Увидѣли враги—то онъ, то онъ, сказали:
Метались на него; но смерть на мѣстѣ семъ
Ужасна имъ была съ Хоревовымъ мечемъ.
Хотя они его отвсюду окружали,
Но руки надъ главой его съ мечьми дрожали,
Когда ихъ дерзости сопротивлялся рокъ,
И лился отъ меча острѣйша кровный токъ.
Несется страшный гласъ по воинству во градѣ:
Хоревъ сражается и у враговъ въ осадѣ.
Сей гласъ, стенящій гласъ, какъ нѣкій новый богъ,
Воинскія сердца еще жарчае жегъ.
Приходитъ новая во всѣ ихъ сила члены,
И, вмѣсто вратъ, пути творятъ себѣ чрезъ стѣны.
Стремятся времена продлити дней драгихъ,
Текутъ во множествѣ, гдѣ гибнетъ счастье ихъ:
На копья, на мечи свергаются съ размаху,
Не чувствуя въ сердцахъ ни гибели, ни страху.
На избавленіе къ нему весь градъ предсталъ:
Смятенный имъ народъ мечами заблисталъ,
Геройско мужество въ отвагѣ войско мчало.
По семъ порядокъ тутъ пріялъ свое начало.
На звѣря яко, звѣрь стремится на тельца,—
Такъ князь пошелъ противъ Оснельдина отца:
Сугубо мужество ихъ воинству являетъ,
И всѣ свои полки далеко оставляетъ.
И какъ копье свое въ щиты Хоревъ вонзалъ,
Два раза конь подъ нимъ отъ стрѣлъ вонзенныхъ палъ,
Отъ третьей онъ стрѣлы упадъ, не могъ встать болѣ
И всадника на смерть оставилъ пѣша въ полѣ.
Во опасеніи Хоревъ вторичномъ былъ,
Но тьмой враговъ объятъ вокругъ себя рубилъ.
Шеломъ съ главы упалъ, а онъ на смерть остался;

Однако на враговъ своихъ, какъ левъ, метался.
Се воинство опять за нимъ на смерть спѣшитъ:
Воинска жара смерть ни мала не тушитъ.
Бѣгутъ разсѣянно враждебные народы:
Бѣгутъ безъ памяти, падутъ съ коньми съ горъ въ воды.
Имѣя при себѣ все войско и меня,
Хоревъ вооруженъ восходитъ на коня.
Враговъ, какъ вѣтеръ прахъ, онъ бурно возметаетъ
И, яко молнія, въ поляхъ съ мечемъ блистаетъ.
Симъ новую въ полкахъ онъ силу возбудилъ
И храбраго врага преславно побѣдилъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и посланный къ княжнѣ.

Посланный.

Скрѣпися, государь!

Кій.

О злое рока жало!

Велькаръ.

Что сдѣлалося здѣсь?

Посланный.

Оснельды ахъ! не стало.

Велькаръ.

Какой увы! ударъ...

Кій.

Почто я въ свѣтъ рожденъ!
Къ чему, несчастливый, я нынѣ приведенъ!

Велькаръ.

Какія лютости душа твоя имѣла,
Что въ горести ее хранити не умѣла!

Кій.

Не вѣдаешь еще несчастій ты моихъ.

Велькаръ.

Что можетъ, государь, быть больше бѣдъ намъ сихъ?
Оснельды нѣтъ, Хоревъ...

Кій.

Хоревъ теперь въ покоѣ:
Ахъ, мнитъ ли онъ прійти на зрѣлище такое!
Скажи, что видѣлъ ты?

Посланный.

Я съ вѣстію къ ней шелъ...
О боги! какову Оснельду я нашелъ!
Смутился весь мой духъ, и сердце задрожало;
То тѣло на одрѣ безчувственно лежало,
Увяли красоты, любви заразовъ нѣтъ...

Кій.

Сокройся отъ очей моихъ, противный свѣтъ!

Посланный.

Астрада во слезахъ, Астрада огорченна,
Тоской, отчаяньемъ и стономъ отягченна,
Рыдаетъ, мечется и рвется въ сей бѣдѣ:
О боги, вопіетъ, иль нѣтъ суда нигдѣ,
Когда такъ долго ждетъ сіе злодѣйство казни!
Или оставленъ свѣтъ въ неправдѣ безъ боязни!
Разите, небеса, бросайте огнь и громъ.
Пади надъ тѣломъ симъ несчастливый сей домъ,
Гдѣ праотцы ея такъ долго обитали,
И гдѣ родители Оснельду воспитали.

Кій.

Несносныхъ лютостей исполненъ сей мнѣ день,
О жалующася во тьмѣ на Кія тѣнь!
Не представляйся мнѣ стеняща предо мною,
Не мучь меня моей ты варварской виною!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ жъ, Хоревъ и Завлохъ.

Хоревъ.

Се часъ желаемый Хоревомъ совершенъ;
Побѣды чаямой Завлохъ уже лишенъ.

А мы, прославився, еще себя прославимъ
И, покоривъ враговъ, друзьями ихъ оставимъ.
А ты, о храбрый князь! покорствуя судьбамъ,
Прими подобну мысль и будь союзникъ намъ.

Завлохъ.

Въ какомъ ты станешь мя, Оснельда, видѣ зрѣти!
Почто претилъ тебѣ въ любови я горѣти!
И, можетъ быть, я симъ толико согрѣшилъ.
Ахъ! если бъ я союзъ твой съ княземъ разрѣшилъ?

Хоревъ.

Мнѣ дщерь твоя мила и нынѣ такъ, какъ прежде.

Завлохъ.

Такъ буди, дочь моя, ты въ сей опять надеждѣ!

Кій.

Какой я слышу громъ!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Кій, Хоревъ, Завлохъ, Велькаръ и воины.

Единый воинъ вошедъ.

Сталверхъ скончалъ животъ,
Низвергшись въ глубину Днѣпровскихъ быстрыхъ водъ,
Отчаянъ, горестно терзаясь и стоная,
И свергся со бреговъ, Оснельду вспоминая.

Хоревъ.

Оснельду при концѣ....

Кій.

Любезный братъ, увы!
Мы вѣдали ужъ то, что съ ней любились вы;
Но таинству сему давали толкъ мы ложно.
О боги! вымолвить напасти невозможно!
Посольство, грамоты во вражески станы
Тобой, къ жестокому смятенію, даны.
Любезнѣйшій Хоревъ!....

Хоревъ.

Я вижу, всѣ мятутся.
Часы моихъ побѣдъ часами бѣдства чтутся.
Ты сѣтуешь, молчишь, ослабѣвая весь:
Скажи, о государь! что сдѣлалося здѣсь?
Скажи мнѣ ты, Велькаръ, скажи, мой другъ любезный.
Ты плачешь.... ахъ! княжна!

Велькаръ.

Минуты злы! рокъ слезный!

Хоревъ.

О небо!

Кій.

Ты, Велькаръ, не вѣдаешь того,
Кто былъ причиною несчастія сего.
Карай меня, Хоревъ! свергай съ высока трону;
Я—твой лютѣйшія врагъ; снимай съ главы корону.

Хоревъ.

Я вижу, государь, что ты меня сразилъ.

Кій.

Рази и ты!.... я.... ахъ!... Оснельду умертвилъ.

Хоревъ.

Что слышу я теперь!

Завлохъ.

О дщерь! о плодъ несчастный!

Велькаръ.

Къ чему такой ударъ тобою былъ ужасный.

Завлохъ.

О превышающа бѣда мои бѣды!
Се дружество, мой князь, изъ прежнія вражды!

Хоревъ.

Не сонъ ли мя страшитъ нечаямой судьбою!...
Оснельда!... въ истину разстался я съ тобою!...

Гдѣ я!... и что я сталъ!... день злобный! лютый часъ!
О боги праведны! Хоревъ прогнѣвалъ васъ!
Но кая темна ночь вдругъ небо покрываетъ!
Какая фурія мнѣ сердце разрываетъ!
Въ какія пропасти, дражайшая, падешь!
Въ какія мрачныя пещеры ты идешь!
Оснельда!... небеса! иль вы на мя падите!
Или въ сей крайности любезну соблюдите!
Велькаръ! лишаюся красотъ ея драгихъ;
Уже скрывается она отъ глазъ моихъ.
Влеките изъ меня мою вы душу страстну!...
Бѣгите, бросьтеся спасти княжну несчастну!...
Прости, любезная!... но ахъ! ея ужъ нѣтъ.
Прости!... увы... совсѣмъ померкъ уже мой свѣтъ.
О нестерпима казнь! о рокъ ожесточенный!

Велькаръ.

Сбери, о государь! свой разумъ расточенный:
Ты чувствъ лишаешься.

Хоревъ.

Оснельда! гдѣ ты? гдѣ?...
Ея пресѣкся вѣкъ: а я въ сей живъ бѣдѣ!
На что мнѣ лавры? санъ? наслѣдственна держава?
Погибни все теперь величество и слава.
На что мнѣ ужъ и жить на свѣтѣ семъ стеня?
Ужъ нѣтъ того, ужъ нѣтъ, что льстило въ немъ меня.
Великодушствовать потребно неотложно;
Но мысли горькія преодолѣть не можно:
Оснельда во слезахъ предъ очи предстаетъ,
Которыя она о мнѣ при смерти льетъ.
Воображаются мнѣ всѣ ея заразы:
Воспоминаются послѣдніе приказы,
И представляются мнѣ всѣ утѣхи тѣ,
Искалъ которыхъ я въ любви и красотѣ!
Къ какой я радости съ побѣдой возвратился!
Гдѣ дѣлися вы, дни, которыми я льстился!

Завлохъ.

Ты сдѣлала, о дщерь! хотя упалъ нашъ тронъ,
И побѣдителямъ и побѣжденнымъ стонъ.
И если въ адѣ гласъ Хоревовъ духъ твой тронетъ,
Внемли, какъ сей тобой герой великій стонетъ;
Плѣненной не почтетъ тебя, нисшедшу, адъ;
Заплачетъ по тебѣ съ Хоревомъ весь сей градъ.

Хоревъ.

Какая польза въ томъ несчастному Хореву?
Уже не возвратитъ сей плачъ несчастну дѣву:
Не временно лишенъ ея, но навсегда,—
И ужъ не буду зрѣть Оснельду никогда.

Кій.

Карай мя: я твое сокровище похитилъ.

Хоревъ.

Пускай сей кровію тебя твой гнѣвъ насытилъ,
Который толь тебя на мя ожесточилъ.
Но если ты о мнѣ когда-нибудь рачилъ,
Такъ сдѣлай только то, о чемъ напоминаю.
Сіе прошеніе исполнишь ты,—я знаю:
Отдай Завлоху мечъ, свободу возврати
И воинство все съ нимъ изъ града испусти.

(Кій отдаетъ Завлоху мечъ, а Хоревъ говоритъ Завлоху).

Хоревъ.

А ты, несчастный князь! возьми съ собой то тѣло,
Съ которымъ сердце быть мое на вѣкъ хотѣло,
И, плачемъ омочивъ лишенное души,
Предай его землѣ; надъ гробомъ напиши:
Дѣвица, коей прахъ въ семъ мѣстѣ почиваетъ,
И въ адѣ со своимъ Хоревомъ пребываетъ,
Котораго они любила въ жизни сей;
Хоревъ, ея лишась, (закололся) послѣдовалъ за ней.

II. СИНАВЪ и ТРУВОРЪ[1]).

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Синавъ, князь Россійскій.
Труворъ, братъ его.
Гостомыслъ, знатнѣйшій бояринъ Новогородскій.
Ильмена, дочь его.
Вѣстникъ.
Пажъ.
Воины.

Дѣйствіе есть въ Новѣгородѣ, въ княжескомъ домѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гостомыслъ и Ильмена.

Гостомыслъ.

Пришло желанное, Ильмена, мною время—
Соединить тобой мое съ цесарскимъ племя.

---

[1]) Трагедія эта считалась любимымъ дѣтищемъ Сумарокова по обилію въ ней нравственныхъ разсужденій, обрисовывавшихъ идеалы. Въ 1755 г. она была разобрана въ одномъ парижскомъ журналѣ и поставлена на ряду съ лучшими французскими трагедіями. Авторъ самъ перевелъ на русскій языкъ этотъ разборъ, не мало ободрившій его и придавшій энергію. „Должно благодарить автора“, говоритъ критикъ, „что онъ при семъ случаѣ такъ храбро ополчается противъ неправды и свирѣпости ненавистныхъ пороковъ, которымъ отечество его неоднократно въ жертву приносимо бывало. Проповѣдовать Россіи правосудіе и человѣколюбіе есть не что иное, какъ вспомоществовать всеавгустѣйшему примѣру, который она имѣетъ отъ владѣющей нынѣ государыни, и для того нужно здѣсь слушать автора, а не

Весь градъ сего часа нетерпѣливо ждетъ,
Въ который кровь моя въ порфирѣ процвѣтетъ.
Ужъ къ браку олтари цвѣтами украшенны,
И брачныя свѣщи въ свѣтильныя вонзенны:
Готовься, дщерь моя, готовься внити въ храмъ.

Ильмена.

Еще довольно дней осталося судьбамъ,
Которы погубить хотятъ меня, несчастну,
И бѣдную ввести въ супружество безстрастну.
Смотри ты, отче мой, на мой печальный зракъ,
И, если я мила, отсрочь, отсрочь сей бракъ.

Гостомыслъ.

Ты счастья своего поднесь не презирала,
И князю никогда суровства не являла...

Ильмена.

Но было изъ всего удобно разсудить,
Хочу ль съ Синавомъ я въ супружество вступить:
Желаю ль я сего,—хотя уста молчали,—
Глаза мои тебѣ довольно отвѣчали.
Почто ты мною, князь, толь тщетно страстенъ сталъ!
А ты почто рвать духъ толь твердо предпринялъ?

князя Трувора". Конечно, весь разборъ сдѣланъ по современной французской теоріи, и трагедія должна была оказаться прекрасною, хотя характеръ Гостомысла и найденъ холоднымъ и однообразнымъ. Вотъ общее заключеніе французскаго критика: „Благородство характеровъ, истина въ разсужденіяхъ и большое искусство въ выраженіи страстей,—все это принесетъ русскому писателю предъ всѣмъ свѣтомъ похвалу, которой онъ по справедливости достоинъ; впрочемъ, кажется, что г. Сумароковъ, прежде чѣмъ обогатилъ русскій театръ этою трагедіею, былъ уже знакомъ съ нѣкоторыми иностранными театрами, за что Россія тѣмъ больше должна благодарить его. Какъ онъ ни остроуменъ, какъ ни блистаютъ его природныя способности въ этомъ сочиненіи, но, можетъ быть, онъ изобразилъ бы не такъ сильно и не съ такою правдою любовь и ревность, если бы никогда не читалъ Расина и Шекспира".

Я лестнаго являть привѣтства не умѣю,
А истинной къ нему любови не имѣю.
И ежели уже сему союзу быть,
Такъ, отче мой, хоть срокъ потщися преложить:
Прибави времени еще на размышленье,
Чтобъ я имъ какъ-нибудь умѣрила мученье,
И чтобъ могла я слезъ потоки удержать,
Когда ко браку мнѣ предъ олтари предстать.

Гостомыслъ.

Несклонностію быть не можешъ оправданна,—
Синаву ты женой во мзду обѣтованна.
Во воздаянье онъ подъятыхъ имъ трудовъ
И скипетръ и тебя имѣетъ отъ боговъ,
Которы, утишивъ мятежъ его рукою,
Намъ подали опять дни сладкаго покою.
Не будь несмысленна, упрямство истреби,
И, сердце обуздавъ, принудься и люби.

Ильмена.

Когда бы сердцемъ льзя повелѣвати было,
По волѣ бы твоей, оно его любило;
Но слабъ разсудокъ мой природу одолѣть,—
И не могу себѣ толь много повелѣть.

Гостомыслъ.

Представь его труды любви своей въ посредство
И мужествомъ его скончавшееся бѣдство.
Вообрази себѣ тѣ страшны времена,
Когда мутился градъ и вся сія страна,
Отечество твое, отечество геройско,
И вооружалося бунтующее войско:
Прибытокъ всѣхъ вельможъ во градѣ раздѣлилъ,
Гражданъ и воинство на злобу устремилъ.
Уставы древніе въ презрѣніе ниспали,
Правленье и суды всю область потеряли.

Единъ остался я при истинѣ святой
И часть отечества вѣрнѣйшихъ чадъ со мной.
Коликое число смерть Россовъ пожирала!
Ихъ злоба на самихъ себя воспламеняла.
Друзья противъ друзей, родня противъ родни
Возстали разрушать благополучны дни.
Всѣ домы были женъ слезами окропленны,
И всѣ поля мужей ихъ кровью обагренны.
Алкалъ изъ сильныхъ всякъ правительство принять,
И не хотѣлъ никто законы защищать.
Воспомни, какъ твой братъ оплаканъ былъ друзьями,
Мой сынъ, любезный сынъ, подъ градскими стѣнами.
Я самъ израненъ былъ и чаялъ умереть,—
Сію ли бы по мнѣ ты стала часть имѣть.
Къ намъ щедры небеса, къ скончанію печали,
Съ полками трехъ князей для помощи послали!
Не для владѣнія пришли они сюды:
Но только отвратить несчастливыхъ бѣды,
Великодушіемъ геройскимъ восхищенны
И славою одной къ Ильменю провожденны.
Синавъ и братьями, и мной повелѣвалъ
И воинство свое съ моимъ соединялъ.
Тотъ часъ познался мечъ его въ полкахъ противныхъ,
Предвозвѣщая миръ со тьмой побѣдъ предивныхъ.
Казалося, тряслась тогда надъ нами твердь.
Непобѣдимое оружіе и смерть
Упрямство прежнее въ покорство премѣнили
И, злобу утоливъ, сердца соединили.
Настала тишина: и, въ воздаянье силъ,
Которыми сей князь напасти прекратилъ,
Единогласно всѣ на тронъ его желали,
И, умоливъ его, вѣнцемъ его вѣнчали.
Но духа скипетромъ Синавъ не веселилъ;
Синавъ во торжествѣ, вздыхая, говорилъ:
На что мнѣ то, что я владѣти удостоенъ?

Вашъ князь, о Гостомыслъ! не можетъ быть спокоенъ,
Доколѣ отъ тебя того не получитъ,
Что нынѣ все его веселіе мрачитъ.
Я мысль его позналъ,—любовь явна мнѣ стала,
Котора на него оковы налагала;
Въ побѣдахъ, подъ вѣнцемъ, во славѣ, въ торжествѣ,
Спастися отъ любви нѣтъ силы въ существѣ.
Что было мнѣ сказать? Безумно прекословить,
Когда стремится намъ рокъ счастіе готовить.
И если бъ я ему въ семъ дарѣ отказалъ,
Народъ бы, мя презрѣвъ, ему Ильмену далъ.

Ильмена.

Какіе правы то? и сей уставъ отколѣ?
Народъ бы далъ меня! иль я живу въ неволѣ?

Гостомыслъ.

Не только для него корону воспринять,
Для общества животъ намъ должно потерять.

Ильмена.

Супружество сіе народу безполезно,
А мнѣ, ахъ! бѣдственно, увы! и смертно слезно.

Гостомыслъ.

Полезно въ крайности защитника ласкать,
И хвально милости заслугой воздавать:
Кто страждетъ, отъ того почтеніе не дико,
Когда бѣды прейдутъ, тогда оно велико.

Ильмена.

Но не довольно ли защитникъ нашъ почтенъ?
Онъ нами царствовать надъ нами возведенъ.
Послушна я тебѣ и сей достойной власти,—
И быть хочу рабой, не ощущая страсти!
Похвальнѣй мнѣ ему рабою вѣрной быть,
Какъ, ставъ супругою, супруга не любить.

Онъ—младъ, красенъ, герой: глаза мои то видятъ,
Но въ немъ любовника противна ненавидятъ.
Вини безуміе—что хочешь, ты вини,—
Но лишь намѣренье, коль можешь, отмѣни.

Гостомыслъ.

Я слово далъ.

Ильмена.

Меня не вопросивъ, ахъ! прежде,—
Почто ты въ таковой былъ суетной надеждѣ,
Что будетъ съ княземъ симъ пріятенъ мнѣ союзъ?

Гостомыслъ.

Отврата отъ такихъ тебѣ преславныхъ узъ
Ни мало во умѣ моемъ не представлялось,—
Желаніе его мнѣ счастіемъ являлось.
Когда жъ нечаянно я въ томъ обманутъ сталъ,
Не обвиняй меня, что я то слово далъ,
Не мучь вздыханіемъ своимъ меня напрасно.

Ильмена.

Супружество сіе мнѣ такъ, какъ смерть, ужасно.

Гостомыслъ.

Когда тебя любовь со княземъ симъ дѣлитъ,
Привычка съ нимъ тебя, Ильмена, съединитъ:
Послѣдуй моему родительску совѣту
И не безчесть меня премѣною обѣту.
Привычка естества сильнѣе иногда.

Ильмена.

Я буду воздыхать и сѣтовать всегда.

Гостомыслъ.

Что жъ князю я скажу, не премѣняя слова?

Ильмена.

Я для тебя уже пріяти смерть готова.
Но, предпріявъ, никакъ того не премѣнить;
Хоть три дни дай еще мнѣ, отче мой, прожить.

Гостомыслъ.

Не представляй въ умѣ такой суровой страсти,
Не воображай себѣ безъ бѣдствія напасти;
Но въ трехъ желанныхъ дняхъ ты горесть утиши
И бѣдственный сей боль скорбящія души.

ЯВЛЕНІЕ II.

Ильмена одна.

Исполнится сіе, мнѣ злое, приключенье,
И окончается по трехъ дняхъ все мученье,
Которымъ ты меня, мой отче! погубилъ.
А ты, который мя несклонну полюбилъ,
Увидишь не въ одрѣ меня по пѣсняхъ брачныхъ:
Не въ одръ пойду,—во гробъ,—и тамъ, въ пещерахъ мрачныхъ,
Я сердце, коль его принудить не могу,
Любезну Трувору невинно сбрегу!
Но я, несчастная, не вѣдая, вѣщаю,
Любовнику ль уже я сердце посвящаю.
Не суетою ли я льщу себѣ маня!
Не облыгаютъ ли глаза мои меня,—
И представляютъ мнѣ, на скорби и мученье,
Признаками любви единое почтенье!
Ахъ, нѣтъ! его мнѣ взоръ вседневно говоритъ,
Что сердце и его любовію горитъ.
Когда ты, о любовь! съ судьбой не согласилась,
Несчастная любовь! почто ты въ насъ вселилась?
Пылай во мнѣ любовь! не долго мнѣ горѣть,—
О солнце! скоро я тебя престану зрѣть.

ЯВЛЕНІЕ III.

Синавъ, Труворъ и Ильмена.

Синавъ.

Ко угожденію тебѣ, нашъ бракъ отсроченъ,
Передъ тобой и въ томъ я буду безпороченъ.

Но отчего въ тебѣ смятеніе сіе,
Которо мнѣ теперь явитъ лице твое?
Стенящу зрю тебя, смущенну, торопливу:
Или, въ плѣненье взявъ ты душу горделиву,
Намѣрена, во мзду любви, меня томить
И бодрствующій духъ въ унылый премѣнить?
Какою предъ тобой виновенъ я прослугой:
Или—что дѣлаю тебя своей супругой,
И возвожу на тронъ съ собою обладать—
Изъ устъ твоихъ хочу уставы я подать?
Что ты, дражайшая, часъ брака удалила,
Ты симъ меня однимъ довольно огорчила.
Почто супружество намъ далѣ отлагать,
И нѣжную мнѣ страсть еще превозмогать?
Свидѣтельствуюсь (указывая на Трувора) имъ, размученъ мысльми злыми,
Какъ жестоко пронзенъ я взорами твоими!
Онъ точно вѣдаетъ, какъ я тебя люблю,
И знаетъ только ночь, спокойно ли я сплю.
Что ты несклонна мнѣ, я видѣлъ то и прежде,
Но, зря почтеніе, былъ въ страхѣ и надеждѣ.
И ежели была несклонность отъ стыда,
Такъ не былъ я тобой несчастливъ никогда.
А ежели не стыдъ я вижу предъ собою...
О коль несчастливъ я, дражайшая, тобою!

Ильмена.

Не спрашивай теперь смятенія вины;
Изъ устъ увѣдаешь ты то своей жены!
Что мнѣ велѣлъ отецъ, то мною утвержденно,
И вниду въ храмъ съ тобой, хотя бы принужденно.

Синавъ.

Я всѣ твои слова пріемлю за уставъ
И быть хочу во всемъ передъ тобою правъ;
Въ тебѣ любовницу я чту и дщерь геройску.

Скажи ты, Труворъ, то жрецамъ, вельможамъ, войску,
Что радости свои уже отсрочилъ я,
И повтори сіе родителю ея,
Что я исполнилъ то.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ильмена и Труворъ.

Труворъ.

Такъ ты ужъ предпріяла
Его супругой быть...

Ильмена.

Хотя и не желала.

Труворъ.

О коль, несчастный братъ, ты нынѣ счастливъ сталъ!

Ильмена.

Ты счастіемъ его напасть мою назвалъ:
По повелѣнію, ему супругой буду;
Но въ одръ... чего хочу?.. пойдемъ скорѣй отсюду:
Исполнь его приказъ.

Труворъ.

Почто ему я—братъ!
Увы! почто, когда плѣнилъ его твой взглядъ!
О дружба! о родство! вы мнѣ противны стали!
Вы—мнѣ источники смертельныя печали!

Ильмена.

Молчи, о князь, молчи! не изъясняй себя.

Труворъ.

Возможно ли молчать, лишаяся тебя!
И ахъ! на что ты мнѣ молчать напоминаешь?
Что я тебя люблю, уже давно ты знаешь.

Ильмена.

Какой еще ударъ мнѣ сердце уразилъ,
Почто, дражайшій взоръ, ты грудь мою пронзилъ!
О солнце! небеса! о праведные боги!

Труворъ.

О время! о судьбы! за что вы намъ толь строги!
Удобно ли мнѣ скорбь такую претерпѣть,
Что буду я тебя чужой супругой зрѣть,
Красу твою чужимъ желаніямъ врученну
И сердца моего утѣху похищенну?

Ильмена.

Я съ именемъ умру любовницы твоей
И дѣвой сниду въ гробъ; не чувствуй муки сей.

Труворъ.

Ты брату моему хотѣла быть женою.

Ильмена.

Не обвиняй меня невольною виною
И дай исполнити родительскій приказъ:
Ахъ! есть ли въ свѣтѣ кто несчастливѣе насъ!

Труворъ.

Твой духъ не такъ, какъ мой, симъ бракомъ будетъ мученъ,
А я пребуду въ вѣкъ на свѣтѣ злополученъ,
Хотя мой вѣкъ напасть и скоро весь промчитъ,
Когда она меня съ тобою разлучитъ.
И какъ меня, увы! пожретъ земли утроба,
Приди когда-нибудь ко мнѣ на мѣсто гроба:
И если буду жить я въ памяти твоей,
Хоть малу жертву дай во тьмѣ душѣ моей:
И тѣнь вообразя мою передъ глазами,
Оплачь мою злу часть, омой мой гробъ слезами.

Ильмена.

Владычествуй собой и менѣе страдай,
А жертвы отъ меня иныя ожидай.

Не слезы буду лить я, жертвуя любови:
Когда тебя лишусь, польются токи крови.

Труворъ.

Понять не могу я сихъ твоихъ рѣчей.

Ильмена.

Поймешь, когда моихъ померкнетъ свѣтъ очей.

Труворъ.

Мнѣ мысль твоя темна, какъ я ни разсуждаю.

Ильмена.

Скончаемъ разговоръ: я паче имъ страдаю.
О Труворъ! ты мнѣ милъ, но мнѣ твоей не быть:
Ничто не можетъ насъ съ тобой совокупить.
Умѣрь свою тоску, лишаяся Ильмены, —
Уже не получишь страданіемъ премѣны.
Сноси сію болѣзнь, надежду погубя,
Для горькихъ слезъ моихъ, пролитыхъ для тебя.

Труворъ.

Какою мучуся я лютою судьбою!

Ильмена.

Скрывай любовь! отецъ Ильмены—предъ тобою.

ЯВЛЕНІЕ V.

Труворъ, Ильмена и Гостомыслъ.

Труворъ.

Мой братъ съ Ильменою о бракѣ говорилъ
И сдѣлалъ, какъ о томъ его ты самъ просилъ,
Покорствуя во всемъ твоей прекрасной дщери.
Уже затворены отверсты въ храмѣ двери.
А мнѣ онъ далъ приказъ, чтобъ я тебѣ сказалъ,
Что онъ исполнилъ то, на что онъ слово далъ.

Гостомыслъ.

Къ нему на всякой день растетъ мое почтенье:
Скажи Синаву ты мое благодаренье...
Но что ты, князь... и ты мятешься, вся стеня!

Ильмена.

Мятусь, остави ты въ смятеніи меня.
Я горести своей даюся безразсудно,
Какъ должность ни храню, принудить сердце трудно.

Гостомыслъ.

Не познаваю ль я желанья твоего?

Ильмена.

Мое желанье—смерть: нѣтъ больше ничего,
Что въ скорби мнѣ бъ моей цѣленье обѣщало
И утѣшеніе малѣйше предвѣщало.

Гостомыслъ.

Написано уже на вашихъ мнѣ очахъ:
Сокрыто таинство во обоихъ сердцахъ.

Ильмена.

Коль ты его позналъ изъ обстоятельствъ вредныхъ,
Почувствуй нашу скорбь,—и сожалѣй о бѣдныхъ.

Труворъ.

Отколѣ ты взялся, соборъ толикихъ мукъ!
Кто хочетъ изъ моихъ любезную взять рукъ!
Мой братъ: и кто ее изъ рукъ моихъ вручаетъ?
Отецъ ея: увы! мой духъ изнемогаетъ.

Гостомыслъ.

Колико ты, судьба, несчастныхъ собрала
Въ сіи въ семъ градѣ дни!...

Ильмена Гостомыслу.

Коль я тебѣ мила...

Гостомыслъ Трувору.

Преодолѣй себя и вознесися паче.
Не оставляй свою возлюбленную въ плачѣ.
Она послѣдуетъ примѣру твоему.

Ильмена.

Иного нѣтъ конца днесь бѣдствію сему...

Гостомыслъ.

Не множьте моего вы больше огорченья,
Поди, поди—и ты не множь ея мученья.

Труворъ отходя.

Не буду сопряженъ во вѣки я съ тобой!

Ильмена отходя.

Бори свою любовь и овладѣй собой!

ЯВЛЯНІЕ VI.

Гостомыслъ одинъ.

По окончаніи народныя печали,
Такой ли радости вы, мысли, ожидали?
Синавъ! о храбрый князь! я, къ току горькихъ слезъ
Любезной дочери, тебя на тронъ вознесъ.
О злополучіе! или ты мнѣ природно?
Я зрю, что все мое стараніе безплодно.
Бѣды родятъ бѣды, не вижу имъ конца,
И сдѣлали меня тираномъ изъ отца.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Синавъ и Труворъ.

Синавъ.

Я стражду въ мукѣ злой невѣстою своею:
Скажи мнѣ, Труворъ,—ты остался тамо съ нею,—

Не внялъ ли ты изъ словъ ея любви какой,
Которая бъ ея разрушила покой.
Конечно, душу то Ильмены возмущаетъ
И отъ супружества толь знатна отвращаетъ.
Во градѣ, при дворѣ, или въ чертогахъ сихъ,
Конечно, нѣкто—ей причиной мукъ такихъ,
Конечно, кто при мнѣ, въ полкахъ или гражданствѣ,
Изъ подданныхъ моихъ имѣя ту въ подданствѣ,
Котора возмогла ихъ княземъ овладѣть,
Отъемлетъ сердце... ахъ! возможно ль то стерпѣть!

Труворъ.

А ежели то такъ, и если то познаешь,
Что въ сей горячности ты суетно стонаешь?

Синавъ.

Кто тщится всѣ мои утѣхи погубить,
Тотъ дерзостью мой гнѣвъ стремится возбудить.

Труворъ.

Такъ къ казни общество себѣ тебя вѣнчало?

Синавъ.

Тиранство отъ любви не разъ уже бывало.
О небо! въ сердце мнѣ щедроту вкореня,
Не сдѣлай наконецъ мучителемъ меня!

Труворъ.

Хто хочетъ помнить долгъ, не можетъ быти злобенъ:
Не забывай его, и будь себѣ подобенъ.
Коль будемъ таковы [1]), что скажетъ градъ о насъ?
Какой по сѣверу отсель раздастся гласъ?
Что будутъ мыслити державы сей сосѣды?
Умолкнетъ славы рогъ, померкнутъ всѣ побѣды,
Которыми мы толь высоко вознеслись,
И для того ль, когда граждане здѣсь спаслись,
Мы бремя ихъ отъ нихъ толь славно отвратили,

[1]) Мучители.

Чтобъ бременемъ своимъ мы ихъ отяготили.
Нашъ младшій братъ отсель отсутственъ; смѣю я
Одинъ тебѣ сказать, что страждетъ честь твоя.
Рабы твои, о князь! твои любезны дѣти:
Не зачинай инымъ ты образомъ владѣти!

Синавъ.

Когда бы ты кого толико самъ любилъ,
Такъ ты сію бы рѣчь, конечно, позабылъ.

Труворъ.

Нѣтъ, истина бы мнѣ была во основанье:
Я бъ началъ умѣрять неправое желанье
И, воспротивясь бы природѣ, сколько могъ,
Сей пламень бы смягчилъ, который бы мя жогъ.

Синавъ.

Я чувствую въ себѣ болѣзнь неутолиму;
Что злѣй есть, какъ любить, и ахъ! не быть любиму!

Труворъ.

Еще стократно злѣй въ любви взаимной тлѣть
И въ сладостяхъ ея надежды не имѣть.

Синавъ.

Я бъ горесть такову вкушалъ, алкая въ сладость,
Печали бы мои въ себѣ имѣли радость.
Хотя бы я въ любви утѣхи не имѣлъ,
Я бъ тѣмъ доволенъ былъ, что бъ сердцемъ я владѣлъ,
Которое бы мнѣ вздыханіе давало,
Вздыханіе бъ мое подобно воспримало:
Я всю бъ мою напасть съ любезной раздѣлялъ
И симъ страданіемъ себя увеселялъ.

Труворъ.

Ильмена ли одна красу очамъ являетъ?
Красавицами все жилище здѣсь сіяетъ.
Природа лучшихъ дѣвъ въ сей градъ произвела.

Любовь сіи брега столицей избрала;
И, землю осудивъ сію на жертву хладу,
Рождаетъ красоту на мѣсто винограду.
Всмотрись когда-нибудь въ собраньи, въ торжествѣ,
Что краше нашихъ дѣвъ ты сыщешь въ естествѣ!
Всмотрись, и, отвративъ ты взоръ отъ сей суровой,
Другую избери, и тай въ любови новой,
Которая бъ тебѣ утѣху принесла.

Синавъ.

Уже сія любовь высоко возрасла
И твердо корень свой по сердцу пространила,—
Ильменина краса на вѣкъ меня плѣнила!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ жъ и Гостомыслъ.

Гостомыслъ.

Благодаренье, князь, мое донесено...

Синавъ.

Но сердце, ахъ! мое смертельно стѣснено.
Я дочерью твоей смущенъ неизреченно,—
Весь умъ, все чувствіе Ильменой огорченно:
Мнѣ жизнь безъ сихъ очей и счастье—суета.
Отвергла мысли всѣ сей дѣвы красота,
Успѣхи славныхъ дѣлъ моихъ остановила
И къ малодушію мой гордый духъ склонила.
На что надъ Россами тобой принялъ я власть,
Коль мещетъ мя, какъ валъ малѣйше судно, страсть!
На что я въ сей странѣ народами владѣю,
Коль больше надъ собой я власти не имѣю!
Я вижу то, что я красавицѣ не милъ.
Къ чему меня, къ чему мой рокъ опредѣлилъ!

Гостомыслъ.

Когда она твоей супругой назовется,
Тогда и грусть твоя и мука разорвется;

Ильмену знаю я: мнѣ нравъ ея знакомъ,
Хоть подлинно она вздыхаетъ днесь о комъ;
Супругой ставъ твоей, она его забудетъ
И вѣрность наблюдать къ тебѣ по гробъ свой будетъ.

Синавъ.

Но, можетъ быть, какъ ядъ, въ умѣ ея—Синавъ!
Хоть добродѣтеленъ сея дѣвицы нравъ,
Хоть толь душа ея чиста, коль тѣло красно;
Но если сердце въ ней ко мнѣ, увы! безстрастно,
Къ какой утѣхѣ мнѣ Ильменою владѣть,
Коль буду завсегда ее печальну зрѣть:
Привѣтство должностью одной имѣти стану
И буду зрѣть ее подвластною тирану.

Гостомыслъ.

Коль склонности не зришь ты, дочь мою любя,
Ты—бѣденъ, а она еще бѣднѣй тебя.

Синавъ.

Что ты ни говоришь, мнѣ все предвозвѣщаетъ,
Что мнѣ надежда все напрасно обѣщаетъ.
Въ какую, небеса, низверженъ я напасть!
О вредный жаръ любви! О безполезна страсть!
Скажи, о Гостомыслъ! мое несносно бѣдство,
И если льзя сыскать къ тому какое средство,
Употребляй его, употребляй, мой другъ;
Мнѣ радость та мала, что буду ей супругъ
И буду зрѣть ее съ собою на престолѣ,
На одръ и на престолъ восшедшу по неволѣ!

Гостомыслъ.

Къ склоненію любви нѣтъ больше ничего
Для исполненія желанья твоего;
Что могъ, я сдѣлалъ все, чтобъ дать тебѣ утѣху;
Но, кромѣ должности, не вижу я успѣху.

Синавъ.

О должность, малое веселіе въ любви,
Прохлада слабая горящія крови!
Куда прибѣгну я и что начну къ отрадѣ!
Я вижу смерть мою въ прельщающемъ мя взглядѣ.
Живуща въ разумѣ Синавовомъ краса,
Отъ пагубнаго дня и лютаго часа,—
Какъ сердца моего свобода отлучалась,
И мысль моя среди надежды огорчалась,
Терзаючи меня,—колеблетъ весь мой умъ,
И нѣтъ пристанища моихъ блудящихъ думъ.
Что сдѣлалось, Синавъ, что сдѣлалось съ тобою!
Сія ль прилична жизнь владыкѣ и герою?
Какъ войско чтитъ тебя, народъ и Гостомыслъ!
Гдѣ дѣлось мужество! гдѣ дѣлся ты, мой смыслъ!
Когда меня глаза Ильменины прельстили,
Все мужество мое вы, боги, отвратили!
Повсюду я хожу, вздыхая и стеня.
Ахъ, есть ли въ свѣтѣ кто несчастнѣе меня?

Гостомыслъ.

Не ты, о государь! несчастнѣй всѣхъ во градѣ,
Не ты одинъ живешь въ любовной здѣсь досадѣ,
Разсудокъ, здравіе и мужество губя:
Есть люди, кои въ томъ несчастнѣе тебя.

ЯВЛЕНІЕ III.

Синавъ и Труворъ.

Синавъ.

Симъ онъ смятенія и грусти мнѣ прибавилъ
И въ безъизвѣстіи лютѣйшемъ мя оставилъ.
Сомнѣніе мое совсѣмъ разрѣшено;
Но кто меня губитъ, того не внушено.
Любезный Труворъ! зри, какъ братъ твой днесь страдаетъ,—

Вся злаго счастія имъ ярость обладаетъ.
Скажи, не знаешь ли, возлюбленный мой братъ,
Кого полезно толь склонилъ Ильменинъ взглядъ?
Ахъ! нѣтъ, когда бъ ты, князь, о семъ увѣдалъ дѣлѣ,
Ты бъ, видя, какъ мой духъ страдаетъ въ томномъ тѣлѣ,
Давно мнѣ знати далъ, чью кровь мнѣ должно лить,
И грудь, въ котору мнѣ сей острый мечъ вонзить.

Труворъ.

Лишенный вольности, надежды и покою,
Пролей, о государь! своей ту кровь рукою!
Свирѣпствуй, варварствуй и устремляйся въ месть,
Коль можешь острый мечъ на друга ты вознесть!
Вонзай оружіе, сражай его безсловно,—
Вотъ грудь, которая передъ тобой виновна!

Синавъ.

Мечту я зрю!... ахъ! ты отъемлешь жизнь мою!

Труворъ.

Я тайны своея ужъ больше не таю.
Отмщай сіе ты мнѣ, что ею ты крушился!
Рази, доколѣ я Ильмены не лишился!
Когда отнимешь ты любезну у меня,
Не жалобой одной воздамъ тебѣ стеня.
Рази теперь! Тогда карать меня ужъ поздно.

Синавъ.

Бывало ль, время, ты кому толико грозно!
Забуди дружество, или сей дѣвы взглядъ,
Не будь любовникомъ, или не буди братъ!

Труворъ отходя.

Драгія имена сіи священны оба.

Синавъ.

Ужасная любовь—ты мнѣ страшнѣе гроба.

*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Синавъ одинъ.

Се злое таинство открылося ужъ мнѣ:
Иль то, что слышалъ я, услышалъ я во снѣ!
Вздымаются власы, и сердце, ахъ! томится:
Трясется подо мной земля, и небо тьмится!
Ильмена!... Труворъ!... ахъ!... въ которую страну
Я съ большей жалостью, несчастливый, взгляну!
Мой братъ! любезный братъ! я—другъ тебѣ не ложно....
Ильмена! мнѣ тебя покинуть невозможно!
Лишь только мой языкъ то имя наречетъ,
Великодушіе въ минуту утечетъ.
Собраніе пріятствъ, прекраснѣйшее тѣло!
Все счастіе мое отселѣ отлетѣло.
Подвластну [1]) нынѣ ставъ прелестной красотѣ,
Прилично ли прервать, природа, узы тѣ,
Которыми меня преславна кровь сковала,
Гдѣ дружба многихъ лѣтъ пріятно пребывала?
О дружба! о родство! о хвальныя дѣла!
Судьба!—котора насъ ко граду привела,—
Для сихъ ли слѣдствій вы пути сюда открыли,
Чтобъ мы другъ другу рвы къ паденію изрыли,—
И чтобы въ братѣ зрѣлъ я лютаго врага?
О бѣдоносный градъ! противные брега!
Какъ мы, пришедъ сюда, остался со славой,—
Кто чаялъ то, что вы наполнены отравой!
Не знаю, Труворъ, я, губимый страстью сей,
Еще ли ты—мнѣ братъ, иль—лютый мнѣ злодѣй!
Злодѣй!... о небеса! какую мысль имѣю!
Но братомъ я тебя назвати не умѣю;
Отъемлешь у меня, что мнѣ милѣй всего:
Отъемлешь... отнялъ ужъ!... что злѣе мнѣ сего!
О если дружбу онъ мою еще вспомянетъ
И мнѣ прелестную любити перестанетъ,

[1]) Вм. подвластенъ (ставъ).

Великодушіе такое чѣмъ воздамъ!
Но привлеченнаго къ Ильменинымъ очамъ
Ничто не возвратитъ ужъ болѣе къ свободѣ:
Нѣтъ краше ничего ея во всей природѣ.
О боги! о судьба! скончайте тяжкій стонъ
И превратите мнѣ въ мечту сей день и сонъ,
И привидѣнія такія къ сердцу люты!
А я зрю въ явѣ [1]) васъ, о злобнѣйши минуты!

ЯВЛЕНІЕ V.

Синавъ и Ильмена.

Синавъ.

Позналася уже твоя ко мнѣ любовь.

Ильмена.

Что Труворъ объявилъ, я то вѣщаю вновь.
Зловредная къ нему горячность мя склонила,
И съ нимъ меня любовь на вѣкъ соединила...

Синавъ.

На вѣкъ?... но помнишь ли, что будешь мнѣ жена,
И что Синаву ты въ супружество дана?

Ильмена.

Когда, о государь! твоей супругой буду,
По должности тогда я Трувора забуду.

Синавъ.

Сама сказала ты, что ты на вѣкъ его.

Ильмена.

Не долго стану ждать кончанья своего,
И можетъ быть, какъ жизнь моя съ твоей спряжется,
Что въ самый тотъ злой часъ и духъ мой прочь возьмется.

Синавъ.

Какой за жаръ любви готовишь ты ударъ!
Къ тому ли во крови моей родился жаръ!

[1]) Въявь.

Часъ брака нашего ты лютымъ называешь
И, пораженная, грустишь и унываешь,
И, вмѣсто всей мнѣ мзды, мой тщишься духъ мутить!
Изрядно мнѣ любовь стараешься платить.
Иль страсть моя къ тебѣ еще мала быть мнится?

Ильмена.

Вспаленный мной, твой духъ неволею томится!
Ты, сердце суетной надеждой возманя,
Противъ желанія, ахъ! любишь, князь, меня,
Влюбясь, не предузнавъ хотѣнью слѣдства злого:
Противъ желанія и я люблю другого.

Синавъ.

Какіе съ страсти сей сбираю я плоды!
Безмѣрная любовь, сея ль достойна мзды!

Ильмена.

Его къ Ильменѣ страсть твоей сильнѣе страсти,
И больше много разъ напасть твоей напасти:
Тебя ко мнѣ любовь въ злу горесть привела,—
Что ты упорну зришь ту, кто тебѣ мила:
А Труворъ ужъ ничѣмъ тоски не умѣряетъ,—
Онъ вѣрную свою любовницу теряетъ.

Синавъ.

Прилично ль такъ тебѣ себя именовать,
Коль бракъ велитъ тебѣ съ нимъ узы разрывать?

Ильмена.

Колико житіе ни стало мнѣ превратно,
Любовницы его, ахъ! имя мнѣ пріятно.
Еще тебѣ, еще Ильмена—не жена;
Доколь не буду я съ тобой сопряжена,
Позволь симъ именемъ Ильменѣ нарицаться!
Кого ты бѣдной мнѣ, судьба, велишь лишаться?
Я слабости моей не крою предъ тобой:

Смотри на скорбь мою, и сжалься надо мной;
Дай сердцу моему имѣть, чего желаетъ,
И чѣмъ оно и грудь, и кровь моя пылаетъ,
Колико ни храню родительскій приказъ!
Пріятность можетъ ли отъ сихъ имѣти глазъ,
Которые тобой на слезы осужденны?
Иль чувсвія твои всѣ злобой побѣжденны,
И сердце варварско въ себѣ имѣешь ты?
Какія въ томъ лицѣ ты ищешь красоты,
Которо отъ тебя вседневно увядаетъ?
И здравіе, и жизнь Ильмену покидаетъ.
Не буди, государь! причиной смерти мнѣ!
Ты началъ царствовать съ щедротой въ сей странѣ!
Благополучіемъ явилъ себя народа,
И что произвела на то тебя природа,
Чтобъ ты во истинѣ свой разумъ простиралъ
И плачущихъ рабовъ ты слезы отиралъ.
Съ престола бѣдныхъ вопль и стонъ смиренно внемлешь;
Мою ли только жизнь безвинно ты отъемлешь?
И правосудья гдѣ искати больше намъ,
Когда разрушати его стремишься самъ?
Оставь меня!—ты тѣмъ геройство усугубишь,—
И граду покажи, что, какъ меня ни любишь,
Что, къ увѣнчанію своихъ прехвальныхъ дѣлъ,
Любови пламенной ты славу предпочелъ:
И какъ отъ страсти грудь Синавова дрожала,
Душа надъ страстью сей побѣду одержала.

Синавъ.

Какой, жестокая, совѣтъ ты мнѣ даешь!
Всей силою меня къ безславію влечешь:
И кроя отъ меня дражайшія забавы,
Въ несносной мнѣ тоскѣ велишь искати славы!

Ильмена отходя.

Коль ты не жалостливъ, отъемли мой животъ!

Синавъ.

Что скажешь ты о мнѣ, страны сея народъ,
Когда ты слабости души моей познаешь?
Ахъ! то ли царской долгъ, что рвешься и стонаешь.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гостомыслъ и Ильмена.

Гостомыслъ.

Я вижу скорбь твою и слышу тяжкій стонъ,
И знаю самъ, каковъ великъ тебѣ уронъ
Терять любовника, жаръ сильный побѣждати,
И въ женской слабости страсть нѣжну принуждати;
Но ты—мнѣ дочь: бори желанія любви
И покажи, отъ чьей родилась ты крови!
Яви, что духъ въ тебѣ родительскій хранится,
И родъ его тобой преславно обновится!
Великодушіемъ наполнивъ краткій вѣкъ,
Уподобляется безсмертнымъ человѣкъ:
Прекрасна и млада, и въ самомъ лучшемъ цвѣтѣ,
Любима тѣмъ, кто милъ тебѣ всѣхъ паче въ свѣтѣ,
Когда возможешь ты себя преодолѣть,
Я буду образъ свой въ любезной дщери зрѣть!

Ильмена.

Я граду покажу, что я тебя достойна:
Но льзя ли, чтобъ душа моя была спокойна,
Когда того, увы! на вѣки я гублю,
Кого я, отче мой, равно съ тобой люблю?

Гостомыслъ.

Гдѣ должность говоритъ, или любовь къ народу,
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду:
Синаву общества нарекъ тебя я мздой,

Ни мнѣ ужъ ни тебѣ нѣтъ власти надъ тобой;
Кто должности своей храненіе являетъ,
Храня ее въ бѣдахъ, свой духъ успокояетъ:
Страдая за нее, когда онъ помнитъ то,
За что онъ мучится, вся мука та ничто.
Коль чистая душа не хочетъ быть превратна,
За добродѣтели и мука ей пріятна.

Ильмена.

Чтобъ я не тронута была моей судьбой,
Когда поражена, родитель, я тобой,
Я тѣмъ уже не льщусь; какое сердце твердо
Возможетъ обвинить меня немилосердо?
Довольно мужества я, отче мой, явлю,
Что преслушаніемъ тебя не прогнѣвлю.
Довольно должности я жертвую тоскою:
Въ цвѣтущей младости иду на смерть...

Гостомыслъ.

Къ покою.
Ты тѣмъ скончаешь скорбь и горесть пресѣчешь;
Но къ каковой меня ты скорби привлечешь?
Мнѣ жизнь твоя тяжка, конецъ тягчѣе [1]) будетъ.
Иль мнишь ты: Гостомыслъ любезну дочь забудетъ,
Въ котору всю свою надежду положилъ
И для которыя на свѣтѣ онъ и жилъ,
То мня, что родъ его прославится въ ней паче?

Ильмена.

Но во стенаніи и въ непрестанномъ плачѣ,
Способна ль буду я веселье приключать,
Которо отъ меня ты чаялъ получать?

Гостомыслъ.

А какъ закроешь ты глаза свои сномъ вѣчнымъ,
Могу ли быть тогда я толь безчеловѣчнымъ,
Чтобъ не встревожилъ рокъ сей крѣпости моей,

[1]) У автора—тягчае.

И въ слабость бы не ввелъ того въ кончинѣ дней,
Кто милости сея понынѣ жилъ не чая,
И сына погребалъ, очей не омочая?
Когда изъ глазъ моихъ токъ слезный потечетъ,
Какую похвалу народъ о мнѣ речетъ?
А слуху моему сей голосъ будетъ злобенъ:
Намъ твердый Гостомыслъ во слабостяхъ подобенъ!
Хотя жъ я слабости на сердце не пущу,
Но духъ, тебя лишась, колико возмущу?

Ильмена.

Виню ли я тебя, что жизнь тобою трачу?
Не обвиняй меня и ты, что горько плачу.
Вступлю съ Синавомъ въ бракъ—я помню долгъ и честь:
Но ахъ! возможно ли такое бремя снесть?
Вы прямо видите тоску мою, о боги!
Почто твои въ сей градъ вступили, Труворъ! ноги.

Гостомыслъ.

Коль лютую напасть случаи навели,
Крѣпись и Трувора отъ мысли удали:
Когда ты съ жалостью о немъ лице являешь,
Ты, можетъ, пламень свой и горесть обновляешь.

Ильмена.

Желаніе свое—несчастнаго любить,
Колико я могу, стараюся избыть.
Стремительно отъ сей я мысли убѣгаю,
Но убѣгающа совсѣмъ изнемогаю.
Повсюду страсть моя гоняется за мной,
Повсюду множитъ жаръ и рушитъ мой покой.
Дражайшу зрака тѣнь повсюду обрѣтаю
И, истребляя страсть, я страсть мою питаю.
Разсѣянъ весь мой умъ, немилосердный рокъ
Мятетъ ліющійся во мнѣ кровавый токъ.
Сама съ собою брань имѣю непрестанно,

Разима, рвусь, стеню и стражду несказанно.
Не тако въ варварскихъ терзается степяхъ
Невольникъ, мучимый въ темницѣ и цѣпяхъ,
Какъ я, живущая въ странѣ своей природной,
Въ дни счастья твоего, въ дни тихости народной.
Прошла та жизнь, была которая вредна,
И только мучуся я съ Труворомъ одна.

Гостомыслъ.

Которы паче всѣхъ о градѣ семъ трудились,
Во счастіи своемъ подобно повредились;
Подобно огорченъ и я, и князь Синавъ:
Онъ, въ братѣ зря своихъ препятствіе забавъ,
Ту мзду, которой ждалъ, бѣдою получаетъ,
А Гостомыслу дочь боль вящшій приключаетъ.

Ильмена.

Конечно, всѣхъ грустнѣй Ильменѣ въ сей странѣ:
Не тако горестно и Трувору, какъ мнѣ;
Когда престанетъ быть любовникъ мой въ надеждѣ,
Жить будетъ безъ жены противной, какъ и прежде.
А я, лишась его, тому отдамся въ власть,
Кѣмъ вся моя, увы! произошла напасть.

Гостомыслъ.

Умолкни! Труворъ здѣсь: сокройся ты отселѣ!

Ильмена.

Сдержись прискорбный духъ въ томящемся, ахъ! тѣлѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ жъ и Труворъ.

Труворъ.

На что, дражайшая, ты прочь отсель бѣжишь?
Иль больше ужъ во мнѣ ты Трувора не зришь?

Ильмена.

Должна повинну [1]) быть родительской я власти.

[1]) Вм. повинна.

Гостомыслъ.

Для утоленія мучительныя страсти.

Труворъ.

Дай зрѣнью моему насытиться теперь!
Въ сей день пойдетъ во храмъ твоя прекрасна дщерь
И тамо присягнетъ на вѣкъ меня оставить....

Ильмена.

Въ сей день!

Гостомыслъ Ильменѣ.

Ничто тебя не можетъ ужъ избавить
Отъ крайности, куда тя должность привела.

Ильмена.

На что, судьбина, ты Ильменѣ жизнь дала!

Труворъ.

Въ безмѣрной ярости Синавъ меня злословитъ,
Мнѣ ссылку, а себѣ въ сей день онъ бракъ готовитъ:
Уже во градѣ всѣмъ извѣстенъ сей приказъ,
А я ужъ навсегда твоихъ лишаюсь глазъ!

Гостомыслъ.

Не огорчай еще его ты части лютой!
Довольствуйся безъ слезъ послѣднею минутой!
Ты, женской крѣпостью примѣръ ему подавъ,
Какъ долгу слѣдовать, подашь ему уставъ.
(Трувору).
Коль дѣва нѣсколько себя преодолѣетъ,
Такъ мужу болѣе еще того довлѣетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Труворъ и Ильмена.

Труворъ.

Сіе ли нашея горячности плоды!
Потщимся отвратить толь лютыя бѣды,

Доколѣ время всей надежды не скончало,
Которо наше все веселіе умчало.

Ильмена.

Въ сей крайности, мой князь! толь пламенно любя,
Чего бъ не сдѣлала Ильмена для тебя!
Но я спасенія ни въ чемъ себѣ не вижу,
И все, въ отчаяньи, на свѣтѣ ненавижу.

Труворъ.

Ты слышала, въ сей день назначенъ мой отъѣздъ:
Лишаюся на вѣкъ я сихъ прекрасныхъ мѣстъ.
Глаза покажутъ мнѣ стези моей дороги,
И буду жить я тамъ, гдѣ мнѣ прикажутъ боги.
Коль не гнушаешься быть странника женой,
Коль любишь ты меня, разстанься съ сей страной,
И изъ величества, куда восходишь нынѣ,
Отважься ты со мной жить въ бѣдности, въ пустынѣ,
Съ презрѣннымъ, съ выгнаннымъ, съ оставленнымъ отъ всѣхъ!
Покинь съ желаніемъ надежду всѣхъ утѣхъ,
Которы пышностью князей увеселяютъ
И честолюбія ничѣмъ не утоляютъ:
Довольствуйся однимъ пустыннымъ житіемъ,
Будь мнѣ участница въ несчастіи моемъ,
Которо, коль ты мнѣ вручишь красу и младость,
Во несказанную преобратится радость.

Ильмена.

Мое прибѣжище—стенанія одни.
О мой несносный рокъ! о горестные дни!
Неогорчаема любовною судьбою,
Въ уединеніи, въ убожествѣ, съ тобою
Со всей охотою покойно бъ я жила
И младость бы свою въ весельи провела;
Но предъ родителемъ какъ буду я преслушна?
Каковъ родитель мой, такъ я великодушна.

Я знаю, что мнѣ бракъ противный приключитъ;
Но съ должностью меня ничто не разлучитъ.

Труворъ.

Когда бы ты меня не такъ любила мало,
Такъ сердце бъ не такой совѣтъ тебѣ давало.
Когда разсудокъ нашъ безстрастно говоритъ,
Тамъ кровь, хотя жарка, однако не горитъ.

Ильмена.

Колико тщится днесь Ильмена лицемѣрить!
Хотя бы я клялась, никто не будетъ вѣрить.
Какъ я тебя люблю, не можно вообразить[1]),
Нельзя никакъ любви сильнѣе заразить:
Что скоро дѣйствіе, мой князь, тебѣ покажетъ,
И кто-нибудь когда о томъ тебѣ разскажетъ.
Правители небесъ, которыхъ такъ мы чтимъ,
Хотятъ того, чтобъ мы уподоблялись имъ.
Явлюся дочерью геройскою въ народѣ
И, побѣдивъ себя, дамъ дѣйствовать природѣ.
Хоть мя въ порочну жизнь она не вовлечетъ,
Но злополучіе конечно пресѣчетъ.

Труворъ.

Ты хочешь умереть: тебѣ ль умреть прилично,
Во младости своей, прекрасной необычно?
Живи и слабости любовной не вини,
Живи и грубу мысль, драгая, отмѣни!

Ильмена.

Ничто отъ мысли сей меня не отвращаетъ.
Живи, гдѣ рокъ тебѣ жилище обѣщаетъ;
Я знаю, что тебѣ меня лишиться жаль,
Но мнѣ моя еще несноснѣе печаль.

Труворъ.

Ты вѣрностью меня, драгая, увѣряешь,
И ахъ! безъ жалости на вѣкъ меня теряешь.

[1]) У автора—вобразить.

Мучитель не губитъ того, къ кому онъ щедръ,
Ни льстецъ, изверженный во свѣтъ изъ адскихъ нѣдръ.
Въ мучительствѣ, во льсти, въ лютѣйшихъ сихъ двухъ ядахъ,
Нѣтъ казни таковой, въ твоихъ какая взглядахъ.
Глаза твои ко мнѣ въ крови являютъ жаръ,
А ты готовиши смертельный мнѣ ударъ!
Рази! и отдѣляй печальный духъ отъ тѣла,
И послѣ говори, что жалость ты имѣла.
Я зрю, что ты одно суровство только чтишь
И долгомъ то зовешь, что ты меня губишь;
То ложно, что себя ты онымъ обезславишь,
Когда любовника мученія избавишь:
Сію имѣя мысль, родитель твой свирѣпъ.

Ильмена.

Кто любитъ, тотъ всегда въ своемъ разсудкѣ слѣпъ;
А мнѣ съ младенчества отцемъ моимъ вперенно,
Чтобъ сердце было въ вѣкъ разсудку покоренно.

Труворъ.

Оставшіе часы не медля пролетятъ:
Съ какою жалостью покину я сей градъ,
Той градъ, гдѣ вся моя утѣха остается!...
Увы! изъ глазъ твоихъ источникъ слезъ ліется!...
Ты плачешь обо мнѣ!... жалѣй меня! жалѣй!
Скажи, Ильмена, мнѣ, скажи въ тоскѣ моей,
Могу ли я еще надѣяться, пылая,
Что ты со мной отсель....

Ильмена.

О часть моя презлая!

Труворъ.

Моя сплетенна часть съ твоею навсегда:
Не буду безъ тебя спокоенъ никогда.
(Становится на колѣни).
Смягчись, дражайшая! отвергни права люты!

И помни, что сіи послѣднія минуты
Ко отвращенью бѣдъ намъ дороги теперь....

Ильмена.

Я помню только то, что я герою дщерь.

Труворъ стоя на колѣняхъ.

А то забыла ты, колико ни страдаешь,
Что ты меня въ сей день на вѣки покидаешь?
Возможно ли сіе любовнику снести?
Спасай меня! еще ты можешь мя спасти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Труворъ, Ильмена и Синавъ.

Синавъ.

Преступка нѣтъ нигдѣ подобна сей измѣнѣ!
Меня нарекъ отецъ супругомъ быть Ильменѣ:
Ты знаешь то? твое веселье претекло.

Труворъ.

Но сердце ей меня супругомъ нарекло.

Синавъ.

Преступникъ истины! рушитель дружбы, братства!
И кровь не дѣлаетъ неправеднымъ препятства.
Врагъ честности!...

Труворъ.

Постой, хоть власть тебѣ дана,
Но Трувору ль терпѣть такія имена?
Хотя и долженъ я тебѣ повиноваться,
Но я не такъ рожденъ, чтобъ мнѣ тебя бояться.
Скрѣпився, ярости толикой уступлю,
А словъ ни отъ кого поносныхъ не стерплю.

Ильмена.

Иль душу вы мою еще тѣсните мало?

Синавъ Трувору.

Названія сіи тебѣ бездѣльство дало.

Труворъ.

Бездѣльство дало мнѣ?

Ильмена Трувору.

Престани говорить.

Синавъ Трувору.

Противу ты меня что можеши творить?

Труворъ вынимаетъ противъ него мечъ свой и бросается на него.

Я буду дѣлать то, что честь теперь вѣщаетъ.

(Какъ только Труворъ за мечъ свой ухватился, въ то самое время и Синавъ то жъ дѣлаетъ).

Ильмена бросаясь между ихъ.

Кто болѣе изъ васъ свирѣпства ощущаетъ?
Коль въ злобу васъ могла любовью я привлечь,
Вонзай мнѣ въ грудь (Синаву) хоть ты, (Трувору) хоть ты, свой острый мечъ!

Труворъ.

Любовь, гнѣвъ, жалость рвутъ меня его виною:
Играйте страсти всѣ, играйте страсти мною!

(Кладетъ мечъ свой въ ножны).

Синавъ кладетъ мечъ свой въ ножны и говоритъ Ильменѣ.

Я ради лишь тебя не мщу сего ему;
Но дерзостнаго ты привесть должна къ тому,
Чтобъ прежней не затмилъ онъ всей моей пріязни,
Когда не хочетъ пасть на мѣстѣ лютой казни.

Труворъ.

Ты казнью мнѣ грозишь?

Ильмена Трувору.

Дни жизни мнѣ храня,
Пойди отселѣ, князь, коль ты любилъ меня!

Труворъ.

Гдѣ я ни буду жить, доколѣ не увяну,
Тебя, дражайшая, любити не престану.

ЯВЛЕНІЕ V.

Синавъ и Ильмена.

Синавъ.

Ты Трувора къ своимъ пускаешь пасть ногамъ
Въ тотъ день, въ который ты со мной идешь во храмъ?

Ильмена.

Прибавьте, небеса, къ терпѣнію мнѣ мочи!
Сдержитеся отъ слезъ, мои печальны очи!
Не вспоминай мнѣ его ты больше предо мной!
Я буду безъ того Синавовой женой.

Синавъ.

Коль горестно тебѣ сіе воспоминанье,
Такъ знать не кончилось еще твое желанье
О полученіи отъемлемыхъ утѣхъ:
Оно—погибель мнѣ, тебѣ—и стыдъ, и грѣхъ.

Ильмена.

Прискорбная душа не о забавахъ мыслитъ,—
И только лишь, однѣ свои напасти числитъ.

Синавъ.

Благополученъ быть въ сей день тобой хощу,
Жду радостей своихъ: въ надеждѣ сей грущу.
Тьмы будущихъ пріятствъ въ умѣ изображаю,
И, представляя то, болѣзни умножаю.
Синавова любовь зоветъ тебя на тронъ...
Скончай, дражайшая, скончай тоску и стонъ!

Ильмена.

Не возмущай еще души моей ты снова!
А я съ тобой во храмъ итти уже готова.

Синавъ.

Я тамо на тебя корону возложу
И на престолъ тебя съ собою посажу.
Правь городъ сей со мной, владѣй страною сею,
Подобно какъ душей и жизнію моею.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ильмена одна.

Въ какую ты напасть мя, должность, привела!
Вотъ ради я чего на свѣтѣ семъ жила!
Я знаю, смерть мои напасти окончаетъ,
Но смерть еще меня довольно огорчаетъ.
Необходимо всѣмъ, то должно претерпѣть;
Равно бы было то, когда ни умереть:
Но будучи млада и тѣмъ прекрасна зрима,
Кѣмъ распаленна я и кѣмъ сама любима,
Могу ли безъ тоски я очи затворить
И страхъ отважности геройской покорить!
Но жизнь уже къ чему? напрасно устрашаюсь!
Что мнѣ прелестно въ ней, того всего лишаюсь!
На что мнѣ болѣе желати живота?
Пусть гибнетъ молодость и мнима красота.
Не для того ль хочу на свѣтѣ я остаться,
Дабы на всякой часъ слезами обливаться,
Всегдашней жалобой свой рокъ изобличать
И смертнымъ, и богамъ стенаніемъ скучать?
Потребна бѣднымъ смерть: дражайшій часъ покою,
Приди и разлучи духъ съ тѣломъ и съ тоскою!
Свѣтило дневное, съ небесной высоты
Взирающе на всѣ земныя красоты,
Представь предъ Трувора дѣвицу саму красну
И дай ему забыть любовницу несчастну!

А ты, сей горькій плачъ на радость премѣня,
Хоть сыщешь и сто кратъ прекраснѣе меня,
Но въ пламени къ тебѣ любовномъ дарагія [1])
Не сыщешь никогда, подобной мнѣ, другія.

ЯВЛЕНІЕ II.

Гостомыслъ и Ильмена.

Гостомыслъ.

Старайся ты себя преодолѣть теперь:
Минуты тѣ пришли уже, любезна дщерь,
Въ которыя тебѣ крѣпиться лишь полезно
И гнать изъ памяти, что толь тебѣ любезно.
Лишайся Трувора и, вмѣсто ты того,
Вошедъ на тронъ, будь мать народа своего.
Когда ты отстаешь любовныя забавы,
Ищи утѣхъ среди величества и славы;
Не гордости тебѣ отецъ искать велитъ;
Престолъ не тѣмъ людей великихъ веселитъ·
Но чтобъ ты сѣяла повсюду добродѣтель,
На то имѣетъ власть надъ обществомъ владѣтель
Онъ всѣ съ высокаго сѣдалища страны,
Которы отъ боговъ ему поручены,
Объемля взорами, брежетъ и учреждаетъ,
Искореняетъ ложь и правду утверждаетъ.
Въ супружество вступивъ, участницею ставъ
И сердца княжеска, и силъ его, и правъ,
Въ сей пышности, себя между боговъ не числи
И смертна будучи, какъ смертная, и мысли.
Отъ сквернихъ льстивыхъ устъ ты уши отвращай
И въ утѣсненіи невинныхъ защищай.
Храни незлобіе, людей чти въ чести твердыхъ,
Отъ трона удаляй людей немилосердныхъ
И огради его людьми такихъ сердецъ,
Какое показалъ имѣя твой отецъ.

[1]) Род. п. ед. ч. ж. р.=дорогой.

Превозноси людей ко правдѣ прилѣпленныхъ,
Разумныхъ и честныхъ, искусствомъ укрѣпленныхъ;
Премудрости во всѣхъ послѣдуй ты дѣлахъ
И спутницей имѣй ее во всѣхъ путяхъ.
Покровомъ будь сиротъ, прибѣжищемъ вдовицы,
Яви ты истину подъ именемъ царицы,
И добродѣтель здѣсь, гнушаяся тщеты,
Яви во образѣ дѣвичей красоты.
Надеждой веселись, что ты себя прославишь
И подданнымъ своимъ златые дни возставишь.
Рождай властителей народу своему,
Подай безсмертіе ты корню моему;
Не сѣтуй о своемъ безъ пользы ты уронѣ
И, къ пользѣ всей страны, ликуй на пышномъ тронѣ.

Ильмена.

Коль мысль разсѣяна, и разумъ огорченъ,
Коль вѣчно человѣкъ печалью омраченъ,
Удобно ли ему быть обществу полезнымъ?
Лишась пріятныхъ думъ, разставшихся съ любезнымъ,
Низвергшись въ глубину неизреченныхъ бѣдъ,—
Когда отъ глазъ моихъ скрываетъ небо свѣтъ,
Когда несчастіе мнѣ сердце разрываетъ,
И рокъ свирѣпости рѣками проливаетъ,—
Къ чему потребна я? Кто сѣтуетъ всегда,
Тотъ дѣйствовать умомъ не можетъ никогда.

Гостомыслъ.

Ты въ случаѣ такомъ прославишься и паче:
Во дни стенанія, въ тоскѣ и горькомъ плачѣ,
Разставшись съ тѣмъ на вѣкъ, кто толь былъ сердцу милъ,
Преодолѣть себя есть выше женскихъ силъ.
Я знаю то, но сколь сильнѣй супротивленье,
Толико хвальнѣе надъ нимъ преодолѣнье.
Превозмогай себя, чтобъ городъ сей сказалъ:
Кто дѣвы сей отецъ, рокъ ясно показалъ—

Съ какимъ къ ней бременемъ зла часть ни приступала,
Ильменина душа подъ бременемъ не пала.

Ильмена.

Все то, что льстило мнѣ на свѣтѣ, погубя,
Еще ли мало я превозмогла себя?
Противилася ли родительской я волѣ?
Не требуй отъ меня ты крѣпости днесь болѣ.
Великодушія того ищи въ богахъ,
Какого ищешь ты въ дѣвическихъ сердцахъ.

Гостомыслъ.

Нашъ вѣкъ есть нѣкій путь, къ покою насъ ведущій,
И зло и благо намъ мѣстами подающій;
Хоть что худо въ немъ, все должны мы сносить,—
И сладкіе плоды и горькіе вкусить.

Ильмена.

Влекущій днесь меня къ великолѣпну сану
Мой случай бурному подобенъ океану:
Свергаюсь въ ярости воюющихъ валовъ,
Въ пучину страшную съ высокихъ береговъ.

Гостомыслъ.

Я жалость, какъ другой, Ильмена, ощущаю,
Но помощи тебѣ уже не предвѣщаю,
Коль сердцемъ тотъ совѣтъ не можетъ обладать,
Который я тебѣ стараюся подать.
Ищи, любезна дочь, въ терпѣніи успѣха,
Ищи: ты вся моя при старости утѣха.

Ильмена.

Я думала сама, дражайшій отче мой,
Что будетъ завсегда тебѣ веселье мной.
И было такъ, но ахъ! то все перемѣнилось:
Веселье то тебѣ въ болѣзни превратилось.
О лютый день! о бракъ! несносный бракъ! о храмъ!
Ахъ! Труворъ шествуетъ къ Ильменинымъ очамъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ жъ и Труворъ.

Труворъ.

Жестоки времена! несносная премѣна!
Я зрѣть тебя пришелъ въ послѣднія, Ильмена!
И ахъ! въ послѣдній разъ прости тебѣ сказать.

Ильмена.

Увы!

Гостомыслъ Ильменѣ.

Престань себя надеждою терзать:
Не можешь отвратить суровство лютой части.

Ильмена Гостомыслу.

Когда ты мнѣ велѣлъ, иду во всѣ напасти.

Труворъ Ильменѣ.

Уже готово все къ отъѣзду моему:
Кони запряжены....

Гостомыслъ.

О небо! дай ему,
За безпорочну жизнь мою во награжденье,
Терпѣніе и силъ душевныхъ утвержденье!

Труворъ.

Въ унынiи моемъ уже спокойныхъ дней
Не будетъ для меня, когда разстанусь съ ней...
Но часъ уже пришелъ теряти все, въ чемъ таю,
И все то, что ни есть, что въ жизни почитаю!
Вотъ строгость мя твоя во что теперь ввела!
(Указывая на плачущую Ильмену).
И вотъ какую скорбь Ильменѣ подала.

Ильмена плача.

Терзай, судьба, терзай! умножься рока злоба!
Гони изъ тѣла духъ! отверзи двери гроба!

Я, долгу слѣдуя, мой отче, въ храмъ иду;
Но ахъ! подъ бременемъ страстей своихъ паду.
Могуща побѣждать крови моей волненье,
Какъ мнѣ ни тягостно такое исполненье,
Страданіе души стерплю, иль не стерплю,
Безъ разсужденія ко браку приступлю.
Безъ прекословія вдаюсь уже на жертву.
Но если отъ того меня увидишь мертву,
Воспомни ты тогда, что ты меня сразилъ.
А ты, любезный князь, мнѣ сталъ толико милъ,
Коль склонность наша намъ была, увы! безплодна,
И стала я тебѣ къ смятенію угодна.
Услышавъ о своей драгой противну вѣсть,
Невозмогущей сей разлуки злыя снесть,
Что ужъ увянула она, какъ роза въ лѣтѣ,
И что ужъ горести не терпитъ больше въ свѣтѣ,
Вздохни! но послѣ ты порадуйся тому:
Едина смерть—конецъ несчастью моему!

Труворъ.

Словами сими ты болѣзнь мою сугубишь:
Живи, прекрасная, когда меня ты любишь!
О томъ тебя прошу, а больше ни о чемъ.

(Гостомыслу).

По разлученіи съ Ильменою моемъ,
Надежды, Гостомыслъ, въ тебѣ единомъ чаю:
Тебѣ несчастную любовницу вручаю.
Ты—ей отецъ: храни ты дочь; въ ней кровь твоя;
Ты—другъ мнѣ: въ ней душа останется моя.
Увѣщевай ее, напоминай всечасно,
Чтобъ младости своей не тратила напрасно.

(Ильменѣ).

Ну! время ужъ пришло Ильмену покидать...

Ильмена въ слезахъ.

Кого мнѣ болѣе во вѣки не видать!

Гостомыслъ, взявъ Трувора за руку.

Не злобствуй на меня; ты мучишься судьбою!
И разстаюся днесь я въ дружествѣ съ тобою.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Труворъ и Ильмена.

Ильмена.

Помедли здѣсь... Чего я нынѣ дожила!
Ахъ! лучше бъ никогда я въ свѣтѣ не была!
Тебя ль лишаются твоей любезной взоры!
Дремучіе лѣса и превысоки горы,
Широки озера и пустота степей
Закрыти отъ моихъ хотятъ тебя очей:
Закроютъ, ежели закрыть они успѣютъ,
Доколѣ члены, ахъ! мои не охладѣютъ;
А въ сердцѣ ты моемъ по лютый будешь часъ,
Котораго себѣ желала я сто разъ;
Который насъ отсель на тѣ мѣста преводитъ,
Отколѣ къ намъ никто обратно не приходитъ.
Но столько мнѣ тоски тотъ часъ не приключитъ,
Какъ сей, который насъ съ тобою разлучитъ.

Труворъ.

О небо! укрѣпи ея ослабшу силу
И ободри ея умъ томный, мысль унылу!
Дай многи лѣта жить ей, здравіе храня,
И проливай свой гнѣвъ на одного меня!
Послѣдующему зловреднѣйшей судьбинѣ,
Подай утѣху мнѣ, живущему въ пустынѣ,
Той славой, какъ она слухъ свѣту разнесетъ,
Что красота твоя не вянетъ, но цвѣтетъ,
И что Ильмена тамъ, гдѣ царствомъ обладаетъ,
Изъ памяти меня еще не выкидаетъ.

Ильмена.

Ахъ, князь! какую ты услышать хочешь вѣсть!
Возмогъ ли бъ ты сей слухъ безъ озлобленья снесть,

Что я, лишась тебя, еще себѣ подобна?
Къ невѣрности такой Ильмена неспособна.

Труворъ.

Когда отчаянно тобою мнѣ пылать,
Того единаго осталося желать,
Чтобъ ты свою печаль помалу умѣряла
И не рвалась о томъ, что вѣчно потеряла.

Ильмена.

Противно будетъ все любовницѣ твоей,
Противенъ безъ тебя и градъ мнѣ будетъ сей,
И вся сія страна, и домъ, гдѣ я рожденна,
И воздухъ, коимъ я дышати принужденна!

Труворъ.

Воззрите, жители небесны, къ сей странѣ!

Ильмена.

Пошлите, небеса, скорѣе смерть ко мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Труворъ, Ильмена и пажъ.

Пажъ.

Итти ко алтарю....

Ильмена.

О злѣйшія минуты!

Труворъ.

О нестерпимый часъ!

Ильмена пажу.

Иду въ напасти люты.

(Пажъ отходитъ).

(Трувору).

Прости... и памятуй, какъ ты Ильменѣ милъ!

Труворъ.

Воспоминай и ты, какъ я тебя любилъ!
Бывало ли кому такое огорченье!

Ильмена.

Неизреченное всѣхъ выше силъ мученье!...
Прости!... сдержись мой духъ!

Труворъ.

Побудь еще ты здѣсь!

Ильмена отходя.

О мой дражайшій князь!

Труворъ.

О какъ я бѣденъ днесь!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Труворъ одинъ.

Въ глазахъ моихъ, увы! свѣтъ солнечный темнѣетъ,
Хладѣетъ кровь моя, и сердце каменѣетъ,
Трепещетъ духъ во мнѣ, вздымаются власы.
О рокъ! о грозный рокъ! о бѣдственны часы!
На что, природа, ты меня производила!
Къ чему ты грудь сію, Ильмена, побѣдила!
Уже не буду я тебя, драгая, зрѣть...
О время! о судьба! возможно ль то стерпѣть!
Не царствуешь, Синавъ,—ты варварство здѣсь вводишь:
Прежесточайшихъ ты тирановъ превосходишь!
Войдемъ еще, войдемъ во храмину ея....
Къ чему отчаянна стремится мысль твоя?
Еще ль любезную ты хочешь востревожить,
Или свою тоску стараешься умножить?
Къ Синаву ты поди и, что онъ братъ, забудь:
Поди и мечъ вонзи въ мучителеву грудь....
Что жъ будутъ говорить страны сія народы!...
Пренебрегай молву... но слышу гласъ природы:
Постой, куда тебя отмщеніе влечетъ!
Не варварска въ тебѣ, геройска кровь течетъ.
Руки моей къ тому не допустите, боги!

О Труворъ! покидай несчастные чертоги!
И, къ усмиренію бунтующей души,
Спѣши изъ града вонъ, спѣши, скорѣй спѣши,
Когда толикая разитъ твой духъ премѣна!
А ты прости на вѣкъ, дражайшая Ильмена!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гостомыслъ одинъ.

Наполненъ нашъ животъ премножествомъ суетъ.
Но что я въ свѣтѣ семъ? одушевленный цвѣтъ:
Не долго время я въ сей жизни пребываю;
Едва рождаюся, уже и истлѣваю:
Предъ всею вѣчностью лѣтъ осмьдесятъ иль сто—
Одна минута, мигъ, или совсѣмъ ничто.
Доколѣ существо въ насъ живность ощущаетъ,
Къ познанію себя прійти не допущаетъ.
Въ невѣжествѣ своемъ имѣть премудрость мнимъ
И, въ самолюбіи, безумство ею чтимъ.
Не дологъ смертныхъ вѣкъ, печалей въ немъ премного:
Благополучіе—мечта, несчастье строго;
Прошедше время въ вѣкъ не возвратится къ намъ;
Которо есть, то—лишь единый мигъ очамъ;
Котораго мы ждемъ, тѣмъ мы не обладаемъ,
И, можетъ быть, его напрасно ожидаемъ;
Нѣтъ счастья на земли—на небесахъ оно:
Оставлено богамъ и смертнымъ не дано.
Дано, но мы его страстями разрушаемъ,
Другъ друга общаго спокойствія лишаемъ.
Гдѣ только человѣкъ печется о себѣ,
Жилища тамо нѣтъ, о истина, тебѣ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Гостомыслъ и Ильмена.

Ильмена.

Сраженная твоимъ родительскимъ уставомъ,
Въ супружество уже вступила я съ Синавомъ.
Исполнила ли я, чѣмъ дочь отцу должна?
Разстаться съ Труворомъ, Синаву я жена.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ жъ и вѣстникъ.

Ильмена.

Иль Трувора еще печальный градъ вмѣщаетъ?...
Но что смущенный твой намъ образъ возвѣщаетъ?

Вѣстникъ Ильменѣ.

Услышать вѣсть тебѣ потребно много силъ.

Ильмена.

Вѣщай!... О бѣдная!...

Вѣстникъ.

Кто толь тебѣ былъ милъ...

Ильмена.

Увы!

Гостомыслъ.

Что сталось съ нимъ?

Вѣстникъ.

Съ мученіемъ сердечнымъ
Князь Труворъ затворилъ глаза свои сномъ вѣчнымъ.

Ильмена.

Судьба! вошла тобой на самый верхъ я бѣдъ!
Свершилась часть моя, и Трувора ужъ нѣтъ!
Жаръ нѣжныя любви злой смертью увѣнчался!

(Вѣстнику).

Какимъ ударомъ мой любезный князь скончался?
Скажи.

Гостомыслъ.

Къ чему о томъ ты хочешь вопрошать?

Ильмена.

Хочу мученіемъ я душу утѣшать.

Гостомыслъ.

Для имени боговъ....

Ильмена.

Противна имъ измѣна.
Страдай, плати любовь, о вѣрная Ильмена!

(Гостомыслу).

Довольно принуждалъ ты сердце, ахъ! мое:
Дай волю мнѣ.

(Вѣстнику).

Вѣщай плачевно бытіе.

Вѣстникъ.

Съ плачевной мыслію онъ городъ сей оставилъ
И въ путь по Волховскимъ брегамъ стопы направилъ.
Въ молчаніи его одинъ былъ слышенъ стонъ,
Который испускалъ безперестанно онъ.
Какъ слезы онъ держать въ очахъ ни порывался,
Но изъ очей его токъ слезный проливался.
Не сей имѣлъ онъ зракъ, который прежде цвѣлъ:
Перемѣнялся видъ, и зракъ его блѣднѣлъ.
Тяжелыя въ груди дыханія спирались,
Вздымалась грудь его, и губы запекались.
Какъ съ версту мы пути отъѣхали за градъ,
Со колесницы сшедъ, онъ очи взвелъ назадъ,
И жалостно взглянувъ на отдаленно зданье,
Гдѣ суетно питалъ онъ страстно ожиданье:
Уже по самый гробъ разстался я съ тобой,
О градъ! онъ рекъ, о градъ! гдѣ духъ остался мой,
Жилище, гдѣ моя любезная стонаетъ

И о любовникѣ безъ пользы вспоминаетъ;
Въ тебѣ я мужеству хотѣлъ сыскать успѣхъ,—
Сыскалъ: но что потомъ? лишился всѣхъ утѣхъ,
Которыя моей ты младости представилъ.
Ахъ! что въ тебѣ я, что, любезный градъ, оставилъ!
А ты, гдѣ озеро ни будешь глашено,
Которо именемъ драгимъ украшено,
Повсюду возвѣщай мою несносну муку
И именемъ своимъ тверди мою разлуку;
Тверди и то, что я для той, кого любилъ,
Близъ устья Волхова въ себя сей мечъ вонзилъ...
Едва сіи слова лишь только излетѣли,
Мечъ былъ въ груди его: мы токъ кровавый зрѣли.
Онъ палъ къ намъ въ руки, мы желѣзо извлекли.
Багряныя струи стремительно текли.
Я рану захватилъ платкомъ своей рукою.
Князь стражѣ говорилъ: теперь иду къ покою.
Коль то, что зрите вы, мнѣ ставите въ напасть,
Синавова ее содѣлала мнѣ страсть.
А ты, сказалъ онъ мнѣ, меня зря въ части слезной,
По возвращеніи, скажи моей любезной,
Чтобъ плакала о томъ умѣренно она,
Что скрылась отъ меня послѣдняя луна;
Что день, день Труворовъ, тьмой вѣчной поразился,
И солнца для меня лучъ вѣчно погрузился.
Прости, Ильмена, рекъ, по смерть я вѣренъ былъ
И, испуская духъ, тебя не позабылъ.
Прости... при словѣ семъ не стало больше мочи:
Оставилъ тѣло духъ, и затворились очи.

Ильмена.

Онъ чаялъ при концѣ, что я на тронъ всхожу,
А я, кончаяся, на смерть его гляжу!...

Гостомыслъ.

Кончаяся?... на что ты смерть воображаешь?

Ильмена.

Ты самъ меня, ты самъ сей смертью поражаешь.
Не льстися больше тѣмъ, чтобъ долго я жила:
Преходитъ время то, въ которо я была.
Отверста вѣчность мнѣ: иду... куда?... не знаю...
Страшусь... дрожу... на что дорогу препинаю!
Пускай разрушится и жизнь, и существо:
Мя въ нову изведетъ природу Божество.
И преселюсь изъ мѣстъ, которыхъ ненавижу,
Туда, гдѣ либо я и Трувора увижу.
Мнѣ боги подадутъ иное бытіе
И человѣчество возобновятъ мое.
Они—всесильны, имъ въ природѣ все возможно,
И упованіе Ильменино не ложно.
Но чѣмъ увѣрюсь я, что буду зрѣть того,
Кто здѣсь съ родителемъ милѣе мнѣ всего?
Иль въ смерти смертные другъ друга не забудутъ,
И страсти волновать, какъ здѣсь, и тамо будутъ?
Того не можетъ быть, какъ тотъ настанетъ вѣкъ,
Чтобъ былъ съ собой во всемъ тамъ сходенъ человѣкъ.
Тамъ воля разуму престанетъ быть преслушна,
Сердца тамъ твердыя, и мысль великодушна.
А если болѣе не будетъ тамъ страстей,
Такъ я не буду, князь, любовницей твоей.
О тайна! отъ ума ты скрыта намъ богами
И въ непостижности оставлена судьбами.

Гостомыслъ.

Къ чему ты, дщерь моя, приводишь то на умъ?
Освободи себя отъ тяжкихъ оныхъ думъ;
Ты ими мучишься и растравляешь рану.

Ильмена.

Я скоро, отче мой, отъ нихъ свободна стану;
Уже приближилась ко гробу я стеня;
Когда скончаюся, воспоминай меня.

Не знаешь, близко ль часъ съ тобой моей разлуки,
И не въ послѣднія ль твои цѣлую руки.

Гостомыслъ обнявъ Ильмену.

О дщерь моя! престань смущати духъ отцовъ!

Ильмена.

Смущеніе легко бываемо отъ словъ:
Увидя дѣйствіе, смятется духъ твой болѣ.
Не будешь дочери ты зрѣти на престолѣ.
Возлюбленна душа драгого моего!
Коль свѣтъ присутствія лишился твоего,
Въ очахъ моихъ онъ пустъ и взору непріятенъ.
О Труворъ! если гласъ живущихъ мертвымъ внятенъ,
И можетъ грусть моя проникнути твой сонъ,
Внемли, хотя въ мечтѣ, сей жалобный мой стонъ
И утѣсняемой немилосердным рокомъ
Оставь мою вину,—что въ случаѣ жестокомъ
Была принуждена Ильмена измѣнить!...
Льзя ль, боги, должностью свирѣпство извинить!
Прежалостная тѣнь! о тѣнь окровавленна!
Познай, какъ грудь моя тобою уязвленна!
Познай, мой князь, тоску, въ которой стражду я,
И жертву, кою дастъ тебѣ любовь моя!
Кого отъемлешь ты, о строга добродѣтель!
А ты, который былъ конца его свидѣтель,
И—какъ былъ вѣренъ онъ возлюбленной своей,
Свидѣтелемъ теперь будь смерти и моей!

(Закололась).

Гостомыслъ.

Я больше смертнаго себя превозмогаю:
Къ великодушію лишь только прибѣгаю!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Гостомыслъ, Синавъ и воины.

Синавъ.

Мой другъ! извѣстенъ ли о братѣ ты моемъ?

Гостомыслъ.

Извѣстенъ, государь, извѣстенъ я о всемъ.

Синавъ.

Я страсть любовную, но вредну мнѣ и люту,
Конечно, получилъ въ несчастнѣйшу минуту.
Я тщился Трувора на время удалить,
Чтобъ только ихъ любовь кипящу утолить.
Но вымыселъ судьба любови претворила,
Которая меня безумству покорила.
А то безумство мнѣ пріятно и теперь;
Люблю, какъ душу, я твою прекрасну дщерь,
И, въ сей тоскѣ, она въ умѣ моемъ летаетъ;
Наполненъ ею умъ, и сердце ею таетъ:
Прелестнѣе всего она на свѣтѣ мнѣ.
Но какъ передъ нея предстану въ сей винѣ?
О коль несчастливъ я!

Гостомыслъ.

Хоть горько ты стонаешь,
Но всѣхъ еще своихъ несчастій ты не знаешь.

Синавъ.

Скажи, какой еще Синавъ разимъ судьбой?

Гостомыслъ.

Ильмена навсегда разсталася съ тобой.

Синавъ.

Разсталась навсегда?

Гостомыслъ.

Взгляни на токъ сей кровной
И сотвори конецъ ты мысли днесь любовной!
Се кровь Ильменина.

Синавъ.

Скончалась дочь твоя!

Гостомыслъ.

Тутъ вышелъ предо мной изъ тѣла духъ ея,—
Кинжаломъ жизни здѣсь она себя лишила.

Синавъ.

Уже ты все теперь, судьбина, совершила,
Ты всѣ свирѣпости явилъ, о рокъ! на мнѣ:
Представилъ ты меня тираномъ сей странѣ
И злѣйшей фуріей, изверженной изъ ада.
Я брату недругъ сталъ, изгналъ его изъ града,
Смутилъ его весь умъ, низвергъ его во гробъ,
И, къ умноженію творимыхъ мною злобъ,
Какихъ и дикіе въ лѣсахъ не знаютъ звѣри,
Лишилъ, при старости, отца любезной дщери,
Героя, коимъ градъ сей бѣдства окончалъ
И кто Синава здѣсь короною вѣнчалъ;
Безъ пользы мучилъ духъ красавицы дражайшей,
Горчайшу сдѣлалъ жизнь изъ жизни ей сладчайшей
И отъ пріятнѣйшихъ Ильмениныхъ очей
На вѣки отлучилъ свѣтъ солнечныхъ лучей...
Покоясь, учинивъ конецъ своей судьбинѣ,
О коль пресчастливы, любовники, вы нынѣ!
Васъ весь жалѣетъ градъ, онлакивая васъ,
А я сталъ мерзостью народною въ сей часъ;
Злодѣйски жалобы съ раскаяньемъ безплоднымъ
Безъ жалости уже текутъ къ сердцамъ народнымъ.
О жесточайша часть! о солнце! небеса!
Какого дождался, о боги, я часа!

*

Гостомыслъ.

Тираномъ, государь, назвать тебя не можно.
А что несчастливъ ты, несчастливъ ты не ложно.
Но ужъ не пользуетъ стенаніе тебѣ:
Ищи ты крѣпости и мужества въ себѣ.

Синавъ.

Не ты кинжаломъ грудь прекрасную пронзила,—
Моя рука тебя, моя рука сразила!
Ильмена! отпусти ты мнѣ мою вину:
Кляну злодѣйствіе, но поздно ужъ кляну!
О сердце варварско! ты паче мѣры злобно!
Коль страсти истребить мнѣ было неудобно,
Не могъ ли своего я кончить живота?
Увяла молодость, увяла красота,
Закрылись очи тѣ, которы кровь палили,
Которы мучили меня и веселили.
Чего жъ я жду! пойдемъ въ тьму вѣчную за ней!...
(Вынимаетъ шпагу, но Гостомыслъ съ воинами вырываютъ шпагу изъ рукъ его).
О продолжители злой горести моей!
Вы отняли мой мечъ, въ немъ вся моя отрада:
Жить больше не хочу, отставъ любезна взгляда.
(Падаетъ въ кресла).
Туманъ отъ глазъ моихъ скрываетъ солнца свѣтъ....
Ужъ нѣтъ ни Трувора, ни, ахъ! Ильмены нѣтъ....
Моя кипяща кровь на сердцѣ замерзаетъ....
Или въ сей страшный день вселенна исчезаетъ!...
Проникли темноту лучи, сокрыта мгла,
Природа небесамъ цвѣтъ прежній отдала....
Но что вы, воины, вокругъ меня дрожите!
Куда отселѣ всѣ, куда вы прочь бѣжите?
Печальный Новградъ, ты разсѣянъ нынѣ весь.
О чемъ любезная Ильмена плачетъ днесь....
Но кто, поверженный, тамъ очи къ небу мещетъ?

Какой несчастливый въ крови своей трепещетъ?...
Едва, едва дыша томится человѣкъ....
То—Труворъ, братъ мой—то... ахъ, онъ кончаетъ вѣкъ!
Прости, любезный братъ!... сіе все мной творимо.
(Возстаетъ).
О солнце! для чего еще ты мною зримо!
Разлей свои валы, о Волховъ! на брега,
Гдѣ Труворъ пораженъ отъ брата и врага,
И шумнымъ стономъ водъ вѣщай вину Синава,
Которой навсегда его затмилась слава!
Чертоги, гдѣ лила свою Ильмена кровь,
Падите на меня, отмстите злу любовь!
Карай мя, небо,—я погибель въ даръ пріемлю,—
Рази, губи, греми, бросай огонь на землю!...

III. ОПЕКУНЪ[1]).

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Чужехватъ, дворянинъ.
Сострата, дворянская дочь.
Валерій, любовникъ Состратинъ.
Ниса, дворянка и служанка Чужехватова.
Пасквинъ, слуга Чужехватовъ.
Палемонъ, другъ покойнаго отца Валеріева.
Секретарь.
Солдаты.

Дѣйствіе въ Санктпетербургѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пасквинъ *(одинъ)*. Нѣтъ, ради всѣхъ сокровищей свѣта не остануся я больше въ этомъ поганомъ домѣ. Подлинно

---

[1]) Комедія „Опекунъ“, по внутренней силѣ, по горечи, которая излилась въ нѣкоторыхъ сценахъ ея, значительнѣе всѣхъ остальныхъ комедій Сумарокова. Преслѣдуя порокъ въ обществѣ, авторъ имѣлъ несчастіе въ своемъ семействѣ найти чудовищный типъ зятя-вдовца, изображенный имъ въ лицѣ Чужехватова. Вотъ какъ рисуетъ авторъ черты его въ прошеніи, поданномъ имъ императрицѣ, вскорѣ послѣ смерти его отца: „Человѣкъ праздный, прибыткожадный, не просвѣщенный и, кромѣ часовника, съ роду ничего не читавшій, и, кромѣ сребролюбія, ни о Богѣ, ни о прямой дорогѣ не имущій понятія; ростовщикъ, онъ беретъ по десяти рублей со ста и еще по два рубля въ ящикъ собираетъ на жалованье своимъ людямъ, которыхъ онъ почти и не кормитъ, приказывая имъ пищу добывать самимъ; дровъ имъ не даетъ, приказывая, чтобы они дрова сами на Москвѣ-рѣкѣ добывали, слѣдственно приказываетъ онъ имъ дрова красть. Жалости и

это правда, что каковъ попъ, таковъ и приходъ. И можетъ ли это быти, чтобы господинъ былъ бездѣльникъ, а слуги бы у него были добрые люди? Всего меня обокрали, а напослѣдокъ украли съ меня и крестъ. Конечно, это кто-нибудь по обѣщанію подтяпалъ. Прости, Сострата! прости, моя возлюбленная Ниса! пришло васъ покидать, хотя и не хочется. Здѣшніе воры такъ хитры, что они и душу у человѣка украсть могутъ; надобно отселѣ выйти, доколѣ я живъ, а послѣ будетъ поздно; потому что у тѣла, въ которомъ нѣтъ души, ноги болѣе не ходятъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Сострата, Ниса и Пасквинъ.

Сострата. Что ты здѣсь одинъ поговариваешь?

Пасквинъ. А поговариваю я то, что я во здѣшнемъ домѣ больше служить не намѣренъ.

человѣколюбія въ немъ нѣтъ никакого; обыкновенное наименованіе людямъ: „вы мои злодѣи“. Брату моему, а своему шурину, далъ онъ сто рублей взаймы, взявъ и крѣпость и закладъ втрое, и вычелъ напередъ проценты, имѣя болѣе ста тысячъ денегъ. У Ш. отнялъ онъ деревню только потому, что подъячій описался, и владѣлъ ею тридцать лѣтъ, о чемъ меня при покойной государынѣ спрашивали. Науки онъ называетъ календаремъ, стихотворство лихою болѣстью; воспитательный домъ—непристойнымъ именемъ, и особливо ради того, что оный домъ стѣна объ стѣну съ нимъ. Носитъ всегда четки, по которымъ онъ молится, считаетъ деньги и бьетъ ими слугъ, и у него только четыре наказанія: четками, подъ бока кулаками, кошками и вѣчныя кандалы. Качествъ его — ни тѣлесныхъ, ни душевныхъ — описать нельзя; видъ его есть вѣрное зеркало души“. Желая выставить такую личность въ смѣшномъ видѣ, авторъ доводитъ свое описаніе до карикатурности, что не противорѣчило тогдашнему понятію о комедіи. Бичуя грубое ханжество своего героя, оскорбительное для истинно религіознаго человѣка, авторъ часто касается различныхъ побочныхъ обстоятельствъ, раздражавшихъ его, и при случаѣ высказываетъ свои многолѣтнія наблюденія надъ современной ему жизнью (II-е явл., рѣчь Пасквина). Мщеніе со стороны зятя, узнавшаго себя въ Чужехватѣ, причинило впослѣдствіи немало горя поэту и побудило его обратиться непосредственно къ государынѣ.

Ниса. А для чего?

Пасквинъ. А для того, что здѣшніе люди, обокравъ меня всего, украли нынѣшнею ночью съ меня и крестъ.

Сострата. Какой онъ былъ и великъ ли?

Пасквинъ. Маленькой и золотой.

Сострата. Такъ я тебѣ дамъ золотой и большой.

Пасквинъ. На немъ же было вырѣзано мое имя и годъ, и день моего рожденія.

Сострата. И я это велю вырѣзать и Пасквиново имя.

Пасквинъ. Это не прямое мое имя.

Сострата. Какъ же?

Пасквинъ. Прямое мнѣ имя—Валеріанъ, потому что такъ на крестѣ у меня вырѣзано.

Сострата. Слышишь ли, Ниса? Такъ это и очень походитъ на правду, а я этого и не разсмотрѣла.

Пасквинъ. Я съ роду не лгалъ, и что крестъ у меня украли, это правда, какъ и то правда, что я Валеріанъ, а не Пасквинъ. А тебѣ гдѣ было это видѣти? вѣдь ты моего креста не видала.

Сострата. Какъ же тебѣ имя-то перемѣнили?

Пасквинъ. Нравъ перемѣнити у человѣка трудно, а имя легко. Я зналъ людей, которыхъ подъячими называли; послѣ дали имъ имена Регистраторовъ, послѣ Секретарями называти стали, а потомъ Судьями; имена имъ даваны новыя, а нравы у нихъ остался прежнія. А что я и Валеріанъ, и Пасквинъ, такъ это можетъ быть ради того, что я двойнишникъ. Да пускай я отъ отца и не два имѣю имени, и дано мнѣ другое имя послѣ, однако я тотъ же, и нравъ у меня тотъ же—безъ бесѣды и понынѣ быть не могу, по пословицѣ: каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку. Нравъ очень рѣдко перемѣняется: слуги здѣшняго дома воры были, воры нынѣ, воры и впредь будутъ.

Сострата. Слышишь ли, Ниса? Онъ и Валеріанъ, и двойнишникъ.

Пасквинъ. Да у него же и крестъ украли.

Сострата. Я тебѣ уже сказала, что я тебѣ, вмѣсто украденнаго креста, другой дамъ.

Пасквинъ. Отъ того креста зависѣло все мое благополучіе, а отъ этого оно зависѣть не будетъ.

Ниса. Какъ это?

Пасквинъ. Мнѣ сказалъ хиромантикъ то, что я по тому кресту счастливъ быть могу.

Сострата *(Нисѣ)*. Вотъ и это правдою пахнетъ. *(Пасквину)*. Только это не хиромантикъ былъ.

Пасквинъ. Конечно, хиромантикъ; почему это знати другому? А ежели вы этому не вѣрите, такъ я вамъ его укажу и еще засвидѣтельствую имъ самимъ: а я его иногда и во здѣшнемъ видаю домѣ. Онъ у батюшки твоего бываетъ, и онъ-то меня ему во услуженіе и препоручилъ, подговоривъ меня у хозяина, у котораго я въ домѣ выросъ.

Сострата. *(Нисѣ)*. Я думаю, что все это дѣло сегодня же развяжется.

Пасквинъ. Трудно развязаться; воры здѣшняго дому очень хитры, и таковы же въ этомъ хитры, какъ имъ господинъ; у другихъ сыщутъ они и чужое все, а у нихъ ничего не сыщешь и своего собственнаго. Это они у ябедниковъ переняли. А я въ здѣшнемъ домѣ жить больше не хочу.

Сострата. Я прошу тебя, чтобы ты еще здѣсь побылъ.

Ниса. И я тебя прошу.

Пасквинъ. Да ежели бы я вѣдалъ то, что будешь ты за Валеріемъ, а ты за мной, такъ бы я на это согласился.

Сострата. Погоди только.

Ниса. Только погоди.

Пасквинъ. Какъ ни годи, только тебѣ не бывать за мною, а тебѣ за Валеріемъ.

Сострата. Погоди только.

Ниса. Только погоди.

Пасквинъ *(Сострать)*. Дай же мнѣ во увѣреніе поцѣловать ручку. *(Сострата даетъ ему руку)*. *(Нисѣ)*. А ты во увѣреніе поцѣлуй меня.

Ниса. Погоди немного.

Пасквинъ. Что это у тебя за пословица: погоди да погоди, да и госпожу-то этому же научила; конечно, ты подъяческая дочь?

Ниса. Вотъ тебѣ во увѣреніе рука моя: ее поцѣлуй.

Пасквинъ *(цѣлуетъ руку и потомъ)* Ну, я погожу; а что будетъ, увидимъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Сострата и Ниса.

Сострата. Вотъ, Ниса, не выходитъ ли чаяніе мое истиною?

Ниса. Да пожалуй растолкуй мнѣ это все подробно.

Сострата. Выслушай. Этотъ бездѣльникъ, у котораго мы нынѣ имѣемъ несчастіе жити въ домѣ, какъ былъ помоложе, казался добрымъ человѣкомъ и хитростію своею всѣ свои плутни преобращалъ въ добродѣтель, и вкрался въ сердца многихъ. Притворство у несовершенно проникающихъ людей и у тѣхъ, которые о всемъ по своимъ сердцамъ разсуждаютъ, болѣе нагой добродѣтели имѣетъ успѣха; потому что добродѣтель рѣдко хитростію укрѣпляется, хотя нагая добродѣтель отъ того часто и вредна бываетъ, и слѣдственно тогда и она нѣсколько, а иногда и гораздо порочна. Батюшка мой по смерти поручилъ меня этому злодѣю, а я и при всемъ моемъ достаткѣ претерпѣваю нынѣ нужду. Твой батюшка былъ хотя и скудный человѣкъ, однако дворянинъ; а ты поручена по смерти отъ него этому плуту нынѣ служанкою въ домѣ. Такимъ же образомъ, какъ мы, поручены ему Валерій и братъ его. Валерій отданъ былъ по счастью на воспитаніе пріятелю отца своего, человѣку разумному и богатому, послѣ котораго получилъ онъ и наслѣдство, а о Валеріанѣ слухъ носится, что онъ украденъ: намнясь какъ были мы въ день Валеріева рожденія у него, такъ онъ разсказывалъ то, что онъ двойнишникъ, и что вырѣзано на

крестѣ у него, когда онъ родился, въ доказательство, сколько ему лѣтъ, и что такая вѣрная записка старымъ женщинамъ, которыя молодятся и кокетствуютъ, убавляя себѣ безстыднымъ образомъ лѣтъ по десятку, закрывая морщины бѣлилами и румянами, конечно, не была бъ угодна, и что такой же крестъ надѣтъ и на брата его, который съ нимъ родился. А я нынѣ нечаянно увидала у Пасквина этакой крестъ и нарочно отрѣзала его у него ночью, отчасти подумавъ: не братъ ли уже онъ его, потому что отъ Чужехвата всякаго бездѣльства надѣяться можно; а теперь это дѣло уже не на издѣвку походитъ. И хотя я и не посмотрѣла, что на его крестѣ вырѣзано, не важнымъ еще почевъ это дѣло, да только малое сомнѣніе имѣвъ. Однако сказалъ уже Пасквинъ то, что на крестѣ его вырѣзано; и ежели этотъ не ему крестъ надлежитъ, такъ конечно онъ получилъ его отъ того, кому онъ отъ Валеріана достался, будучи маленькой; а отъ этого о смерти Валеріановой великое подается сомнѣніе. Надобно это дѣло поразвѣдать. Я объ этомъ поговорю съ Валеріемъ, а между тѣмъ посмотрю, то ли вырѣзано на крестѣ, что и у Валерія, тотъ ли годъ и число, и не по наслышкѣ ли о Валеріанѣ Пасквинъ это наговорилъ.

Нисa. Что же бы за прибыль была въ этомъ нашему Чужехвату, чтобы брата Валеріева не было?

Состратa. Та прибыль ему, чтобы, потерявъ его, овладѣть его наслѣдствомъ; а въ завѣщаніи написано, что ежели кто изъ братьевъ у нихъ умретъ, такъ наслѣдникъ—онъ по нихъ за воспитаніе и труды.

Нисa. Для чего же къ этому выбралъ онъ одного Валеріана?

Состратa. Валерія видно оставилъ онъ ради того, что очень бы уже подозрительно было обоихъ потерять младенцевъ колыбельныхъ, а изъ двухъ ихъ палъ видно жребій на меньшого.

Нисa. Къ изрядному попалися мы душеприкащику!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Чужехватъ.

Чужехватъ. Мерзкія, негодныя, плюгавыя, скаредныя! долго ли мнѣ васъ учить? Я думаю, что мнѣ отъ васъ до гробовой доски покою не будетъ!

Состpата. Что такое сдѣлалось?

Чужехватъ. У Пасквина крестъ украли, а онъ жалуется да изъ дому вонъ хочетъ.

Состpата. Кража та, сударь, обыкновенное здѣсь ремесло, и, кажется, можно уже вамъ привыкнуть къ этому здѣшнихъ людей бездѣльству и поменьше гнѣваться.

Чужехватъ. Не о томъ дѣло, что они крадутъ; пускай бы крали, не касаяся господскому и не у своихъ, такъ бы въ домѣ по-маленьку прибавлялось; а у своего украсти, такъ это изъ кармана въ карманъ перекладывать, да шумъ дѣлать, а мнѣ безпокойство. Пускай бы крали: кто безъ грѣха и кто бабѣ не внукъ. А хотя бы по слабости что и у своихъ товарищей тихонько взять, да надобно концы хоронити, чтобы не подумали, что свой взялъ. Тому-то я ихъ учу; да дурака хотя вѣкъ учи, такъ не научишь. А объ этомъ говорю ли я, чтобы не крали. Вѣдь они не на каторгѣ; для чего у нихъ волю отнимать? Кража—не великая вина, потому что она страсть, общая слабости человѣческой. Мошна—дѣло первое на свѣтѣ; пуста мошна, пуста и голова. Давать ради Христа спасительнѣе, нежели просить ради Христа. Честь да честь! какая честь, коли нечего ѣсть? До чести ли тогда, когда брюхо пусто? Пуста мошна, пусто и брюхо.

Состpата. Изрядное нравоученіе!

Чужехватъ. Конечно, изрядное. Такъ лучше по твоему поступать нравоученію? Намнясь видѣлъ я, какъ честный-то по-вашему и безчестный, а по-моему разумный и безумный, принималися. Безчестный-атъ по-вашему пріѣхалъ,—такъ ему стулъ, да еще въ хорошенькомъ домѣ: все ли въ добромъ здоровьѣ? Какова твоя хозяюшка? Дѣтки? Что такъ

запалъ? Ни къ намъ не жалуешь, ни къ себѣ не зовешь? А всѣ вѣдаютъ то, что онъ чужимъ и неправеднымъ разжился. А честнаго-то человѣка дѣтки пришли милостыни просить, которыхъ отецъ ѣздилъ до Китайчетава царства и былъ во Камчатномъ государствѣ, и объ этомъ государствѣ написалъ повѣсть; однако сказку-то его читаютъ, а дѣтки-то его ходятъ по міру; а у дочекъ-то его крашенинныя бостроки, да и тѣ въ заплатахъ; даромъ-то, что отецъ ихъ во Камчатномъ былъ государствѣ, и для того-то, что онѣ въ крашенинномъ таскаются платьѣ, называютъ ихъ крашенинкиными[1]).

Сострата. А ежели бы это дошло до двора, такъ, можетъ быть, чтобъ такихъ людей дѣти по міру таскаться и перестали.

Чужехватъ. А когда у кого что свое есть, такъ ему нѣтъ нужды, знаетъ ли о немъ дворъ, или нѣтъ. Щей горшокъ, да самъ большой; а горшокъ-атъ равно варитъ, хотя купленый, хотя краденый. *(Оборотясь къ Нисѣ)* Такъ-то, Нисанька! да что ты задумалась!

Ниса. Я о тебѣ, сударь, думаю.

Чужехватъ. Что такое?

Ниса. Я, сударь, не смѣю этого выговорить.

Чужехватъ. Говори, нѣтъ ничего: брань на вороту не виснетъ.

Ниса. Мнѣ думается, что ты разбойникъ, и что тебѣ быть повѣшену.

Чужехватъ. Туда и дорога; а что пожито сладко, такъ то мое, по присловицѣ: что взято, то свято; а эта присловица

---

[1]) Намекъ на положеніе несчастныхъ дѣтей профессора Крашенинникова, который первый совершилъ ученое путешествіе въ Камчатку и оставилъ ея описаніе, вмѣстѣ съ другими сочиненіями и переводами. Истомивъ въ трудахъ свои силы, онъ умеръ въ лучшую пору жизни, оставивъ дѣтей нищими. Благодаря этому намеку нашего драматурга, графъ А. С. Строгановъ доложилъ государынѣ о положеніи несчастныхъ сиротъ, и участь ихъ была обезпечена.

законная и въ приказахъ наблюдалася ненарушимо, развѣ нынѣ по новому уложенью отставится.

Нисa. А душа та куда? Во адъ?

Чужехватъ. На что заранѣе мучить себя; и тогда спастися можно, когда петлю накидывать станутъ. Да въ томъ я полно и виненъ ли, что плутую? Потому что безъ воли Божіей ничего не дѣлается, и не спадетъ со главы человѣческой волосъ безъ воли Божіей; такъ я плутую по волѣ Божіей, по пословицѣ: что ежели бы не Богъ, такъ бы кто мнѣ помогъ.

Сострата. Богъ плутамъ не помогаетъ и далъ человѣку волю избирати доброе и худое, за одно обѣщая воздаяніе, а за другое грозя наказаніемъ. А кто противу совѣсти своей святой не повинуется истинѣ, такъ тотъ суетно уповаетъ на милость Божескую.

Чужехватъ. Святая истина! что это у тебя за святая? Ее и во святцахъ нѣтъ, такъ мы ей не молимся. А покаяніе всѣ грѣхи очищаетъ; покаюся часа за два до смерти, да въ тѣ же войду въ царство небесное ворота, въ которыя и вы: а что пожито послаще и жито, какъ хотѣлося, такъ то въ барышахъ.

Сострата. Что вамъ это сдѣлалося, что вы такъ безстыдны стали подъ старость? Ужъ и я знаю, что вы не таковы были: а прежде сего всѣ васъ почитали добрымъ человѣкомъ, какъ я слышала. Ради чего вы прежде притворялися и старалися добрымъ казаться человѣкомъ?

Чужехватъ. Слыхала ли ты повѣсть о нѣкоемъ попѣ Римскомъ?

Сострата. Нѣтъ, сударь.

Чужехватъ. Ты, Нисанька, слыхала ли?

Нисa. Я, сударь, эдакихъ повѣстей не слушаю.

Чужехватъ. Будешь же ты въ раю.

Нисa. А для чего же не быть? Развѣ мое спасеніе отъ того зависитъ?

Чужехватъ. Какъ же не отъ того; вѣдь Богъ грѣш-

ника безъ попа простить не можетъ; а вѣдь и ты не безъ грѣха-то таки. Ты же дѣвушка молоденькая, такъ хотя не дѣломъ, инъ мыслію согрѣшишь; единъ Богъ безъ грѣха, а мы всѣ грѣшники.

Ниса. Всѣ грѣшники, сударь, да не всѣ бездѣльники.

Чужехватъ. Всѣ бездѣльники, отъ нихъ же первый есмь азъ.

Ниса. Конечно, ради того, чтобы тебѣ это слово чистосердечнѣе выговаривать.

Чужехватъ. Такъ таки, Нисанька. А повѣсти о попахъ читай; они грѣхи прощаютъ.

Состратa. Они прощаютъ именемъ Божіимъ, а не своимъ; а они только свидѣтели.

Чужехватъ. Такъ вотъ, Нисанька, не всѣ ли мы бездѣльники? И самъ Богъ намъ безъ свидѣтелей не вѣритъ.

Ниса. Я, сударь, богословію не училась.

Чужехватъ. Однако священниковъ-то не презирай.

Ниса. Я и такъ ихъ не презираю.

Состратa. Изъ чего вы это заключаете? Къ духовнымъ добрый человѣкъ долженъ имѣти почтеніе; потому что они научаютъ насъ добродѣтели и собою примѣры показываютъ. А презрѣнны изъ нихъ только тѣ, которые этого недостойны имени.

Чужехватъ. Что ты говоришь? Духовные презрѣнны?

Состратa. Да, сударь, и не только духовные, и государи тѣ презрѣнны, которые этого титла недостойны. Одни заключаютъ намъ пути ко временному благополучію, а другіе—къ вѣчному. Одни за малѣйшія слабости людей казнятъ, а другіе проклинаютъ и, разными образами отъемля свободу, отягощаютъ естество человѣческое. А это мое толкованіе ни правосуднымъ государямъ, ни добронравнымъ духовнымъ не можетъ быть противно.

Чужехватъ. Вотъ, коли бы я тебя не велѣлъ учить, такъ бы ты эдакой наглости не имѣла и эдакого бы вздору не молола. Не о томъ дѣло, слыхала ли ты о попѣ-то Римскомъ?

Сострата. Я вамъ уже сказывала, что не слыхала.

Чужехватъ. Въ Римскомъ царствѣ, у соборной церкви, былъ попъ, здоровый человѣкъ, а ходилъ завсегда скорчася, чтобы смиреннѣе казался, и чтобы за такое смиреніе сдѣлали его поскорѣе ключаремъ, потому что это мѣсто тамъ доходно; а молодыхъ людей туда не избираютъ, не вѣдаю ради чего; а какъ его только выбрали, такъ онъ тотчасъ и разогнулся и сталъ такъ бодръ, какъ ты, говоря причетникамъ церковнымъ, которые его спрашивали, что ему вдругъ за причина дала здоровье: я ради того ходилъ нагнувшися, что искалъ тогда ключа къ церкви, а теперь на что мнѣ корчиться и въ землю смотрѣть: ключъ этотъ я уже сыскалъ.

Сострата. Это разсказываютъ о Сикстѣ пятомъ.

Чужехватъ. Въ томъ нѣтъ нужды—о пятомъ или о десятомъ.

Сострата. Да къ чему вы эту исторію привязываете?

Чужехватъ. Къ тому-то, что я ради того лицемѣрилъ прежде, чтобы мнѣ вѣрили и не мѣшали разживаться. А теперь я уже доволенъ, такъ на что мнѣ честное имя?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Пасквинъ.

Пасквинъ. Валерій пришелъ, сударыня, къ тебѣ.

Чужехватъ. Напрасно онъ суетится; не видать его ей мужемъ, какъ ушей своихъ.

Сострата. Я хотя въ зеркалѣ увижу ихъ. *(Отходитъ).*

Чужехватъ. А ты, Нисанька, куда?

Ниса. Куда люди, туда и я.

Чужехватъ. Нѣтъ, останься; я съ тобой о нѣкоторой поговорю нуждѣ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Чужехватъ и Ниса.

Ниса. Что это, сударь, за нужда?

Чужехватъ. Ты знаешь, Нисанька, съ какимъ я тебя возрастилъ попеченіемъ?

Нисa. Да, сударь, я въ вашемъ выросла домѣ. Да къ чему это предисловіе?

Чужехватъ. А къ тому-то оно, что я хочу жениться, а это счастіе сдѣлаю тебѣ и учиню тебя участницею моего имѣнія и моего сердца.

Нисa. Эдакой женитьбѣ и куры смѣяться станутъ; мнѣ семнадцать лѣтъ, а вамъ семьдесятъ.

Чужехватъ. Да я такъ бодръ, какъ лучше быть нельзя, и молодого дѣтину заткну за поясъ.

Нисa. Ты, сударь, бѣлъ, какъ лунь: изволь посмотрѣться въ зеркало.

Чужехватъ. То-то и хорошо: безъ пудры бѣлоголовъ; а ежели тебѣ надобенъ мужъ черноголовый или русый, такъ можно купить парикъ.

Нисa. А французовъ, которые снаружи убираютъ головы, навезено много.

Чужехватъ. Много за грѣхи наши: а такихъ не вывозятъ, которые бы намъ головы внутри убирали.

Нисa. Нынѣ, сударь, во всемъ только объ одной поверхности стараются, а о важности мало думаютъ,—такъ вотъ отчего у насъ пустоголовыхъ людей много.

Чужехватъ. А у меня не только голова, да и мошна не пуста, даромъ то, что она снаружи не нарядна и только изъ посконной холстины. Снаружи она убрана не по-французски, да въ ней хорошо, по присловицѣ, что не красна изба углами, красна пирогами. А этотъ пирогъ начиненъ не кашею, а золотомъ и серебромъ, а мѣдныя деньги мнѣ не по мысли: пускай ясно видятъ безумцы, что мѣдныя деньги— не то, что золотыя и серебряныя, и, платя при размѣнѣ по три процента, вѣрятъ тому, что и мѣдныя деньги такія жъ, какъ золотыя, серебряныя, и что по положенной цѣнѣ всякія деньги равны, изъ какого бы они металла и какой бы величины ни были.

Нисa. Однако я за тебя, сударь, не пойду, хотя бы ты былъ богатѣе турецкаго султана.

Чужехватъ. Хотя ты ко мнѣ теперь и холодна, однако, когда о моихъ червончикахъ поболѣе подумаешь, конечно, поразгорячишься.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ниса одна.

Достойны тѣ люди почтенія, которыхъ сердца къ любви деньги разгорячаютъ, и благородны тѣ чувствія, которыя на сребролюбіи основаны!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Сострата одна.

Валерій ко мнѣ идетъ; оставь меня, Нисанька. *(Ниса отходитъ).* О любовь, любовь! ничего нѣтъ на свѣтѣ пріятнѣе тебя, когда ты согласна со желаніемъ сердецъ нашихъ, и ничего нѣтъ мучительнѣе, когда ты ихъ желанію сопротивляешься.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Сострата и Валерій.

Сострата. Я тебя, Валерій, цѣлые три дня не видала.

Валерій. Мнѣ тѣ три дня тремя показалися недѣлями.

Сострата. Я увѣрена, что ты меня столько же любишь, какъ и я тебя, и измѣряю твою къ себѣ любовь собственнымъ моимъ сердцемъ.

Валерій. Счастливъ тотъ любовникъ, котораго любовь равномѣрна съ любовью его любовницы.

Сострата. И несчастлива та любовница, къ которой любовь скоро простываетъ и вѣчно угасаетъ; а еще несчастнѣе та, которая, за искреннюю свою любовь, обманута притворною своего любовника любовью, послѣ мнимаго почтенія, въ дѣйствительное своему обманщику ввергается презрѣніе и тщетно жалуется на заслуженное неосторожностію своею несчастіе и праведное наказаніе.

Валерій. Ты истинное мое къ себѣ почтеніе видишь и о вѣрности моей не сомнѣваешься,—такъ на что это эдакія рѣчи?

Сострата. На то онѣ, чтобы я, напоминая такихъ скаредныхъ обманщиковъ, которые пріятнѣйшую и благороднѣйшую страсть портятъ и въ варварскую превращаютъ утѣху, еще больше чувствовала то веселье, которое отъ тебя я имѣю и въ которомъ я на высочайшую степень моего благополучія скоро взойти уповаю, сіи пріятнѣйшія минуты себѣ ежеминутно воображая.

Валерій. О любовныя минуты! дражайшія минуты! вы и отъ самыхъ строгихъ философовъ суетою міра назваться не можете. Я люблю тебя, Сострата; я люблю тебя всѣмъ сердцемъ моимъ, всѣмъ моимъ помышленіемъ, всѣмъ моимъ чувствіемъ: ты очамъ моимъ всего прекраснѣе въ природѣ, ты душѣ моей всего милѣе на свѣтѣ; разумъ мой тобою наполненъ; очи мои привязаны къ очамъ твоимъ, кровь моя тобою распаленна, чувствіе восхищенно, мысли тобою плѣненны; ты—день и ночь въ умѣ моемъ, ты изъ памяти моей не выходишь никогда: засыпаю,—помышляю о тебѣ; пробуждаюся,—ты первая встрѣчаешься мысли моей; ты присутственна во всѣхъ моихъ воображеніяхъ, ты присутственна и въ сонныхъ моихъ мечтаніяхъ. Пріятное и ежеминутное о тебѣ напоминаніе всѣ мѣста тобою наполняетъ и мнѣ и тропки тѣ украшаетъ, по которымъ я ступаю; кажется мнѣ, что онѣ играютъ подъ ногами моими и сочувствуютъ то веселіе, которое мое сердце ощущаетъ. Когда я представлю нетерпѣливо мною ожидаемыя будущія тобою радости, тогда я въ восторгѣ своемъ предчувствую утѣшеніе, кажущееся выше участія человѣческаго.

Сострата. Все это я, Валерій, взаимно ощущаю, и только отъ того иногда трепещетъ духъ во мнѣ, чтобы это мое благоденствіе твердо и неколебимо пребывало, и чтобы скорѣе пришло къ увѣнчанію нашего пламени, а пришедъ бы никогда не измѣнилося.

*

ЯВЛЕНІЕ X.

Чужехватъ, Валерій и Сострата.

Чужехватъ. Съ роду моего я себѣ не представлялъ этого, чтобы женщина могла сопротивляться любви такого человѣка, у котораго много денегъ, и это мнѣ совсѣмъ неестественно кажется; деньги всего преимущественнѣе въ мірѣ, и потому-то, что человѣкъ ихъ имѣть можетъ, и созданъ онъ по образу и по подобію Божію. Естество двѣ имѣетъ души: солнце и деньги; солнце сотворилъ Богъ, а деньги сотворилъ человѣкъ,—и потому-то онъ уподобляется Создателю подсолнечныя, для того, что во всей подсолнечной ничего нѣтъ полезнѣе солнца и денегъ.

Сострата. Что это, сударь, такое?

Чужехватъ. Надобно скорѣе послать за лѣкаремъ: Нисанкѣ надобно кровь пустить.

Сострата. Да она совсѣмъ здорова,—я ее теперь видѣла.

Чужехватъ. Даромъ-то, что ты ее теперь видѣла; однако она въ жестокой горячкѣ—и бредитъ, и въ умѣ совсѣмъ повредилася.

Сострата. Изъ чего вы это заключаете?

Чужехватъ. Изъ того, что я хочу на ней жениться, она за меня нейдетъ.

Валерій *(особливо)*. Кровь-то пустить надобно ему, а не ей.

Сострата. Это, сударь, удивительно, что она за васъ нейдетъ.

Чужехватъ. Чудно и непонятно.

Валерій. Это мнѣ чудно и непонятно, что она за васъ не выходитъ; однако и то мнѣ чудно-жъ и непонятно, ради чего вы за меня Состраты выдать не хотите?

Сострата. И предпочитаете ему многихъ безумцевъ, которыхъ вы мнѣ въ женихи избираете.

Чужехватъ. Коли вы меня это сказать принуждаете, такъ я вамъ это на прямыя выговорю денежки: тѣ, которыхъ я избираю, люди или совершенно староманерные, или

совершенно новоманерные; а ты, другъ мой, ни то ни се, ни мясо ни рыба, и не слѣдуешь никакой модѣ, ни прародительской ни нынѣшней.

Валерій. Я слѣдую, сударь, только чистосердечію, здравому разсудку, простотѣ природы и благопристойности вкуса; а эта мода никогда не перемѣняется, хотя и не всѣми, да только одними тѣми послѣдуема, которые достойны имени человѣческаго.

Чужехватъ. Однако кафтанъ-отъ на тебѣ не по простотѣ природы сдѣланъ; волосы-то у тебя не по простотѣ природы; а о манжетахъ-то природа и не думывала.

Валерій. Я, сударь, и въ этомъ не скоропостиженъ; а въ такихъ мелочахъ на что отъ людей отставать; выдумывать моды—мелочь, отставать отъ моды—такая жъ мелочь. На что платье выдумывать, когда такая выдумка ни малѣйшія славы не приноситъ? а отставать отъ моды развѣ ради того, чтобы дураки имѣли причину пересмѣхать и досаждать.

Состратa. Не моды, сударь, у васъ въ умѣ, да для того вы меня хотите выдать за какого-нибудь дурака, чтобы вамъ можно было моего мужа обмануть и удержати мое имѣніе, мнѣ послѣ моего отца принадлежащее.

Чужехватъ. Да меня и ты, государь мой, не перетягаешь, и не впрямъ-то я такъ старъ, что не могу ни жениться ни кнута вытерпѣть.

Валерій. Пойдемъ, сударыня, во твои комнаты, пускай онъ объ этомъ другому говоритъ, а не мнѣ; а я этого слышать не могу.

Чужехватъ. А, а! эдакой молодецъ! еще не дошло до того, а онъ ужъ испугался; а я хотя и старикъ, однако ударовъ пятьдесятъ еще вытерплю.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Чужехватъ одинъ.

Кнута я не боюсь, да боюсь я вѣчной муки, а мнѣ ея, какъ видно, не миновать. О великій Боже! хорошо бы жить

было на свѣтѣ, ежели бы Тебя въ немъ не было; не давали бы мы ни въ чемъ никому по сокровеннымъ дѣламъ отчета; а нынѣ отъ Тебя никакимъ образомъ не можно укрыться. На что такая въ законѣ строгость: не бери чужого, вѣдь я, и овладѣвъ чужимъ, чужого изъ твоего міра не вынесу; такъ не все ли равно, что оно въ того хозяина или въ другого сундукахъ. Господня земля и все ея исполненіе. *(Становится на колѣни).* Великій Боже! не вниди въ судъ со рабомъ твоимъ! каюся предъ тобою отъ всего моего сердца и отъ искренности души моей. Отпусти мнѣ мое согрѣшеніе, но не взыскивай отъ меня, чтобы я то, что я себѣ присвоилъ беззаконно, отдалъ назадъ; ибо сіе выше человѣчества. Вѣмъ, Господи, яко плутъ и бездушникъ есмь, и не имѣю ни къ Тебѣ ни ко ближнему ни малѣйшія любви; однако, уповая на твое человѣколюбіе, вопію къ Тебѣ: помяни мя, Господи, во царствіи твоемъ. Спасти мя, Боже, аще хощу, или не хощу! Аще бо отъ дѣлъ спасеши, нѣсть се благодать и даръ, но долгъ паче. Аще бо праведники спасеши, ни что же веліе, и аще чистаго помилуеши, ни что же дивно — достойни бо суть милости твоея; на мнѣ, плутѣ, удиви милость Твою!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Чужехватъ и Пасквинъ.

Пасквинъ. Конечно, скоро, сударь, преставленіе свѣта будетъ.

Чужехватъ. Почему?

Пасквинъ. А потому, что вы каятесь.

Чужехватъ. Какъ не каяться, Пасквинушка; вѣдь вѣчная-то мука—не шутка.

Пасквинъ. А когда она—не шутка, такъ и шутить ею не надобно.

Чужехватъ. Когда бы Богъ милосердъ былъ, такъ бы никакой муки не надобно было.

Пасквинъ. Послушай-ка, сударь: ежели бы былъ такой милосердный пастухъ, у котораго бы собаки грызли день

овецъ, и онъ бы своихъ собакъ только гладилъ, такъ овцы его сказали ль бы, что этотъ пастухъ человѣкъ милосердный?

Чужехватъ. Ты всѣ дѣла къ наказанію пригибаешь.

Пасквинъ. Негодныя дѣла сами къ наказанію пригибаются. Что бы ты сдѣлалъ, ежели бы я сто рублевъ укралъ?

Чужехватъ. У кого?

Пасквинъ. У кого ни есть, это все равно.

Чужехватъ. Коли бы ты укралъ у меня, такъ бы я тебя отдалъ на висѣлицу; а ежели бы не у меня, такъ бы я тебѣ и слова не сказалъ: какое мнѣ до другихъ людей дѣло; а я не Бога граблю, такъ на что Ему въ чужія мѣшаться дѣла? Есть ли тутъ хотя малое правосудіе?

Пасквинъ. Видно, сударь, то, что вы изрядно покаялись.

Чужехватъ. И положилъ еще на себя эпитемію.

Пасквинъ. Какую?

Чужехватъ. Чтобы понедѣльничать.

Пасквинъ. Милостивый государь! позвольте мнѣ на эту минуту сдѣлаться риѳмотворцемъ.

Чужехватъ. Да ты этому не учился.

Пасквинъ. На Руси такая мода, что тѣ-то около этой науки и трутся, которые мало грамотѣ знаютъ.

Чужехватъ. Ну, какая у тебя риѳма?

Пасквинъ. Нежели понедѣльничать, лучше не бездѣльничать.

Чужехватъ. Ты меня побраниваешь?

Пасквинъ. Милостивый государь, стихотворцы говорятъ не то, что хотятъ, да то, что имъ велитъ риѳма.

Чужехватъ. Дурацкая это наука, когда она заставляетъ говорити то, что велитъ риѳма, а не то, что должно. А сверхъ этой моей эпитеміи, хочется мнѣ и въ Кіевѣ побывать. О Кіеве, Кіеве, святый граде Кіеве, помилуй мя, недостойнаго раба твоего! Отъ самого Петербурга пойду пѣшкомъ туда, Пасквинъ.

Пасквинъ. Богу все это равно, пришелъ ли кто на молитву, или пріѣхалъ.

Чужехватъ. Однако итти-то потруднѣе.

Пасквинъ. А ежели ты туда поползешь, такъ то еще и того труднѣе.

Чужехватъ. Да отселѣ до Кіева-то не доползешь и въ три года.

Пасквинъ. Да за чѣмъ тебѣ туда?

Чужехватъ. Я—человѣкъ самый грѣшный, и беззаконія превзыдоша главу мою; такъ я, не уповая больше на милосердіе Божіе, хотя и каюся, угодниковъ Божіихъ попрошу, чтобы они за меня слово замолвили.

Пасквинъ. Повѣрь, милостивый государь, тому, что ни одинъ угодникъ Божій за тебя не вступится ради того, что они недобрыхъ людей, слѣдуя примѣру Божіему, не любятъ.

Чужехватъ. Я ихъ умилостивлю: сожгу воску пуда три.

Пасквинъ. Поколь не очистится твое сердце, такъ ты не умилостивишь ничѣмъ Бога, хотя ты сожжешь триста ульевъ воску съ медомъ и со пчелами.

Чужехватъ. Ты это бредишь, какъ басурманъ, а я проповѣдую, какъ сынъ церкви.

Пасквинъ. Зачѣмъ вамъ, сударь, на старости ѣхать въ Кіевъ? Останьтеся здѣсь да молитеся: тотъ же Богъ и здѣсь, который въ Кіевѣ.

Чужехватъ. Тамъ мѣсто освященное, а не такое, какое здѣсь: да здѣшнему же городу еще нѣмецкое имя. Скажи мнѣ, Пасквинъ, ради чего этотъ городъ называется по-нѣмецки?

Пасквинъ. Этого я право не знаю.

Чужехватъ. Такъ-то-ста, Пасквинъ: итти въ Кіевъ хотя и трудновато, жаль ногъ, а души еще больше.

Пасквинъ. Виновата душа, а наказаны будутъ ноги.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Пасквинъ одинъ.

Несчастливы у того человѣка ноги, у котораго душа дурна....

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Пасквинъ и Ниса.

Ниса. Я не знаю, какъ у Валерія съ Чужехватомъ дѣло окончится: теперь они оба у Состраты и выслали меня; хотятъ поговорить наединѣ; однако, какъ видно по началу ихъ рѣчей, такъ они не согласятся ради того, что Чужехвату Состратѣ отдать ея имѣнія и въ мысли не приходитъ, а она своего, ей принадлежащаго, уступить ему не намѣрена.

Пасквинъ. А тебя за меня выдать онъ, и не удеживая твоего имѣнія, не захочетъ, когда влюбился въ тебя онъ самъ. Я доволенъ тѣмъ, Нисанька, что ты презираешь его богатство, да не доволенъ тѣмъ я, что ты меня презираешь.

Ниса. Я—дворянская дочь, такъ выйти мнѣ за тебя нельзя, покамѣстъ ты не будешь дворянинъ.

Пасквинъ. Да я дворяниномъ и въ вѣкъ не буду: дворянство дается за особливыя отечеству услуги.

Ниса. На что отечеству услуги? поди въ подъячіи, да добейся до регистраторскаго чину, такъ и будешь дворянинъ.

Пасквинъ. А они развѣ дворяне?

Ниса. Какъ же не дворяне: имъ даются шпаги, офицерскіе чины.

Пасквинъ. Такъ поэтому и дворянскіе камердинеры имѣютъ чины регистраторскіе,—и они шпаги носятъ?

Ниса. Конечно, а потому, я думаю, что и они имѣютъ офицерское и дворянское достоинство.

Пасквинъ. Да кто ихъ въ офицеры-то и во дворяне жалуетъ?

Ниса. Тѣ, которые жалуютъ имъ шпаги; кто шпагу дать можетъ, тотъ можетъ пожаловать и въ офицеры, и во дворяне.

Пасквинъ. Да есть ли какой на это указъ?

Ниса. Конечно, есть; какъ бы кто смѣлъ безъ указу шпаги давать, или дозволяти ихъ носить?

Пасквинъ. Такъ я лучше пойду въ камердинеры, не-

жели въ подъячіи; лучше вдругъ получити чинъ, нежели еще дослуживаться, а я скорѣе научуся подвивать волосы, нежели писать, потому что волосоподвивательная наука у насъ въ совершенствѣ, и учителей сыскать можно довольно, а хорошо писать научиться трудновато, потому что такіе учители гораздо рѣдки, а я и ни объ одномъ не слыхивалъ; а не научившись хорошо писать, безъ благодѣтелей, регистраторскаго чина не получишь.

Ниса. Ежели бы только такихъ людей въ регистраторы посвящали, которые хорошо писать умѣютъ, такъ бы не было на Руси ни одного регистратора: ни одинъ регистраторъ писать не умѣетъ; я объ этомъ отъ Валерія слышала, а онъ почитается человѣкомъ весьма знающимъ. А въ камердинеры-то тебя хотя и возьмутъ, однако шпаги ты не получишь ради того, что ты—нашего закона, а по нашему закону носить господскому служителю шпагу—грѣхъ тяжкій и смертный; такъ только одни камердинеры—иновѣрцы шпаги въ Россіи носятъ.

Пасквинъ. Такъ видно, что мнѣ шпаги не нашивать, и тебѣ за мною не бывать, когда русскимъ волосоподвивателямъ шпагъ носить не дозволяется, а въ приказные служители я не пойду, хотя бы я и могъ добиться шпаги; лучше имѣть благородное сердце, нежели благородное желѣзо, подобно какъ лучше имѣть превосходительный умъ, нежели превосходительный чинъ, хотя люди и не по умамъ, да по чинамъ почитаются.

Ниса. Я и сама то благородство ненавижу, которое въ одномъ состоитъ имени, да что дѣлать? Выйти дворянской дочери не за дворянина нельзя: будетъ она презираема. Однако, какъ скоро твой сыщется крестъ, такъ ты дворянство получишь, я тебя увѣряю, а это я не безъ причины говорю.

Пасквинъ. Кресту моему не сыскиваться.

Ниса. Да какъ его съ тебя стащили? Развѣ ты пьянъ былъ и такъ заспался?

Пасквинъ. Я никогда не пьянствую, вѣдая то, что пья-

ница—человѣкъ самый негодный и почти въ число добрыхъ людей не полагается.

Нисa. Отчего же на тебя такой крѣпкій нашелъ сонъ?

Пасквинъ. Оттого, что я во всю не спалъ ночь и заснулъ уже почти на свѣту; такъ не спавъ цѣлую ночь, заснувъ, конечно, крѣпко спать будешь.

Нисa. Развѣ ты книгу читалъ?

Пасквинъ. Будто въ здѣшнемъ городѣ книги читать можно!

Нисa. А для чего не можно?

Пасквинъ. Ради того, что здѣсь цѣлой день, отъ утра до ночи, пьяницы дерутъ горло и ревутъ по улицамъ, какъ медвѣди въ лѣсу, несмотря на то, что здѣсь престольный городъ, и что этого, кромѣ Москвы и Петербурга, ни въ одномъ Россійскомъ городѣ не терпятъ, да и здѣсь, и въ Москвѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ, не важывалося; а другая причина, отчего слуху, а слѣдовательно и душѣ, цѣлый день нѣтъ покою, что многіе хозяева въ корабельное ударилися мастерство, и разрубливаютъ мерзлыя барки, хотя ихъ пилить можно, избавляя чувство сосѣдняго слуха отъ незаслуженнаго наказанія [1]).

Нисa. Ну, а ночью-то какое безпокойство,—вѣдь и тѣ школы, въ которыхъ чернь обучается пьянствовать, по ночамъ запираются; а и дровъ также по ночамъ не рубятъ?

Пасквинъ. А по ночамъ во всемъ городѣ, и на улицахъ, и на дворахъ, лаютъ собаки, хотя и этого лѣтъ двадцать тому назадъ не много было. А у нашего сосѣда на дворѣ прикованъ басистъ, который безъ отдыха увеселяетъ нѣжный его слухъ и слухъ его сосѣдей, неохотниковъ до его

---

[1]) На ряду съ серьезными общественными недостатками и пороками, раздраженный поэтъ влагаетъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ жалобы и на различнаго рода случайныя мелочи, безпокоившія его: крики рабочихъ и стукъ топоровъ о мерзлыя барки подъ окнами, пѣсни на улицѣ подгулявшихъ мастеровыхъ, лай собаки на дворѣ у сосѣда и т. п.—все это бѣсило нервнаго человѣка и неумѣстно высказывается въ его комедіи.

музыки, мучитъ. Этотъ-то басистъ въ эту ночь паче всѣхъ ночей меня тревожилъ. А потомъ насталъ колокольный звонъ.

Нисa. Колокольный звонъ Божіей славѣ служитъ.

Пасквинъ. А я думалъ то, что онъ человѣческому служитъ безпокойству и увеселенію звонарей. Этого я истинно не зналъ до этого времени. Вотъ то-то, Нисанька: вѣкъ жить, вѣкъ учиться. Ну а когда это ко славѣ Божіей, такъ можно бы днемъ только звонить, а ночью-то ради чего звонятъ? Ежели для того, чтобы Богъ во всѣ часы прославляемъ былъ, такъ бы во всѣ часы и звонить надлежало? А ночь, я думаю, на то отъ Бога установлена, чтобы человѣку имѣть отдохновеніе; такъ воля Божія опредѣлила къ отдохновенію тишину, а не стукъ.

Нисa. Этого, право, и я не знаю; объ этомъ я спрошу у своего отца духовнаго, а онъ и по-латыни знаетъ.

Пасквинъ. Да развѣ на колокольняхъ-то звонятъ по-латыни?

ЯВЛЕНІЕ XV.

Валерій, Сострата, Нисa и Пасквинъ.

Валерій. Открылося твое участіе: ты братъ Валеріевъ, ты братъ мой. Возвѣщаю тебѣ твою породу, возвѣщаю тебѣ твою радость и сорадуюся съ тобою.

Пасквинъ. Не сонъ ли я вижу! Что это такое? Растолкуй мнѣ.

Сострата. Все это растолкуется тебѣ сегодня, а крестъ твой сняла съ тебя я: у Валерія такой же крестъ—это, что ты двойнишникъ, истина; и не одинъ насъ твой крестъ о томъ увѣряетъ: развязалося все твое дѣло, почему ты Валеріанъ и братъ Валеріевъ, а не Пасквинъ и не холопъ.

Пасквинъ. Да что такое сдѣлалось?

Нисa. Видно, что все то сдѣлалось, чего я съ крайнимъ ожидала желаніемъ, и что все то разрѣшилося, что союзу сердецъ нашихъ препятствовало.

Пасквинъ. Я вижу, что восхожу на самый верхъ моего благополучія; благородство сердца моего со благороднымъ сопрягается именемъ: Валерій, почитаемый мною паче всѣхъ тѣхъ дворянъ, которыхъ я въ жизни моей видѣлъ, и отъ котораго я, никакой не зная науки, ежедневно изощрялъ разумъ мой и очищалъ мое сердце,—братъ мой: прекрасная Сострата будетъ моя невѣстка, а ты, дорогая Ниса, обладай мною вѣчно, ежели я обладанія твоего достоинъ! О Ниса! Ниса! ты мнѣ милѣе свѣта очей моихъ! не промѣняю тебя я на всѣ сокровища земныя и на все счастіе человѣческое.

Ниса. Новое твое состояніе умножаетъ мою надежду, а любви моей къ тебѣ уже ничто умножить не можетъ. Сострата—свидѣтельница тайныхъ моихъ о тебѣ воздыханій, темныя ночи—свидѣтельницы тяжкихъ моихъ о тебѣ стенаній, а постеля моя—свидѣтельница горькихъ о тебѣ слезъ моихъ, неоднократно ими орошаема. Оканчиваются, Сострата, оканчиваются всѣ тѣ препятствія, которыя терзали сердце мое.

Валерій. Я спѣшу теперь, Сострата: ты имъ разскажи, что дѣлается.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Сострата, Ниса и Пасквинъ.

Сострата. Палемонъ, другъ покойнаго отца Валеріева, пишетъ то, что дѣло въ Коллегіи Юстиціи разобрано, по его доношенію, которымъ онъ доказалъ ясно, какъ Чужехватъ, выпавъ изъ колыбели Валеріева двойнишнова брата, отдали чужимъ людямъ нѣкакою старухою, которая такъ же допрашивона, какъ и тѣ, которые младенца приняли, и знали о немъ, чей онъ сынъ, и какъ они, пришедъ въ убожество, пріемыша своего изъ дома маленькаго отдали другимъ, которые его не пріемышемъ, да только изъ одного человѣколюбія возростили, и, возростивъ, отпустили его на его собственное пропитаніе, и которые такъ же допрашиваны, какъ и та кормилица, которая его кормила, и что положено объявить о томъ Валеріану и Чужехвату, для премѣненія ихъ

состоянія — первому для обрѣтенія, а другому для потерянія благороднаго имени.

Пасквинъ. О пріятные часы!

Ниса. О радостныя минуты!

Сострата. О преблаженный день! день общаго нашего благополучія! день возмездія беззаконію и добродѣтели! Оставайтеся одни: я не хочу вамъ мѣшати предощущати будущее ваше веселіе.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Ниса и Пасквинъ.

Ниса. Я тебѣ, Валеріанъ, даю мою руку, а съ сею рукою даю тебѣ и сердце мое. Говорю, что тебѣ до смерти вѣрна буду и не клянуся; бездѣльника и клятва къ добродѣтели не пригвождаетъ, а добраго человѣка къ ней и едино слово пригвождаетъ; этотъ не раздражаетъ и человѣчества, а тотъ и Божество раздражаетъ; этотъ и человѣка ко утвержденію добраго своего намѣренія въ поруки не призываетъ, вѣдая, что ему и безъ порукъ вѣрятъ, а та морская гадина и ко прикрытію своего обмана съ небеси Всемогущаго Бога въ поруки призывати дерзаетъ.

Пасквинъ. И я, слѣдуя примѣру твоему, не клянуся тебѣ, Ниса; однако, и безъ клятвы вѣрность мою къ тебѣ сохраню до гроба. Нѣтъ ничего болѣе Бога на небеси и болѣе правосудія на земли, а злодѣи ничѣмъ не поражаютъ толико добродѣтели, какъ именемъ Божіимъ и видомъ правосудія; хотя всѣ законы, и Божескіе, и человѣческіе, противъ единыхъ бездѣльниковъ уставлены. О человѣки, человѣки! какое вы въ добродѣтели предъ скотами имѣете преимущество? Я лучше буду жити съ лютыми звѣрями въ темныхъ и непроходныхъ лѣсахъ, нежели съ лютыми человѣками въ великолѣпнѣйшихъ чертогахъ. А съ тобою, любезная моя Ниса, готовъ я жить на всякомъ мѣстѣ: вездѣ мнѣ рай, гдѣ ты со мною.

Ниса. Мнѣ и хижина та, гдѣ ты со мною будешь, царскимъ домомъ казаться станетъ.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Чужехватъ, Ниса и Пасквинъ.

Чужехватъ. Что, Нисанька, одумалася ли ты?

Ниса. Въ чемъ, сударь?

Чужехватъ. А въ томъ-то, сударыня, чтобы тебѣ выйти за меня замужъ.

Ниса. Я, сударь, вамъ это уже сказала, что я за васъ нейду.

Чужехватъ. Такъ ты червонцевъ-то себѣ не воображала: какой у нихъ видъ, какое сіяніе и какая въ нихъ притягательная сила?

Ниса. Нѣтъ, сударь.

Чужехватъ. Ни имперіаловъ?

Ниса. Я, сударь, и въ бѣдности моей, этой подлости не имѣю, чтобы мнѣ утѣшаться воображеніемъ денегъ.

Чужехватъ. О Великій и Всемогущій Боже! какъ Ты слышишь такія душепагубныя рѣчи и терпишь такое беззаконіе? удивляюся Твоему долготерпѣнію.

Пасквинъ. И я, сударь, удивляюся, что Богъ ей такое великое терпитъ беззаконіе.

Чужехватъ. Какъ ее громъ не поразитъ, или земля не пожретъ! И иконы святыя, прославленныя многими чудесами, золота и серебра не уничтожаютъ.

Ниса. Я, сударь,—не икона, и чудесами не прославлена, и золота и серебра вашего мнѣ не надобно, а кажется мнѣ, что хотя и хорошо, кто отъ усердія святыя и по справедливости нами почитаемыя иконы золотомъ и серебромъ украшаетъ, а особливо тѣ, которыя показываютъ Божіей премудрости знаменія, сотворшаго премудростію Своею небо и землю, однако еще лучше пригвоздить сердце свое къ Богу, нежели кусокъ золота или серебра къ иконѣ Его.

Чужехватъ. Серебро-то и золото, Нисанька, къ иконѣ приложить можно, хотя и не то на умѣ, а сердце-то къ Богу, когда не то въ мысли, не приложишь; а я, за келью,

между нами молвить, къ Богу-то никакого усердія не имѣю, и въ этомъ вамъ, какъ добрый человѣкъ и православный христіанинъ, чистосердечно признаваюсь. А тебя, рублевичекъ мой, червончикъ мой, имперіальчикъ мой, возьму я за себя и силою: лучше отнять волю у человѣка и спасти его, нежели оставить ему ее на его погибель; а молодымъ людямъ воли давать никогда не надобно, потому что они не знаютъ еще, что имъ полезно, и что вредно.

Ниса. Нѣтъ, сударь, силою вы на мнѣ жениться не можете.

Пасквинъ. Этого, сударь, не водится.

Чужехватъ. А тебѣ, дружокъ, до этого дѣла нѣтъ; я уже давно примѣтилъ то, что ты за нею волочишься,—такъ ступай съ двора долой, ступай, ступай! и чтобы духа твоего здѣсь не было! вонъ, вонъ изъ двора, вонъ, негодной!

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Чужехватъ, Валерій, Палемонъ, Ниса и Пасквинъ.

Пасквинъ. Вотъ, Ниса, это тотъ хиромантикъ, который мнѣ предсказывалъ то, что я по кресту счастливъ буду, и который мнѣ пріятіе службы въ здѣшнемъ домѣ препоручилъ, а меня гонятъ вонъ за то только, что ты старика любить не хочешь. Безъ слугъ бы были старики, ежели бы они людей своихъ изъ домовъ выгоняли за то, что ихъ молодыя не любятъ женщины.

Валерій. Это не хиромантикъ, да другъ нашего съ тобою, Валеріанъ, отца, возвращающій мнѣ моего брата, а тебѣ твою породу.

Чужехватъ. Что ты такое бредишь? еще страшный судъ не пришелъ и воскресенія мертвыхъ нѣтъ; а младенецъ этотъ, о которомъ ты мелешь, тому уже двадцать два года, какъ умеръ. А ежели бы онъ воскресъ, такъ бы онъ воскресъ такъ, какъ онъ умеръ: двухлѣтнимъ младенцемъ, а не эдакимъ пестомъ; вѣдь люди на томъ свѣтѣ не выростаютъ.

Палемонъ. Тебѣ страшный судъ, а ему воскресеніе мертвыхъ уже пришли.

Чужехватъ. Помнишь ли ты, что Христосъ воскресъ въ день недѣльный; такъ и наше изъ мертвыхъ возстаніе въ такой же день будетъ, а сегодня пятница. Конечно, ты нажрался мяса, когда ты позабылъ то, что сегодня пятница.

Палемонъ. Какой сегодня день, въ этомъ нужды нѣтъ.

Чужехватъ. А ежели я сплутовалъ, такъ ты, то вѣдая, для чего такъ долго медлилъ и молчалъ? и коли я плутъ, такъ и ты такой же плутъ.

Палемонъ. Я въ то же время объявлялъ объ этомъ графу Откупщикову; однако ты помнишь это, что ты, свѣдавъ о томъ, отнесъ къ господину графу изъ Валеріановыхъ денегъ десять тысячъ; такъ сказано мнѣ было подъ рукою, что ежели я хотя намекну о томъ когда, такъ мѣста я себѣ и въ Камчаткѣ не сыщу.

Чужехватъ. Такъ бы ты билъ челомъ на него!

Пасквинъ. Великій бы я получилъ успѣхъ, ежели бы я ему же и на него же бить челомъ началъ. Нынѣ его нѣтъ на свѣтѣ, и правосудіе возобновилося, такъ я это дѣло въ дѣйство и произвелъ.

Чужехватъ. Хвали сонъ, когда сбудется.

Палемонъ. Этотъ сонъ уже сбылся.

Чужехватъ. Чѣмъ ты это дѣло доказать можешь?

Палемонъ. Многимъ. А первое доказательство вотъ — войди сюда старушка.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же и старуха.

Палемонъ. Знаешь ли ты этого человѣка?

Старуха. Я худо, родимой, вижу; мнѣ ужъ въ исходѣ осьмой десятокъ. *(Надѣваетъ очки и смотритъ на Чужехвата)* Ахъ, честной господинъ! какъ ты посѣдѣлъ, вѣдь бы я тебя не узнала, хотя бы ты мнѣ въ глаза наплевалъ, когда бы я тебя не въ твоемъ увидѣла домѣ!

Чужехватъ. Я тебя, старуха, отъ роду не видывалъ, и кто ты такова, я не вѣдаю.

Старуха. А помнишь ли ты, господинъ добрый, какъ ты мнѣ дѣтище то отдалъ?

Чужехватъ. Ты выжила изъ ума, старуха; этого никогда не бывало.

Старуха. И, родимый! какъ не бывало! Еще объ этомъ дѣтищѣ послѣ сказывала мнѣ молодка, будто она его грудью кормила, и будто онъ господскій сынъ, и подлинно походилъ онъ на господскаго сына—какъ наливное былъ яблочко. Она объ этомъ и тому, кому я его отдала, сказывала; да полно, откудова взяться господскому сыну? А своего сынка ты бы не отдалъ: и змѣя своихъ черевъ не поѣдаетъ; и чтобы это господскій сынъ былъ, мы этому не повѣрили, хоша она въ томъ домѣ, куда я младенца-то отнесла, и все о немъ подноготно разсказывала.

Чужехватъ. Рехнулась ты, старуха!

Старуха. Я худо слышу, бояринъ.

Чужехватъ *(кричитъ ей)*. Съ ума ты спятила!

Старуха. Отецъ мой! мнѣ вѣдь не два вѣка жить; такъ надо смерть помнить, и говорю я самую сущую, истинную правду; а вѣдь и вы, бояре, такъ же, какъ и мы, умираете, такъ и вамъ надо смерть помнить.

Валерій. Довольно, старушка: поди съ Богомъ.

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣ же, кромѣ старухи.

Чужехватъ. Вы всѣ трое плуты, и всѣхъ васъ должно перевѣшать.

Валерій. Нѣтъ, сударь, плутъ-атъ ты, а не мы, и повѣсить-то должно тебя, а не насъ; добрыхъ людей не вѣшаютъ нигдѣ, а воровъ, разбойниковъ и грабителей, по всѣмъ законамъ, и Божескимъ, и человѣческимъ, во всѣхъ просвѣщенныхъ и человѣколюбивыхъ народахъ вѣшаютъ; ежели бы это инако было, такъ бы не было добрымъ людямъ до-

вольныя безопасности на свѣтѣ: и чѣмъ меньше беззаконники погибаютъ отъ правосудія, тѣмъ больше погибаютъ невинные отъ беззаконниковъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Чужехватъ, Валерій, Валеріанъ, Сострата, Ниса, Палемонъ, секретарь и два солдата.

Секретарь. По рѣшенію Государственной Коллегіи Правосудія, по утвержденію Правительствующаго Сената и по Высочайшему повелѣнію, учреждено ваше имѣніе описать, и то, которое вамъ собственно принадлежитъ, отдать Валеріану, учинивъ расчетъ по опекунству, также и тѣ деньги, которыя вами подарены покойному графу Откупщикову, взыскати съ его наслѣдниковъ, со всѣми по указамъ интересами, а васъ отселѣ взяти подъ караулъ, ради учиненія надлежащія вамъ по законамъ казни, для отмщенія истинѣ и для отвращенія страхомъ отъ нетерпимаго въ честномъ и благоденственномъ обществѣ злодѣянія.

Чужехватъ. Да это дѣло еще не совсѣмъ окончено?

Секретарь. Совсѣмъ окончено.

Чужехватъ. Я ни однажды не пытанъ, а надлежало меня трижды пытать, и ежели бы я трехъ пытокъ не вытерпѣлъ, тогда бы должно было обвинить меня.

Секретарь. Изволь итти.

Чужехватъ. Морозъ меня по кожѣ подираетъ: пришло преставленіе свѣта: гибну! гибну! горю! тону! помогите! умираю! ввергаюся во адъ! мучуся! стражду! стражду!

Секретрарь *(солдатамъ)*. Возьмите его.

Чужехватъ. Будьте вы, злодѣи мои, прокляты и въ семъ вѣкѣ, и въ будущемъ!

(Секретарь отходитъ, и Чужехвата выводятъ).

Валерій. Исчезни беззаконіе и процвѣтай добродѣтель! А ты, любовь, дражайшая утѣха въ жизни человѣческой, вкоренившаяся въ сердца наши и увеселяющая насъ прекрасными своими цвѣтами, дай намъ вкусити сладкіе плоды свои!

Матеріалы для изученія Сумарокова.

I. Разсужденіе о трагедіи.

П. Корнеля [1]).

Трагедія посредствомъ состраданія и страха очищаетъ страсти. Положеніе это принадлежитъ Аристотелю, и мы узнаемъ изъ него, во-первыхъ, что трагедія возбуждаетъ состраданіе и страхъ, и, во-вторыхъ, что посредствомъ состраданія и страха она очищаетъ страсти. Первое онъ объясняетъ довольно подробно, но ни слова не говоритъ о послѣднемъ, такъ что изъ всѣхъ составныхъ частей, которыя онъ употребляетъ въ своемъ опредѣленіи, это единственная, остающаяся безъ разъясненія. Въ послѣдней главѣ „Политики“ онъ высказываетъ намѣреніе говорить о ней въ этомъ трактатѣ очень подробно, и это дало поводъ большинству его толкователей думать, что трактатъ не дошелъ до насъ въ цѣлости, такъ какъ мы не видимъ въ немъ ровно ничего, относящагося къ этому предмету. Какъ бы тамъ ни было, я считаю болѣе умѣстнымъ разбирать то, что онъ сказалъ, чѣмъ усиливаться отгадать то, что онъ хотѣлъ сказать. Правила, которыя онъ установилъ, могутъ повести насъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ относительно тѣхъ, которыя онъ хотѣлъ установить, и на несомнѣнности того, что намъ осталось, мы можемъ основать вѣроятное мнѣніе о томъ, что не дошло до насъ.

„Мы чувствуемъ состраданіе“, говоритъ Аристотель, „къ тѣмъ, которыхъ видимъ подъ бременемъ незаслуженнаго ими несчастья, и страшимся, чтобы насъ не постигло подобное же несчастье, когда видимъ, что его испытываютъ намъ подобные“. Слѣдовательно, состраданіе относится къ лицу, которое мы видимъ въ несчастьи; слѣдующій же за состраданіемъ страхъ относится къ намъ. И вотъ, одно уже это

---

[1]) Въ переводѣ В. Покровскаго (Историч. христом., т. V).

мѣсто даетъ широкое право для заключеній, какимъ способомъ трагедія достигаетъ очищенія страстей. Состраданіе къ несчастью, въ которомъ мы видимъ себѣ подобныхъ, приводитъ насъ къ страху такого же несчастья для насъ самихъ; страхъ—къ желанію избѣжать этого несчастья; желаніе—къ очищенію, обузданію, исправленію и даже искорененію въ насъ страсти, повергающей, въ нашихъ глазахъ, въ это несчастье лицъ, возбуждающихъ наше сожалѣніе, и все это по тому простому, но естественному и несомнѣнному соображенію, что для избѣжанія слѣдствія нужно устранить причину. Такое объясненіе не понравится тѣмъ, которые строго придерживаются комментаторовъ этого философа; но послѣдніе затрудняются этимъ мѣстомъ и такъ мало согласны другъ съ другомъ, что Павелъ Бени приводитъ двѣнадцать или пятнадцать различныхъ мнѣній, которыя и опровергаетъ, выдвигая собственное свое толкованіе. По ходу разсужденія мнѣніе его согласно съ вышеприведеннымъ, но дѣйствіе состраданія и страха онъ распространяетъ лишь на королей и принцевъ, вѣроятно, потому, что трагедія можетъ поселить въ насъ страхъ только къ такому бѣдствію, которое постигаетъ намъ подобныхъ, а такъ какъ она обрушиваетъ его только на королей и принцевъ, то и дѣйствіе страха должно распространяться лишь на лицъ этого званія. Но, безъ сомнѣнія, Бени слишкомъ буквально понялъ выраженіе: „намъ подобныя“ и упустилъ изъ виду, что въ Аѳинахъ, гдѣ представлялись пьесы, изъ которыхъ Аристотель беретъ свои примѣры и по которымъ онъ строитъ свои правила, не было королей. Аристотель никакъ не могъ имѣть приписываемой ему комментаторомъ мысли и не помѣстилъ бы въ опредѣленіи трагедіи обстоятельства, значеніе котораго можетъ быть обнаружено лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, а полезность ограничена слишкомъ тѣснымъ кругомъ людей. Правда, главными дѣйствующими лицами въ трагедіи обыкновенно выводятся короли, а у зрителей нѣтъ скипетровъ, и, повидимому, нѣтъ повода страшиться несчастій, грозящихъ лицамъ, находя-

щимся въ другихъ условіяхъ; но вѣдь эти короли — люди, какъ и зрители, и подвергаются бѣдствіямъ въ порывахъ страстей, отъ которыхъ не свободны и зрители. Они даютъ даже поводъ къ удобному умозаключенію отъ большаго къ меньшему, и зрителю легко сообразить, что если король, предаваясь безъ мѣры честолюбію, любви, ненависти, мщенію, впадаетъ въ такое великое несчастье, что возбуждаетъ въ насъ состраданіе, тѣмъ болѣе самъ онъ, человѣкъ простой, долженъ держать въ уздѣ подобныя страсти, изъ страха, чтобы онѣ не повергли его въ такое же несчастье. Да, сверхъ того, нѣтъ и необходимости выставлять на театрѣ бѣдствія однихъ только королей. Бѣдствія другихъ людей могутъ также найти свое мѣсто на сценѣ, если они довольно для того знамениты и довольно необыкновенны, и если они сохранены и переданы намъ исторіею.

Чтобы облегчить способы къ возбужденію состраданія и страха, Аристотель дѣлаетъ намъ нѣкоторыя указанія на то, какія лица и какія событія попреимуществу способны вызывать и то, и другое. По этому поводу я дѣлаю предположеніе,—на самомъ же дѣлѣ, оно и дѣйствительно такъ — что публика въ театрѣ состоитъ не изъ злыхъ и не изъ святыхъ, а изъ людей обыденной честности, и не въ такой степени стоящихъ подъ защитою строгой добродѣтели, чтобы къ нимъ не было доступа страстямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣдствіямъ, въ которыя увлекаютъ эти страсти людей, слишкомъ имъ поддающихся. Сдѣлавъ такое предположеніе, разсмотримъ, какого рода людей исключаетъ этотъ философъ изъ трагедіи, а потомъ перейдемъ вмѣстѣ съ нимъ къ тѣмъ, которые, по его мнѣнію, обладаютъ всѣми необходимыми для дѣйствія трагедіи условіями.

Во-первыхъ, онъ не хочетъ, „чтобы человѣкъ вполнѣ добродѣтельный изъ благополучія впадалъ въ несчастье“, и утверждаетъ, что „это не вызываетъ ни состраданія, ни страха, потому что такое событіе совершенно несправедливо“. Къ этому я прибавлю, что подобный исходъ вызываетъ ско-

рѣе негодованіе и ненависть къ тому, кто заставляетъ страдать, чѣмъ состраданіе къ несчастному, и что чувство это,— если и свойственное трагедіи, то развѣ въ крайне умѣренной степени,—скорѣе можетъ заглушить то, которое она должна возбуждать.

Онъ не хочетъ также, „чтобы злой человѣкъ отъ несчастья переходилъ къ благополучію, потому что такой исходъ не только не можетъ породить ни состраданія, ни страха, но не можетъ даже тронуть тѣмъ естественнымъ чувствомъ радости, которымъ наполняетъ насъ благополучіе главнаго дѣйствующаго лица, привлекающаго къ себѣ нашу благосклонность". Паденіе злодѣя въ несчастьи удовлетворяетъ насъ вслѣдствіе отвращенія, которое мы къ нему питаемъ; но такъ какъ это только справедливое наказаніе, оно нисколько не возбуждаетъ въ насъ состраданія и не поселяетъ въ насъ никакого страха; тѣмъ болѣе, что мы не такіе злодѣи, какъ онъ, не способны къ подобнымъ преступленіямъ и не можемъ страшиться такого пагубнаго исхода.

Остается, такимъ образомъ, найти средину между этими двумя крайностями, избравъ человѣка, который не былъ бы ни вполнѣ добродѣтеленъ, ни вполнѣ золъ и который, по винѣ своей, или по человѣческой слабости, впадаетъ въ несчастье, котораго не заслуживаетъ. Для примѣра Аристотель указываетъ на Эдипа и Θіеста; но тутъ я рѣшительно не понимаю его мысли. На первомъ, по моему мнѣнію, не лежитъ вины въ отцеубійствѣ, потому что онъ не знаетъ своего отца,—онъ только съ горячностью оспариваетъ путь у незнакомца, готоваго одолѣть его. Но такъ какъ греческое слово ἁμάρτημα можетъ означать простую ошибку, происходящую отъ невѣдѣнія, какова была ошибка Эдипа, то допустимъ, что онъ былъ виновенъ; и всетаки я не вижу, какую страсть даетъ онъ намъ для очищенія, и въ чемъ мы можемъ исправиться по его примѣру. Что же касается Θіеста, то я не могу открыть въ немъ ни обыденной честности, ни той вины безъ преступленья, которая повергаетъ его въ несчастье. Если мы

станемъ разсматривать его до начала трагедіи, носящей его имя,—это злодѣй въ самой трагедіи — это человѣкъ прямодушный, примирившійся съ братомъ и положившійся на его слово. Въ первомъ положеніи онъ очень преступенъ; въ послѣднемъ — очень хорошій человѣкъ. Если мы припишемъ его несчастье совершенному имъ злодѣянію, то послѣднее такъ велико, что зрители къ нему неспособны, и состраданіе не вызоветъ у нихъ очищающаго страха, такъ какъ въ Θіестѣ они не будутъ видѣть себѣ подобнаго. Если же мы отнесемъ причину его бѣдствія къ прямодушію, — извѣстный страхъ можетъ послѣдовать за нашимъ состраданіемъ, но онъ очиститъ развѣ только прямодушную довѣрчивость къ слову примирившагося врага, составляющую скорѣе качество честнаго человѣка, чѣмъ порочную привычку; но такое очищеніе способно изгнать искренность изъ всякаго примиренія. Итакъ, говоря откровенно, я вовсе не понимаю приложимости этого примѣра.

Скажу болѣе. Если трагедія способствуетъ очищенію страстей, то оно должно происходить только тѣмъ путемъ, на который я указываю; но я сомнѣваюсь, чтобы оно совершилось даже при посредствѣ такой трагедіи, которая удовлетворяетъ всѣмъ выставленнымъ Аристотелемъ условіямъ. Послѣднія выполнены въ Сидѣ и были причиною большого успѣха пьесы. Родригъ и Химена обладаютъ требуемой честностью, доступны страстямъ, и именно эти страсти составляютъ причину ихъ несчастій, такъ какъ несчастливы они въ той мѣрѣ, въ какой питаютъ страсть другъ къ другу. Ихъ вовлекаетъ въ бѣдствіе такая человѣческая слабость, которой мы можемъ быть подвержены такъ же, какъ и они. Несчастье ихъ безспорно возбуждаетъ состраданіе; оно вызвало довольно слезъ у зрителей, чтобы не оставить въ томъ никакого сомнѣнія. Это состраданіе должно бы было вызвать въ насъ страхъ возможности подобнаго же бѣдствія и очистить въ насъ тотъ избытокъ любви, который причиняетъ имъ несчастье и заставляетъ насъ сожалѣть ихъ; но я не

знаю, вызываетъ ли оно этотъ страхъ и очищаетъ ли оно нашу страсть; боюсь даже, не представляетъ ли разсужденіе Аристотеля по этому предмету лишь прекрасную идею, которая на самомъ дѣлѣ никогда не осуществляется. Ссылаюсь на тѣхъ, которые видѣли представленія Сида; пусть они заглянутъ въ тайники сердца, провѣрятъ, что ихъ растрогало въ театрѣ, и скажутъ, ощутили ли они этотъ сознательный страхъ, и исправилъ ли онъ въ нихъ страсть, причинившую бѣдствіе, которому они сострадали.

Впрочемъ, какъ ни трудно признать дѣйствительность и значеніе этого очищенія страстей при посредствѣ состраданія и страха, намъ всетаки можно помириться съ Аристотелемъ. Есть поводъ думать, что, говоря о состраданіи и страхѣ, онъ не имѣлъ въ виду требовать отъ трагедіи этихъ двухъ средствъ всегда въ совокупности, и что, по его мнѣнію, довольно одного изъ нихъ для желаемаго очищенія, съ тою разницею однакоже, что состраданіе не можетъ его произвести безъ страха, страхъ не можетъ этого достигнуть безъ состраданія. Смерть графа въ Сидѣ не вызываетъ никакого состраданія, но во всякомъ случаѣ можетъ очистить въ насъ того рода горделивую зависть къ славѣ ближняго, которую мы видимъ въ графѣ; тогда какъ все состраданіе наше къ Родригу и Хименѣ не предохранитъ насъ отъ порывовъ пылкой любви, дѣлающей ихъ предметомъ нашей жалости. Зритель можетъ имѣть состраданіе къ Антіоху, къ Никомеду, къ Гераклію, но пока онъ остается при одномъ состраданіи и не можетъ бояться впасть въ подобное же несчастье, онъ не излѣчится ни отъ какой страсти. Напротивъ, Клеопатра, Пруссій, Θока не вызываютъ состраданія; но страхъ несчастія, подобнаго или близкаго тому, какое ихъ постигло, можетъ очистить въ матери упорное желаніе владѣть тѣмъ, что принадлежитъ ея дѣтямъ, въ мужѣ—слишкомъ большую уступчивость второй женѣ, въ ущербъ дѣтямъ отъ перваго брака, во всѣхъ—жадное стремленіе насильно завладѣть достояніемъ или самомъ другого; и все это—въ соотвѣтствіи съ

положеніемъ каждаго и съ тѣмъ, что онъ въ состояніи предпринять. Огорченіе, испытываемое Августомъ въ Циннѣ, и его нерѣшительность могутъ произвести то же дѣйствіе при посредствѣ состраданія и страха, взятыхъ вмѣстѣ; но, какъ я уже сказалъ, не всегда бываетъ, что тѣ, которымъ мы сострадаемъ, несчастны по своей винѣ. Когда они невинны, наше состраданіе не вызываетъ никакого страха; и если мы иногда чувствуемъ въ такомъ случаѣ страхъ, очищающій наши страсти, то онъ обыкновенно является при посредствѣ другого дѣйствующаго лица, а не того, которому мы сострадаемъ.

Такое объясненіе можетъ быть подтверждено самимъ Аристотелемъ, если мы хорошенько взвѣсимъ причины, по которымъ онъ исключаетъ событія, не допускаемыя въ трагедіи. Онъ не говоритъ: „такое-то событіе не свойственно трагедіи, потому что возбуждаетъ только состраданіе и вовсе не порождаетъ страха; другое-потому, что вызываетъ только страхъ и не возбуждаетъ никакого состраданія“; но онъ отвергаетъ ихъ потому, какъ онъ выражается, „что они не возбуждаютъ ни состраданія, ни страха“, чѣмъ даетъ намъ понять, что они не нравятся ему вслѣдствіе отсутствія и того, и другого, и что если бы они порождали одно изъ этихъ чувствъ, онъ не отказалъ бы имъ въ своемъ одобреніи. Ссылки его на Эдипа утверждаютъ меня въ этой мысли. Онъ говоритъ, что въ этой трагедіи соединены всѣ необходимыя условія; однако же бѣдствіе Эдипа возбуждаетъ только состраданіе; такъ какъ я не думаю, чтобы у кого-нибудь изъ зрителей вмѣстѣ съ сожалѣніемъ могъ зародиться страхъ убить своего отца и жениться на матери. Если представленіе этой трагедіи можетъ поселить въ насъ нѣкоторый страхъ, и если этотъ страхъ способенъ очистить въ насъ какую-нибудь порочную или достойную порицанія наклонность, то онъ очиститъ стремленіе предугадывать будущее, воспрепятствуетъ прибѣгать къ предсказаніямъ, которыя обыкновенно повергаютъ только насъ въ предсказанное несчастье, благодаря тѣмъ

стараніямъ, которыя мы прилагаемъ, чтобы избѣжать его. Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, что Эдипъ никогда не убилъ бы отца своего и не женился бы на матери, если бы его отецъ и мать, которымъ оракулъ предсказалъ, что это случится, не навлекли на него этого несчастья изъ опасенія, чтобы оно не совершилось. Такимъ образомъ, не только Лаій и Іокаста будутъ виновниками ощущаемаго зрителемъ страха, но страхъ этотъ можетъ родиться лишь отъ мысли о преступленіи, совершенномъ ими за сорокъ лѣтъ до начала представляемаго дѣйствія, и запечатлѣвается въ насъ не главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а другими и дѣйствіемъ, стоящимъ внѣ трагедіи.

Въ заключеніе, установимъ правиломъ, что совершенство трагедіи состоитъ въ возбужденіи состраданія и страха припосредствѣ одного главнаго дѣйствующаго лица, какимъ является Родрикъ въ Сидѣ и Плацитъ въ Теодорѣ, но что это не представляетъ такой безусловной необходимости, чтобы нельзя было пользоваться различными личностями для возбужденія этихъ двухъ чувствъ, какъ это мы видимъ въ Родогюнѣ, или дѣйствовать на зрителя только однимъ изъ этихъ чувствъ, какъ въ Поліевктѣ, представленіе котораго возбуждаетъ только состраданіе безъ всякой примѣси страха.

II.

Я держусь того мнѣнія, что единство дѣйствія состоитъ—въ комедіи—въ единствѣ интриги или препятствіи намѣреніямъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, а въ трагедіи — въ единствѣ бѣдствія, падаетъ ли подъ нимъ герой ея, или выходитъ изъ него невредимымъ. Я не отрицаю этимъ возможности вводить нѣсколько бѣдствій въ трагедію и нѣсколько интригъ или препятствій въ комедію, лишь бы только одно изъ нихъ необходимо влекло за собой другое. Тогда освобожденіе отъ перваго бѣдствія не завершитъ собою дѣйствія, потому что самое это освобожденіе повергаетъ героя въ новое бѣдствіе;

такъ же точно развязка первой интриги не успокоитъ дѣйствующихъ лицъ, потому что самая эта развязка запутываетъ ихъ въ новую интригу. У древнихъ я не припоминаю такого примѣра множественности связанныхъ одно съ другимъ бѣдствій, гдѣ бы не было нарушено единство дѣйствія; изъ моихъ же пьесъ укажу на Горація и на Теодору, въ которыхъ двойственность бѣдствія является также недостаткомъ, такъ какъ вовсе не было надобности, чтобы Горацій, выйдя побѣдителемъ, убилъ свою сестру, ни чтобы Теодора, избѣжавъ насилія, предала себя мученической смерти; я думаю, что не сдѣлаю крупной ошибки, если скажу, что смерть Поликсены и смерть Астинакса въ Троадѣ Сенеки представляютъ такого же рода неправильность.

Съ другой стороны, выраженіе: „единство дѣйствія“ не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что трагедія должна дать зрителямъ одно обособленное дѣйствіе. Избранное поэтомъ дѣйствіе должно имѣть начало, средину и конецъ; и эти три части не только представляютъ собою каждая отдѣльное дѣйствіе, входящее въ составъ главнаго, но, кромѣ того, каждая изъ нихъ можетъ заключать въ себѣ новыя дѣйствія съ такою же степенью подчиненія. Такимъ образомъ, дѣйствіе полное, завершонное, удовлетворяющее уму зрителя, должно быть одно; но полнымъ оно можетъ сдѣлаться не иначе, какъ при посредствѣ нѣсколькихъ другихъ, его слагающихъ и возбуждающихъ въ зрителѣ пріятное ожиданіе дальнѣйшаго хода пьесы. Это послѣднее особенно необходимо въ концѣ каждаго акта для непрерывности дѣйствія. Нѣтъ надобности, чтобъ зритель въ точности зналъ все, что дѣлаютъ лица пьесы въ промежутокъ между актами, ни даже о томъ, дѣйствуютъ ли они, когда отсутствуютъ на сценѣ; но необходимо, чтобы каждый актъ оставлялъ ожиданіе чего-то, что должно произойти въ слѣдующемъ за нимъ актѣ.

Если бы вы спросили меня, что дѣлаетъ Клеопатра въ Родогюнѣ послѣ сцены съ сыновьями во второмъ актѣ, до свиданія съ Антіокомъ въ четвертомъ, я очень затруднился

бы отвѣтомъ, да и не считаю себя обязаннымъ отдавать въ томъ отчетъ; но конецъ второго акта этой трагедіи подготовляетъ зрителя къ дружнымъ усиліямъ двухъ братьевъ достигнуть власти и укрыть Родогюну отъ ядовитой ненависти своей матери; все это дѣйствительно и развивается въ третьемъ актѣ, конецъ котораго вновь подготовляетъ къ попыткѣ Антіоха повліять сначала на одну, потомъ на другую изъ враждующихъ женщинъ, и къ поступкамъ Селевка, вызывающимъ послѣднюю рѣшимость жестокой матери, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ожиданіе того, что предприметъ она въ пятомъ актѣ.

Говоря, что нѣтъ надобности отдавать отчетъ въ томъ, что дѣлаютъ дѣйствующія лица въ то время, когда они не находятся на сценѣ, я нисколько не отрицаю, что это можетъ быть иногда вполнѣ умѣстнымъ; полагаю только, что этого нельзя поставить автору въ обязанность; онъ долженъ прибѣгать къ разъясненію въ такомъ только случаѣ, когда происшедшее за сценой можетъ способствовать пониманію того, что происходитъ передъ зрителемъ. Такъ, я ничего не говорю о томъ, что дѣлаетъ Клеопатра со второго до четвертаго акта, потому что во все это время она могла не дѣлать ничего такого, что имѣло бы значеніе для подготовляемаго мною главнаго дѣйствія; но съ первыхъ же стиховъ пятаго акта я разъясняю, что въ промежутокъ между двумя послѣдними актами она совершила убійство Селевка, и разъясняю потому, что дѣяніе это составляетъ часть дѣйствія. Послѣднее обстоятельство даетъ мнѣ поводъ замѣтить, что нѣтъ никакой надобности, чтобы всѣ частныя дѣйствія, приводящія къ дѣйствію главному, происходили на глазахъ у зрителя: поэтъ долженъ избирать изъ нихъ только такія, которыя ему особенно выгодно развернуть на сценѣ, по красотѣ представляемаго имъ зрѣлища, по силѣ и движенію страстей, по какимъ-либо другимъ, свойственнымъ имъ, красивымъ особенностямъ, и скрывать другія за сценой, излагая ихъ для зрителя въ разсказѣ, или давая ему знать о проис-

шедшемъ какимъ-нибудь другимъ, искуснымъ способомъ; въ особенности же обязанъ онъ всегда помнить, что тѣ и другія должны имѣть между собою такую связь, чтобы послѣднія вытекали изъ предшествовавшихъ имъ, и чтобы всѣ они имѣли своимъ источникомъ протазисъ[1]), заканчивающійся первымъ актомъ. Правило это хотя и ново и несогласно съ обычаемъ древнихъ, можетъ быть однакожъ подтверждено двумя ссылками на Аристотеля. Вотъ первая: „большая разница," говоритъ онъ, „между событіями, которыя совершаются одни послѣ другихъ, и такими, изъ которыхъ одни совершаются по причинѣ другихъ". Въ Сидѣ лавры приходятъ послѣ смерти графа, а не по причинѣ его смерти; это — недостатокъ трагедіи. Второе мѣсто еще рѣшительнѣе,—въ немъ прямо говорится, что „все, происходящее въ трагедіи, должно вытекать по необходимости или по вѣроятію изъ того, что ему предшествовало".

Связь между сценами, соединяющая одно съ другимъ всѣ частныя дѣйствія каждаго акта, составляетъ большое украшеніе поэмы и много способствуетъ образованію непрерывности дѣйствія вслѣдствіе непрерывности представленія; но во всякомъ случаѣ это только украшеніе и не можетъ быть возведено въ правило. Древніе не всегда употребляли этотъ пріемъ, хотя у нихъ акты состоятъ большею частью только изъ двухъ или трехъ сценъ, и имъ гораздо легче было наблюсти связь между сценами, чѣмъ намъ, помѣщающимъ въ одномъ актѣ отъ девяти до десяти сценъ. У Софокла, напримѣръ, предсмертный монологъ Аякса не имѣетъ никакой связи ни съ предшествующей, ни съ послѣдующей сценой. Ученые нашего вѣка, взявшіе себѣ за образецъ трагедіи древнихъ, еще болѣе пренебрегали этой связью; довольно бросить взглядъ на трагедію Буханана, Гроціуса и Гейнзіуса,

---

[1]) На основаніи древне-классической теоріи въ драматическихъ произведеніяхъ должны быть три части: *протазисъ* — изложеніе, вступленіе, *эпитазисъ*—завязка и *катастазисъ*—развязка. *Ред.*

чтобъ убѣдиться въ этомъ. Мы же въ такой степени пріучили къ ней нашихъ зрителей, что они не пропустятъ ни одной отрывочной сцены, не отмѣтивъ ее въ числѣ недостатковъ; глазъ и ухо непріятно поражаются такой отрывочностью даже раньше, чѣмъ разумъ успѣетъ сдѣлать заключеніе. Четвертый актъ Цинны стоитъ ниже другихъ именно потому, что не удовлетворяетъ этому требованію; и вотъ—то, что прежде никогда не составляло непремѣннаго требованія, возводится теперь въ правило, вслѣдствіе постояннаго и настойчиваго примѣненія на практикѣ.

Хотя дѣйствіе драматической поэмы и должно быть едино, но въ немъ слѣдуетъ различать двѣ части: завязку и развязку. „Завязка составляется“, говоритъ Аристотель, „частью изъ того, что произошло не на театрѣ, до начала изображаемаго дѣйствія, частью же изъ того, что на немъ происходитъ; остальное принадлежитъ развязкѣ. Перемѣна счастья дѣйствующихъ лицъ составляетъ переломъ между этими двумя частями. Все, что ему предшествуетъ, относится къ первой, самый же переломъ съ тѣмъ, что за нимъ слѣдуетъ,—ко второй“. Завязка зависитъ вполнѣ отъ выбора и богатства воображенія поэта, а потому для нея нельзя дать правилъ, кромѣ развѣ того, что все въ ней должно быть соображено на основаніи вѣроятности или необходимости. Прибавлю къ этому совѣтъ — какъ можно менѣе впутываться въ событія, случившіяся до представляемаго дѣйствія. Подобные разсказы вызываютъ обыкновенно нетерпѣніе, такъ какъ ихъ не ожидаютъ; кромѣ того, они обременяютъ умъ слушателя, принуждая его нагружать свою память тѣмъ, что происходило за десять или за двѣнадцать лѣтъ, чтобы понять представленіе; но разсказы о событіяхъ, наступающихъ и происходящихъ за сценой со времени начала дѣйствія, всегда производятъ лучшее впечатлѣніе, потому что ожидаются съ нѣкоторымъ любопытствомъ и составляютъ часть представляемаго дѣйствія. Одна изъ причинъ, доставившихъ Циннѣ такъ много почетныхъ отзывовъ, ставящихъ эту трагедію выше всѣхъ

другихъ моихъ произведеній, заключается въ томъ, что въ ней нѣтъ разсказовъ о прошедшемъ, такъ какъ разсказъ, который Цинна дѣлаетъ Эмиліи о своемъ заговорѣ, представляетъ скорѣе украшеніе, ласкающее зрителей, чѣмъ необходимый перечень подробностей, который они обязаны знать и запечатлѣть въ памяти для пониманія того, что будетъ слѣдовать: Эмилія достаточно выясняетъ имъ въ двухъ первыхъ сценахъ, что Цинна составляетъ заговоръ противъ Августа съ цѣлью отомстить за смерть ея отца; если бы Цинна сказала ей просто, что заговорщики готовы къ завтрашнему дню, онъ совершенно на столько же подвинулъ бы дѣйствіе, какъ и тою сотнею стиховъ, въ которыхъ передаетъ и свою рѣчь къ нимъ, и общее ихъ рѣшеніе. Бываютъ интриги, ведущія свое начало отъ самаго рожденія героя, какъ это мы видимъ въ Геракліи; но такія сильныя напряженія поэтическаго ума требуютъ также необыкновеннаго напряженія вниманія у зрителя и часто мѣшаютъ полному его наслажденію на первыхъ представленіяхъ,—до того они утомляютъ его!

Въ развязкѣ слѣдуетъ избѣгать двухъ вещей: простой перемѣны намѣреній и машины (deus ex machina [1]). Немного нужно искусства, чтобы кончить поэму, когда лицо, создавшее препятствія намѣреніямъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, отступаетъ въ пятомъ актѣ, не будучи къ тому вынуждено никакимъ выдающимся событіемъ. Не болѣе того требуетъ отъ искусства и машина, когда она является для того только, чтобъ спустить бога, улаживающаго всѣ дѣла какъ разъ въ то время, когда дѣйствующія лица не знаютъ, какъ въ нихъ разобраться. Таково появленіе Аполлона въ Орестѣ Эврипида. Оно не имѣетъ никакого основанія въ ходѣ вещей, и потому портитъ развязку.

---

[1]) Такъ называется неожиданно благопріятная развязка въ древнеклассическихъ трагедіяхъ, состоящая въ томъ, что неизбѣжная, казалось, катастрофа неожиданно разрѣшается появленіемъ бога, опущеннаго на сцену посредствомъ машинъ. *Ред.*

Правило единства времени основано на словахъ Аристотеля, что „трагедія должна заключать продолжительность своего дѣйствія въ одномъ оборотѣ солнца или стараться лишь немного выходить изъ него“. Эти слова даютъ поводъ къ знаменитому спору, слѣдуетъ ли въ нихъ понимать естественный день въ двадцать четыре часа, или искусственный—въ двѣнадцать; каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ значительное число сторонниковъ; я же нахожу, что есть сюжеты, такъ трудно укладывающіеся въ столь короткое время, что для нихъ не только можно уступить полные двадцать четыре часа, но даже, воспользовавшись позволеніемъ Аристотеля, выйти изъ этого предѣла и смѣло продлить его до тридцати часовъ. Авторы бываютъ иногда очень стѣснены этимъ принудительнымъ правиломъ; оно заставило нѣкоторыхъ изъ древнихъ дойти до невозможнаго! Такъ, у Эврипида, въ Просительницахъ, Тезей отправляется съ арміею изъ Аѳинъ, даетъ сраженіе передъ стѣнами Ѳивъ, то-есть въ разстояніи двѣнадцати или пятнадцати миль, и возвращается побѣдителемъ въ слѣдующемъ актѣ; со времени же его отбытія до появленія вѣстника, приносящаго извѣстіе о его побѣдѣ, Этра и хоръ успѣваютъ произнести всего лишь тридцать шесть стиховъ. Очевидно, не мало работы для такого короткаго промежутка времени. Сидъ и Помпей, въ которыхъ дѣйствіе идетъ довольно поспѣшно, слишкомъ далеки отъ такой вольности; если они нѣсколько и насилуютъ общепринятую вѣроятность, то во всякомъ случаѣ не доходятъ до подобныхъ невозможностей.

Многіе называютъ это правило тираническимъ, и съ ними слѣдовало бы согласиться, если бы оно было основано только на авторитетѣ Аристотеля. Но оно имѣетъ за себя естественную необходимость, которая и заставляетъ принять его. Драматическая поэма есть подражаніе человѣческимъ дѣйствіямъ, или, лучше сказать, ихъ изображеніе, портретъ. Портреты же, безъ сомнѣнія, тѣмъ превосходнѣе, чѣмъ болѣе они похожи на оригиналъ. Представленіе продолжается два

часа и можетъ имѣть совершенное сходство въ томъ лишь случаѣ, когда представляемое имъ дѣйствіе не требуетъ большаго времени въ дѣйствительности. Итакъ не будемъ останавливаться ни на двѣнадцати, ни на двадцати четырехъ часахъ, но постараемся ограничить дѣйствіе поэмы наименьшею продолжительностію времени, какая только намъ будетъ возможна, для того, чтобы представленіе его имѣло болѣе сходства и было болѣе совершенно. Дадимъ первому, если можно, только тѣ два часа, которые длится второе; я не думаю, чтобы дѣйствіе Родогюны требовало болѣе времени, и, вѣроятно, въ два часа могло бы совершиться дѣйствіе Цинны. Если же мы не можемъ заключить его въ эти два часа, возьмемъ четыре, шесть, девять, но постараемся не слишкомъ переходить за двадцать четыре часа, чтобы не впасть въ безпорядочность и не обезобразить портрета, лишивъ его соотвѣтственныхъ дѣйствительности размѣровъ.

Въ особенности хотѣлъ бы я, чтобы продолжительность дѣйствія была предоставлена воображенію зрителей, и чтобы занимаемое дѣйствіемъ время никогда не указывалось, если того не требуютъ сюжеты, особенно же тогда, когда вѣроятность этого дѣйствія нѣсколько натянута, какъ въ Сидѣ; иначе — это только обнаружитъ, что оно ведется слишкомъ поспѣшно. Даже если необходимость соблюдать единство времени и не отразилась вредно на поэмѣ, — какая надобность отмѣчать при открытіи занавѣса, что солнце восходитъ, что въ третьемъ актѣ наступаетъ полдень, а въ концѣ послѣдняго закатъ? Это будетъ натянутость, которая можетъ только надоѣсть; достаточно, чтобы была установлена возможность дѣйствія въ теченіе того времени, въ которое его заключаютъ, и чтобы зрителю не трудно было сообразить продолжительность этого времени безъ всякаго умственнаго напряженія. Даже въ дѣйствіяхъ, которыя имѣютъ такую же продолжительность, какъ и представленіе, было бы весьма не красиво, если бы изъ акта въ актъ стали отмѣчать, что отъ одного изъ нихъ до другого прошло уже полчаса времени.

Когда избранное нами дѣйствіе требуетъ болѣе продолжительнаго времени, напримѣръ, десяти часовъ, я хотѣлъ бы, чтобы восемь изъ нихъ, которыхъ у насъ недостаетъ, протекали въ промежуткахъ между актами, и чтобы каждый актъ имѣлъ собственно для себя только такую продолжительность дѣйствія, которая равна продолжительности его представленія; это особенно важно, когда между сценами существуетъ непрерывная связь, потому что эта связь не можетъ допустить пустого промежутка между двумя сценами. Думаю, однакоже, что пятый актъ, по особенному преимуществу, имѣетъ нѣкоторое право на ускореніе хода событій, такъ что та часть дѣйствія, которую онъ представляетъ, можетъ занимать въ дѣйствительности болѣе времени, чѣмъ сколько будетъ употреблено на ея представленіе. Причина здѣсь та, что въ зрителѣ возбуждается нетерпѣніе поскорѣе увидѣть конецъ, и если этотъ конецъ зависитъ отъ дѣйствующихъ лицъ, ушедшихъ съ подмостковъ, то всякій разговоръ, какой вы вложите въ уста остающихся на подмосткахъ и ожидающихъ извѣстій объ отсутствующихъ, будетъ только томить и казаться вялымъ. Такъ Сидъ не умѣлъ бы въ дѣйствительности сразиться съ Донъ-Санхо за то время, пока инфанта ведетъ разговоръ съ Леонорой и Химена съ Эльвирой. Я это видѣлъ, но не остановился передъ необходимой поспѣшностью, примѣры которой, можетъ быть даже въ значительномъ числѣ, мы можемъ найти и у древнихъ.

Когда конецъ дѣйствія зависитъ отъ лицъ, не покидающихъ подмостковъ и не заставляющихъ ожидать о себѣ извѣстій, какъ въ Циннѣ и въ Родогюнѣ, то пятый актъ не имѣетъ надобности въ этомъ преимуществѣ, потому что тогда все дѣйствіе происходитъ на глазахъ у зрителей. Другіе акты не допускаютъ подобныхъ смягченій. Если продолжительность событія не позволяетъ вновь ввести дѣйствующее лицо, вышедшее въ томъ же актѣ, или дать знать, что оно дѣлало со времени выхода, можно это отложить до слѣдующаго акта; оркестръ, раздѣляющій акты, можетъ поглотить

*

какъ разъ все необходимое для совершенія дѣйствія время; но для пятаго акта нѣтъ такого исхода; вниманіе истощено и—конецъ неизбѣженъ.

Не могу пройти молчаніемъ, что, хотя мы и обязаны сводить всякое трагическое дѣйствіе къ одному дню, это не мѣшаетъ сообщить въ трагедіи разсказомъ, или какимъ-нибудь другимъ, болѣе искуснымъ способомъ то, что дѣлалъ герой ея въ теченіе многихъ лѣтъ. Не стану повторять здѣсь, что чѣмъ менѣе авторъ углубляется въ прошедшія дѣйствія, тѣмъ благосклоннѣе будетъ къ нему зритель, не стѣсненный необходимостью обременять свою память разсказами и наблюдающій только происходящія передъ нимъ дѣйствія; но долженъ сказать, что выборъ знаменитаго и ожидаемаго съ нѣкотораго времени дня составляетъ большое украшеніе поэмы. Не всегда можно найти къ тому случай; изъ всего, что я написалъ, вы найдете только четыре пьесы, удовлетворяющія этому условію: Горацій, въ которой споръ двухъ народовъ о первенствѣ рѣшается битвою, Родогюна, Андромеда и Донъ-Санхо. Въ Родогюнѣ избранъ день, назначенный двумя враждебными повелителями для выполненія условія заключеннаго ими мира, день, въ который должно послѣдовать полное умиротвореніе двухъ соперницъ бракомъ одной изъ нихъ съ сыномъ другой, и должна быть разъяснена болѣе чѣмъ двадцатилѣтняя тайна о правѣ первородства между двумя принцами-близнецами, тайна, отъ которой зависитъ ихъ право на престолъ и успѣхъ ихъ въ любви. Въ Андромедѣ и въ Донъ-Санхо дни не менѣе значительны; но, какъ я уже сказалъ, случаи къ такому выбору представляются не часто; въ другихъ моихъ произведеніяхъ я могъ избрать дни, замѣчательные только по случайному наплыву событій, а не по предназначенію.

Относительно единства мѣста я не нахожу никакого указанія ни у Аристотеля, ни у Горація; на этомъ основаніи нѣкоторые полагаютъ, что такое правило установилось только, какъ слѣдствіе единства времени, и что мѣсто можно

распространять на такое разстояніе, какое человѣкъ можетъ пройти туда и обратно въ двадцать четыре часа. Мнѣніе это нѣсколько своевольно, такъ какъ предположивъ, что дѣйствующія лица ѣздятъ на почтовыхъ, пришлось бы на двухъ сторонахъ театра изобразить Парижъ и Руанъ. Я желалъ бы для полнаго удовлетворенія зрителя, чтобы представляемое передъ нимъ въ продолженіе двухъ часовъ могло дѣйствительно произойти въ два часа, и чтобы то, что онъ видитъ на театрѣ, который во время представленія не измѣняется, могло быть сосредоточено въ одной комнатѣ или въ одной залѣ, смотря по выбору; но часто это такъ неудобно, чтобы не сказать невозможно, что сама необходимость заставляетъ взыскивать нѣкоторое расширеніе для мѣста, какъ и для времени. Я въ точности выполнилъ правило единства мѣста въ Горація, въ Поліэвктѣ и въ Помпеѣ, но для этого нужно либо вводить одно только женское лицо, какъ въ Поліэвктѣ, либо—чтобы двѣ женщины имѣли такую дружбу другъ къ другу и такіе общіе интересы, которые бы дѣлали ихъ неразлучными, какъ въ Горація, либо — чтобы они имѣли случай, какъ въ Помпеѣ—Клеопатра во второмъ актѣ и Корнелія въ пятомъ, — подъ вліяніемъ естественнаго любопытства, выходить каждая изъ своего покоя и появляться въ большой дворцовой залѣ въ тревожномъ ожиданіи извѣстій. Совсѣмъ не то въ Родогюнѣ: интересы двухъ женщинъ, Клеопатры и Родогюны, слишкомъ различны, чтобы онѣ могли изъяснять самыя тайныя свои мысли въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Вотъ почему первый актъ этой трагедіи долженъ бы былъ происходить въ передней комнатѣ Родогюны, второй — въ комнатѣ Клеопатры, третій—въ комнатѣ Родогюны; четвертый могъ бы начаться тутъ же, но конецъ его, разговоръ Клеопатры съ сыновьями, непремѣнно долженъ бы быть отнесенъ въ другое мѣсто. Для пятаго необходима большая аудіенцъ-зала, въ которой могла бы помѣститься огромная толпа народа.

Древніе, избиравшіе мѣстомъ дѣйствія городскія площади, не были такъ сильно стѣснены правиломъ единства мѣста; однако же Софоклъ нарушилъ его въ Аяксѣ, который, оставивъ сцену въ намѣреніи лишить себя жизни въ уединенномъ мѣстѣ, возвращается и убиваетъ себя на глазахъ у всѣхъ; не трудно заключить, что онъ убиваетъ себя не на томъ мѣстѣ, которое передъ этимъ покинулъ.

Мы не представляемъ себѣ такой свободы удалять въ другое мѣсто королей и принцессъ изъ ихъ покоевъ; а такъ какъ часто различіе и противоположность интересовъ лицъ, живущихъ въ одномъ и томъ же дворцѣ, не допускаютъ, чтобы они повѣряли свои тайны въ одной и той же комнатѣ, то намъ надо искать другого приспособленія къ правилу единства мѣста, если мы хотимъ сохранить его во всѣхъ нашихъ поэмахъ; иначе пришлось бы осудить многихъ авторовъ, имѣющихъ огромный успѣхъ.

Я держусь того мнѣнія, что надо стараться достигать безусловнаго единства мѣста, насколько это возможно; но такъ какъ оно не мирится со всякимъ сюжетомъ, я готовъ охотно согласиться, что дѣйствіе, происходящее въ одномъ и томъ же городѣ, удовлетворяетъ единству мѣста. Это не значитъ, что я хочу, чтобы театръ представлялъ весь этотъ городъ, — это было бы нѣсколько обширно — но только два или три отдѣльныя мѣста, заключенныя въ стѣнахъ его. Такъ, дѣйствіе Цинны не выходитъ изъ предѣловъ Рима и совершается частью въ покояхъ Августа, въ его дворцѣ, частью въ домѣ Эмиліи. Въ Сидѣ частныя мѣста дѣйствія гораздо многочисленнѣе, но не выходятъ изъ предѣловъ Севильи. Безъ сомнѣнія, эта многочисленность является уже до извѣстной степени своеволіемъ. Чтобы нѣсколько упорядочить двойственность мѣста, когда она неизбѣжна, слѣдуетъ соблюдать двѣ вещи: во-первыхъ, никогда не мѣнять мѣста дѣйствія въ одномъ и томъ же актѣ, но только изъ акта въ актъ, какъ это дѣлается въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ Цинны; во-вторыхъ, эти два мѣста не должны имѣть надобности

въ различныхъ декораціяхъ, и ни одно изъ нихъ не должно быть называемо; обозначается только общее мѣсто, въ которомъ оба они находятся, какъ Парижъ, Римъ, Ліонъ, Константинополь и т. д. Это поможетъ ввести въ заблужденіе зрителя, который, не видя ничего, что могло бы его навести на мысль о различіи мѣстъ, не замѣтитъ необходимости перемѣны, безъ особенно тонкаго критическаго размышленія, на которое немногіе изъ нихъ способны, такъ какъ большинство горячо приковывается къ представляемому дѣйствію.

Вотъ мои мнѣнія, или, если хотите, моя ересь относительно главныхъ положеній искусства: я не умѣю лучше согласовать древнія правила съ новыми требованіями. Не сомнѣваюсь, что не трудно найти лучшіе способы, и съ готовностью послѣдую имъ, когда они будутъ испытаны на практикѣ съ такимъ же успѣхомъ, какого удостоились тѣ, которые я прилагалъ въ моихъ произведеніяхъ.

2) Расинъ.

Э. Фаге [1]).

Какъ понималъ Расинъ драматическое искусство?

Расинъ въ трагедіи представляетъ возвращеніе къ естественнымъ чувствамъ и истиннымъ нравамъ, которыхъ представителемъ и начинателемъ явился Мольеръ въ комедіи. Не надо забывать, что прямое вліяніе Мольера на Расина вначалѣ должно было быть великимъ. „Общество четырехъ друзей“ (Мольеръ, Лафонтенъ, Буало, Расинъ), о которыхъ говоритъ Лафонтенъ въ своей „Психеѣ“, продолжается отъ 1660 до 1665 года, то-есть въ то время, когда Расину было отъ 20 до 25 лѣтъ, а Мольеру отъ 38 до 43. Авторитетъ возраста могъ придать совѣтамъ Мольера вѣсъ настоящихъ правилъ хорошаго вкуса.

Примемъ въ расчетъ, кромѣ того, что въ это время Расинъ былъ еще ученикомъ, только начинающимъ литерато-

[1]) Emile Faguet, проф. лицея въ Парижѣ. Перев. В. Покровскаго.

ромъ, между тѣмъ какъ Мольеръ былъ уже директоромъ театра, уже извѣстнымъ авторомъ, и въ хорошихъ отношеніяхъ съ дворомъ, человѣкомъ важнымъ въ городѣ и всѣмъ извѣстнымъ; вспомнимъ, что онъ не признаетъ первыхъ опытовъ Расина, объясняетъ ему причины своего отказа, предлагаетъ ему сюжеты, работаетъ съ нимъ, играетъ наконецъ его первыя трагедіи въ то время, когда самъ даетъ своему театру „Школу женщинъ“ и „Донъ-Жуана“, а двору—первые акты „Тартюфа“. Итакъ, между Мольеромъ и Расиномъ были отношенія учителя къ ученику и знаменитаго автора къ начинающему. Вліяніе одного на другого должно быть великимъ и продолжительнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что они понимали театръ одинаково, кромѣ различій, необходимо связанныхъ съ различными родами сочиненій; но и различія эти очень смягчались съ обѣихъ сторонъ. Расинъ почти высокомѣрно и энергично провозглашаетъ необходимость во всемъ возвращаться къ естественному и удаляться сверхъестественнаго, необыкновеннаго. Въ предисловіи къ Британнику онъ объявляетъ свой литературный манифестъ. „Вмѣсто дѣйствія простого, съ небольшимъ числомъ происшествій, какимъ и должно быть дѣйствіе, происходящее въ одинъ день, которое постепенно подвигается къ концу и поддерживается интересами и страстями дѣйствующихъ лицъ, слѣдовало бы пополнить это дѣйствіе множествомъ инцидентовъ... множествомъ театральныхъ поразительныхъ и неправдоподобныхъ эффектовъ, безконечной декламаціей... Вотъ, безъ сомнѣнія, чѣмъ можно заставить возопить отъ удивленія этихъ господъ (его противниковъ)“.

Вся теорія драмы Расина въ этой статьѣ. Сюжетъ несложный, мало событій, ничего поразительнаго, ничего неправдоподобнаго. Дѣйствіе простое, послѣдовательность, игра интересовъ и страстей лицъ, и больше ничего. Для Корнеля трагедія была представленіемъ и развитіемъ на сценѣ великаго историческаго событія. Онъ искалъ „великихъ сюжетовъ“. Расинъ ищетъ только интересныхъ характеровъ.

Современники хорошо это видѣли съ самого начала. Сентъ Евремонъ, партизанъ Корнеля, смѣется надъ этимъ нововведеніемъ Расина: „Признаюсь, были времена, когда надо было выбирать прекрасные сюжеты и ихъ разработывать. Не нужно больше ничего, кромѣ характеровъ... Расина предпочитаютъ Корнелю, характеры одерживаютъ верхъ надъ сюжетами". А Сегрэ, усиливая, говоритъ:

„У Расина недостаетъ матеріала.... Въ одной сценѣ Корнеля больше матеріала, чѣмъ въ цѣлой пьесѣ Расина".

Послѣдній самъ сознается, но не извиняется въ этомъ, напротивъ, ставитъ себѣ это въ заслугу. Можно сказать, что у него нѣтъ вкуса къ великимъ сюжетамъ. По поводу „Береніса" онъ пишетъ: „Давно хотѣлъ я испытать, буду ли въ состояніи написать трагедію съ тою простотою дѣйствія, какая такъ нравилась древнимъ. Есть люди, полагающіе, что эта простата есть признакъ недостаточнаго вымысла. Они не думаютъ, что вымыселъ состоитъ въ умѣньи сдѣлать что-нибудь изъ ничего (то, что и было въ „Беренисѣ"), и что множество приключеній всегда было убѣжищемъ для поэтовъ, не находившихъ въ своемъ геніи ни достаточнаго изобилія мыслей, ни достаточно силы, чтобы въ продолженіе пяти актовъ умѣть привязать зрителей дѣйствіемъ простымъ, поддержаннымъ силою страстей, красотою чувства и изяществомъ выраженія".

Вотъ чѣмъ была трагедія для него; тѣмъ же комедія была для Мольера. Мало сюжета, мало интриги. Но основаніе не въ этомъ. Основаніе, и почти все въ драмѣ,—это изображеніе человѣческихъ страстей и развитіе ихъ послѣдствій. Но какихъ же страстей?—Страстей, общихъ всѣмъ людямъ, въ которыхъ люди того времени, когда онъ пишетъ, могли бы узнать себя.

Не слѣдуетъ, чтобы люди были слишкомъ совершенными, или чтобы были извергами: они стали бы неправдоподобными, и публика не узнала бы себя въ нихъ. „Слѣдуетъ придать нѣсколько слабости Ипполиту и сдѣлать его немного винов-

нымъ передъ отцемъ". Слѣдуетъ, чтобы Федра „не была вполнѣ виновна, ни вполнѣ невинна". Слѣдуетъ, чтобы „добродѣтели дѣйствующихъ лицъ не были свободны отъ слабостей, и чтобы они впадали въ несчастье по какой-либо ошибкѣ, которая заставила бы сожалѣть о нихъ, не возбуждая ненависти къ нимъ".

Но обыкновенный сюжетъ, очень простое дѣйствіе, характеры безъ необыкновеннаго величія и списанные съ окружающихъ насъ людей, это комедія. Въ основаніи—да, конечно; и ученикъ Мольера задумалъ трагедію не иначе, какъ комедію, которая кончается дурно. Онъ первый во Франціи сталъ думать, что между трагедіей и комедіей есть разница только въ степени, но не по существу. Его трагедія скорѣе интимная, чѣмъ историческая драма, потому что онъ скорѣе великій живописецъ страстей, чѣмъ творецъ великихъ идей. Только изъ основы комедіи можетъ выйти трагедія, и даже ужасная, или скорѣе, для Расина и для Мольера, обыкновенныя страсти человѣчества составляютъ общій матеріалъ, изъ котораго одинъ выводитъ комическое, а другой—жалобное и страшное. Для этого достаточно, чтобы одинъ показалъ страсти человѣческія съ ихъ легкими послѣдствіями, а другой тѣ же страсти съ великими слѣдствіями, до какихъ онѣ могутъ дойти.

Мольеръ беретъ обыкновенныхъ людей съ обыкновенными страстями и вводитъ ихъ въ такое дѣйствіе, которое выведетъ изъ ихъ страстей только неважное слѣдствіе. Расинъ беретъ тѣхъ же людей, ставитъ ихъ въ такое дѣйствіе, которое изъ этихъ страстей выводитъ великія послѣдствія, и мы получаемъ тотъ родъ трагедій, которая чаще всего начинается, какъ комедія, и кончается, какъ кровавая драма.

Это потому, что Мольеръ не выжимаетъ изъ этихъ страстей все то, что онѣ въ себѣ содержатъ; Расинъ доводитъ ихъ до крайности и показываетъ намъ весь заключавшійся въ нихъ ужасъ, откуда слѣдуетъ, что Мольеръ часто даетъ подозрѣвать трагическое въ человѣческихъ страстяхъ, между

тѣмъ какъ Расинъ выставляетъ это на показъ. Скрытое трагическое Мольера раскрывается у Расина и ярко освѣщается.

Въ Митридатѣ есть все, чѣмъ могъ быть Гарпагонъ, доведенный до крайности. Андромаха и Баязетъ—это любовныя неудовольствія, доведенныя до преступленія. Федра—комедія алькова, которая оканчивается домашнею трагедіей. Неронъ есть Донъ-Жуанъ, болѣе пошлый, но и болѣе жестокій, чѣмъ въ комедіи.

Отсюда происходитъ то, что, когда Мольеръ далеко идетъ по этому склону къ трагическому, которое ему свойственно, и пока Расинъ только на полдорогѣ по тому же пути, они соприкасаются даже въ тонѣ. Сцены во второмъ актѣ Андромахи и сцены въ Мизантропѣ одного тона, и Вольтеръ замѣчаетъ, что въ Андромахѣ слишкомъ замѣтенъ слогъ комедіи.

Изъ трагедіи, задуманной такимъ образомъ, Расинъ вывелъ эффекты ужаса и жалости, до него неизвѣстные. Отъ этихъ обыкновенныхъ и доведенныхъ до ихъ пагубныхъ слѣдствій страстей мы уже не получимъ возвышенныхъ и очищающихъ сильныхъ волненій, къ какимъ пріучилъ насъ Корнель. Но передъ нашими взорами будутъ выставлены бѣдствія человѣчества, возбуждающія въ сердцахъ нашихъ глубокую жалость. Мы получимъ то, что одинъ греческій авторъ сказалъ объ Эврипидѣ, которому Расинъ такъ часто подражалъ: страшное зрѣлище человѣческой души, раздираемой и искажаемой несчастіемъ.

Расинъ, что бы ни думала о немъ нѣкогда странно поверхностная критика, не нѣженъ, или бываетъ такимъ иногда въ выраженіи; онъ очень склоненъ итти до конца въ страшныхъ слѣдствіяхъ страсти, увлекающей человѣка и поражающей его, то-есть доводящей до преступленія, отчаянія, самоубійства, безумія. Андромаха оканчивается убійствомъ, самоубійствомъ и сценой безумія; Британикъ—братоубійствомъ и припадкомъ изступленія; Баязетъ—„великой рѣзней“, которая удивляла г-жу де-Севинье; Митридатъ и Ифигенія — само-

убійствомъ, Федра — смертью сына, осужденнаго отцомъ, и самоубійствомъ, не считая сценъ помѣшательства и галлюцинацій, содержащихся въ этой пьесѣ; Гоѳолія оканчивается убійствомъ въ храмѣ. Только въ одной Беренисѣ нѣтъ ни убійства, ни припадковъ безумія; только въ Эсѳири развязка счастливая.

Корнель изобразилъ новое патетическое — патетическіе восторги. Расинъ почти изобрѣлъ новую роковую судьбу, — судьбу сильныхъ страстей, хотя общихъ и обыкновенныхъ въ основаніи, которыя, овладѣвая людьми, подобными намъ, въ подобномъ нашему положеніи, бросаютъ ихъ въ послѣднюю крайность, къ полной гибели, къ потерѣ ихъ добродѣтели, ихъ чести, ихъ разсудка... и наконецъ, по словамъ Шекспира, „смерть въ концѣ всего“.

Въ этомъ тайна его великаго владычества на сценѣ. Поколѣнія смѣняются, и всѣ приходятъ плакать и содрогаться передъ собственными страстями, такъ сильно изображенными, и бѣдствіями, которыя онѣ влекутъ за собою, не вынося изъ этого театра большаго нравственнаго поученія, но тронутыя до глубины души тѣмъ, что въ простомъ приключеніи, въ какое можетъ впасть каждый изъ насъ, заключается столько горя, терзаній, томленія, несчастій и преступленій.

3) Французско-классическая трагедія.

(А. Д. Галахова).

Французско-классическая трагедія, образцы кототорой впервые даны намъ Сумароковымъ, возникла подъ двумя вліяніями: вопервыхъ, подъ вліяніемъ піитической теоріи Аристотеля и греческихъ трагедій; вовторыхъ, подъ вліяніемъ національнаго характера французовъ и состоянія ихъ общественной жизни въ XVII и XVIII вѣкахъ. Понятно, что трагическая система, сложившаяся подъ дѣйствіемъ такихъ разнородныхъ элементовъ, должна была выйти не естественнымъ и оригинальнымъ явленіемъ искусства, а искусственнымъ и ложнымъ.

Въ основѣ ея лежатъ двѣ цивилизаціи: античная и новохристіанская, отдѣленныя одна отъ другой многими вѣками, различныя во всѣхъ отношеніяхъ, не допускающія никакого соглашенія, или допускающія соглашеніе насильственное. Заимствуя миѳологическіе и историческіе сюжеты греческой трагедіи, французскіе писатели измѣняли ихъ по требованіямъ своего вѣка и тѣмъ искажали какъ миѳологію, такъ и исторію. Дѣйствующія лица, въ противоположность ихъ національному характеру, изображались по идеалу героическаго величія, какъ онъ сложился въ представленіи французскаго общества, въ эпоху Людовика XIV, при дворѣ котораго ложно-классическая трагедія достигла своего цвѣтущаго состоянія. Являясь не въ своемъ настоящемъ видѣ и духѣ, греки и римляне не были однакожъ и чистокровными французами. Примѣры отступленій французской трагедіи отъ ея подлинниковъ весьма часты. Такъ, одна французская трагедія, имѣющая сюжетомъ судьбу Эдипа, измѣнила своему подлиннику (Эдипу Колонейскому, Софокла) въ той сценѣ, гдѣ Полиникъ приходитъ вымаливать прощеніе у оскорбленнаго имъ отца. Софокловъ Эдипъ, согласно понятіямъ своего времени о родительскомъ авторитетѣ, не только не прощаетъ сына, но даже отсылаетъ его отъ себя съ проклятіемъ. Напротивъ, подражатель Софокла, какъ христіанинъ, заставилъ Эдипа изречь прощеніе,— и такимъ отступленіемъ отъ подлинника исказилъ образъ страдальца: въ самомъ дѣлѣ, если главное лицо піесы—дѣйствительно Эдипъ, то оно не могло простить Полиника; если же это лицо простило, то оно—не Эдипъ. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ. Ахиллъ, въ Расиновой трагедіи „Ифигенія въ въ Авлидѣ“, вовсе не похожъ на Гомерова Ахвилла: въ послѣднемъ нѣтъ и тѣни того рыцарскаго духа, той деликатности чувствъ и изящной вѣжливости, какою отличается первый. Да и трудно вообразить подобныя качества въ такую эпоху народной жизни, когда еще существовало принесеніе людей въ жертву. При изображеніи легендарныхъ сюжетовъ, французскіе трагики старались обходить чудесное, какъ суевѣріе,

несогласное съ здравымъ смысломъ, и тѣмъ самымъ выступали изъ круга античныхъ религіозныхъ воззрѣній въ область разсудочности. Такъ, въ одной трагедіи Тезей, на вопросъ придворнаго, — правда ли, что онъ сходилъ въ царство тѣней,—отвѣчаетъ, что здравомыслящій человѣкъ не долженъ вѣрить такой нелѣпости, и что этотъ слухъ былъ имъ распущенъ изъ политическихъ видовъ. Тотъ вкусъ, тѣ нравы, обычаи и свѣтскія приличія, которые образовались въ высшемъ французскомъ обществѣ подъ вліяніемъ двора Людовика XIV и соблюденіе которыхъ было обязательно въ литературѣ, вообще противорѣчитъ сущности трагическаго. Трагизмъ состоитъ въ сильной душевной борьбѣ, изъ которой нѣтъ исхода. Дѣйствующія лица одушевлены или нравственной идеей, или страстью,—и въ такомъ положеніи открыто изливаютъ свои мысли и чувства, забывая всѣ иныя отношенія, кромѣ общечеловѣческихъ. Въ трагедіяхъ французскихъ, наоборотъ, господствуютъ строгій порядокъ, сдержанность, этикетъ; сложность дѣйствія или быстрые переходы однихъ ощущеній къ другимъ воспрещается ими, какъ оскорбленіе мѣры; онѣ избѣгаютъ патетическаго: паѳосъ замѣняется у нихъ риторствомъ, ровное теченіе котораго только по временамъ, и то съ расчетомъ, возмущается страстными выходками. Главный законъ трагической системы французовъ заключается въ трехъ единствахъ (дѣйствія, времени и мѣста), „внѣ которыхъ нѣтъ спасенія“ (hors des trois unites il n'y a point de salut): единое дѣйствіе, изображаемое въ піесѣ, должно, отъ начала до конца, происходить въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ теченіе 24-хъ часовъ. Онъ основанъ на невѣрно истолкованномъ ученіи Аристотелевой піитики и на одностороннемъ знакомствѣ съ трагедіями грековъ. Другою основою служило ложное понятіе французской теоріи о такъ называемомъ очарованіи, подъ которымъ она разумѣла не полноту и силу впечатлѣнія, производимаго на зрителей представленіемъ піесы, а обманъ, т.-е. приведеніе зрителей въ такое состояніе, чтобы они вымыселъ автора приняли за дѣйствитель-

ность и чувствовали бы себя не въ театрѣ, а въ жизни, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходило событіе. Но такое самозабвеніе невозможно: какого бы совершенства ни достигли механическая и декоративная части театра, какимъ бы искусствомъ ни отличалась игра актеровъ, піеса, при первомъ же поднятіи занавѣса, представитъ зрителю многія неправдоподобныя вещи, и слѣдовательно разочаруетъ его: напримѣръ, зритель услышитъ, что греки говорятъ не на своемъ языкѣ, а на чужомъ, и говорятъ стихами, а не прозой, — чего не было и не бываетъ. Между тѣмъ малая мѣра времени, отведенная французскими теоретиками трагедіи, стѣснила объемъ дѣйствія и сдѣлала невозможнымъ всестороннее раскрытіе характеровъ. Дѣйствующія лица являются въ нихъ не какъ цѣльныя личности съ многообразными качествами, а только одною своею стороною, съ однимъ чувствомъ или страстью (любовь, ненависть, честолюбіе, великодушіе...), которая и остается при нихъ во все продолженіе дѣйствія. Это и неестественно и утомительно. Чтобы познакомить зрителя съ тѣмъ, что предшествовало событію, служащему сюжетомъ драмы, французы большею частію посвящали первый актъ экспозиціи, т.-е. изложенію завязки. Такое изложеніе образуетъ эпическую часть піесы и своимъ характеромъ противорѣчитъ сущности драмы, которая требуетъ дѣйствія, а не разсказа о дѣйствіи, требуетъ овладѣть воображеніемъ зрителя съ первой же сцены. При главныхъ дѣйствующихъ лицахъ состоятъ очень часто ихъ наперсники и наперсницы: они, какъ довѣренныя лица, выслушиваютъ или повѣствованіе о судьбѣ героя или героини, или ихъ исповѣдь чувствъ и мыслей— тоже эпическій элементъ, непригодный въ драмѣ, которая какъ о внѣшней исторіи, такъ и о внутреннемъ мірѣ всѣхъ лицъ даетъ знать зрителю посредствомъ ихъ дѣйствій и соотвѣтственныхъ рѣчей. Къ эпическому же элементу относятся донесенія вѣстниковъ о томъ, что происходило внѣ сцены; въ этомъ случаѣ французскіе трагики любили выказывать свое стихотворное искусство, и потому удлинняли разсказъ не

въ мѣру: въ Федрѣ (Расина) Тезей выслушиваетъ долгій разсказъ объ ужасной смерти Ипполита, а въ Гораціяхъ (Корнеля) Камилла — столь же долгій разсказъ о смерти Куріацевъ. Разсказчики какъ бы забыли, въ какомъ душевномъ положеніи должны были находиться и отецъ при вѣсти о гибели сына, и дочь Горація при вѣсти о гибели любимаго ею жениха. Разсудочность, преобладающая стихія въ духовномъ складѣ французовъ, внесла въ трагедію элементъ резонерства: страсть не мѣшаетъ героямъ и героинямъ разсчитывать и размѣривать свое собственное положеніе, останавливаться съ запросами надъ своимъ чувствомъ.

Въ трагедіи дѣйствіе производится двумя дѣятелями: характерами лицъ и положеніями (ситуаціями), въ которыхъ лица находятся. Взаимное отношеніе этихъ дѣятелей, внутренняго (характера) и внѣшняго (положенія), даетъ начало двумъ трагическимъ системамъ: въ одной—положенія обусловлены характеромъ, въ другой — характеръ опредѣляется положеніями. Французско-классическая трагедія слѣдовала второй системѣ. Трагики выбирали необычайныя положенія, ставили среди ихъ личность и завязывали борьбу между ея чувствами,—съ одной стороны, и данными обстоятельствами,—съ другой. Въ ряду страстей, овладѣвающихъ душею человѣка, они останавливали свое вниманіе чаще всего на любви. Она являлась у нихъ даже тамъ, гдѣ не была извѣстна ни исторіи ни преданіямъ: Расинъ надѣлилъ ею Ипполита (въ Федрѣ), тогда какъ у Еврипида (въ трагедіи Ипполитъ), которому подражалъ Расинъ, оригинальность Тезеева сына и состоитъ именно въ свободѣ сердца. Выше сказано, что герои и героини французскихъ трагедій выступали передъ зрителями не въ полнотѣ своего характера, а только съ одною его стороною: поэтому авторы и употребляли все свое искусство на изображеніе этой стороны. Отъ достоинства изображенія зависѣло достоинство піесы. Этой-то французской трагической системѣ подражалъ Сумароковъ, слѣд. все, о ней сказанное примѣняется и къ его піесамъ. Онъ самъ гордился тѣмъ,

что „явилъ Расиновъ театръ Россамъ“. Сущность подражательныхъ его трагедій—представленіе одной какой-либо страсти, а не цѣльнаго характера—была опредѣлена еще Карамзинымъ, сказавшимъ, что „Сумароковъ болѣе описывалъ чувства, нежели изображалъ характеры въ ихъ естественной и нравственной истинѣ“. Главное мѣсто между этими чувствами занимаетъ любовь. Изъ ея столкновеній съ долгомъ образуется борьба, на которую нерѣдко указываютъ сами дѣйствующія лица, приведенныя въ необходимость выбрать одно изъ противоположныхъ влеченій и восклицающія въ припадкѣ отчаянія: „о должность (долгъ)! о любовь!“ Крупные таланты, какъ, напримѣръ, Расинъ, умѣли съ успѣхомъ бороться съ стѣснительными условіями системы; у нихъ одна и та же страсть принимала, смотря по лицу, различный характеръ: любовь Герміоны (въ трагедіи Андромаха) отлична отъ любви Роксаны (трагедія Баязетъ), и ревность Федры отлична отъ ревности Герміоны. И въ изображеніи одного лица они представляли полное развитіе страсти со всѣми ея перепетіями, отъ первой вспышки до катастрофы. Сумароковъ не владѣлъ такимъ искусствомъ: Оснельда въ Хоревѣ, Семира въ трагедіи того же имени, Ильмена въ Синавѣ и Труворѣ и любятъ, и выражаютъ свою любовь одинаково. Всепоглощающее дѣйствіе страсти доведено имъ до крайности въ Димитріи Самозванцѣ. Этотъ чудовищный тиранъ и думаетъ, и говоритъ только о злодѣйствахъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не такъ страшенъ, какъ бы слѣдовало ожидать по его словамъ. Онъ злобствуетъ и на себя самого: онъ желалъ бы „самъ съ собою раздѣлиться“, чтобы наслаждаться собственною мукой; умирая онъ восклицаетъ: „ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!“ Такой „врагъ людей и естества“, какъ называетъ себя Самозванецъ, стоитъ дѣйствительно „внѣ природы“ и производитъ скорѣе комическое, чѣмъ трагическое впечатлѣніе. О вѣрности лицъ временнымъ и мѣстнымъ отличіямъ и говорить нечего: ихъ рѣчи, мысли, чувства и поступки несогласны ни съ характеромъ эпохи, въ которую они жили, ни

съ характеромъ народа, къ которому принадлежали. Несмотря на свои варяжскія или славяно-русскія имена, они еще дальше отстоятъ отъ нашей исторіи, чѣмъ истинные греки и римляне отъ грековъ и римлянъ французской трагедіи. — Въ піесахъ Сумарокова можно указать многія заимствованія изъ Расина и Вольтера. Ильмена походитъ на Альзиру (въ трагедіи Вольтера того же имени); разсказъ Вѣстника о смерти Трувора (3-е явленіе 5-го акта) напоминаетъ разсказъ Терамена о смерти Ипполита, въ Федрѣ. Синавъ и Труворъ, Мстиславъ и Ярославъ, какъ братья—соперники по любви, имѣли образцами Митридата, Британника, Никомеда и другія французскія драмы. Положеніе Ростислава, въ борьбѣ между любовью къ Семирѣ и долгомъ къ отцу и отечеству, подобно положенію Брутова сына, Тита, который измѣняетъ Риму изъ любви къ Туллiи, дочери Тарквинія (въ трагедіи Вольтера: Брутъ). Сумарокову извѣстенъ былъ и Шекспиръ въ псевдо-классическихъ передѣлкахъ, какъ видно по трагедіи Гамлетъ и по нѣкоторымъ мѣстамъ въ другихъ піесахъ: монологъ Самозванца—„Не твердо на главѣ моей лежитъ вѣнецъ“ (7-ое явленіе 2-го акта) — есть подражаніе монологу Ричарда III; слова Ильмены о загробной жизни: „Ты самъ меня, ты самъ сей смертью поражаешь“ (3-е явленіе 5-го акта) сходны съ тревожными сомнѣніями Гамлета въ знаменитомъ монологѣ: „Быть или не быть?“

4) Трагедіи Сумарокова.

Н. Н. Булича.

Трагедія Сумарокова возникла вполнѣ на почвѣ ложно-классической, размѣренной, чрезвычайно хитро придуманной и механической трагедіи французовъ. Эта французская трагедія имѣетъ такое же отношеніе къ древней греческой трагедіи, какое Буало, Баттё и Лагарпъ, теоретики ея, имѣли къ Аристотелю, исковерканному ими. Аристотелева теорія трагедіи, основанная на великихъ сценическихъ явленіяхъ древней трагедіи, стоитъ неизмѣримо выше ихъ бѣдной тео-

ріи. Древній театръ имѣлъ такое полное значеніе для всей греческой жизни, съ которою тѣсно былъ слитъ, что ни одинъ новый театръ не можетъ похвалиться подобнымъ. Развѣ только англійская драма Шекспира подходитъ къ нему нѣкоторыми сторонами своими. Въ древней греческой жизни было такое глубокое всемірно-человѣческое содержаніе, что греческое искусство, прекрасное воспроизведеніе этой жизни, сохранило въ вѣчныхъ типахъ своихъ обаятельные, но недосягаемые образцы для насъ. Оттого на греческой сценѣ могли быть представляемы миѳы цѣлаго человѣчества, миѳы, которые и теперь заставляютъ сердце биться въ груди, какъ, напр., миѳъ о Прометеѣ, такъ исполински развитый въ титаническомъ созданіи Эсхила. Драма грековъ была изображеніемъ широкой исторической жизни. Родная дочь греческаго эпоса, въ которомъ сохранились всѣ народныя, всѣ племенныя преданія грековъ, она постоянно представляла ихъ живыми предъ народомъ. Она была всегда художественно-понятною исторіею прошлаго и вѣрною изобразительницею настоящаго. Тѣсно связанная съ религіозными учрежденіями, греческая драма была и государственнымъ учрежденіемъ, какъ это видимъ мы въ Аѳинахъ. Она была такъ же необходима въ Греціи, какъ Ареопагъ. И что за великолѣпная внѣшняя обстановка была у этой греческой драмы!.. Археологи съ любовью говорятъ о роскоши древней сцены. Съ заднихъ мраморныхъ скамеекъ аѳинскаго театра можно было видѣть Эгейское море подъ яркимъ солнцемъ Эллады; на этомъ морѣ, въ голубомъ прозрачномъ воздухѣ, передъ глазами аѳинскихъ зрителей, плавали острова, полные историческихъ воспоминаній, и виднѣлся заливъ, на которомъ только что совершилась національная побѣда надъ персами; надъ театромъ возвышался акрополь аѳинскій съ блестящими колоннами Партенона и другихъ храмовъ. На такой только театръ поэтъ могъ призвать цѣлый хоръ пятидесяти нимѳъ Океанидъ, дочерей сѣдого Океана, до которыхъ, въ подводную глубину ихъ жилищъ, долеталъ страшный стонъ Прометея и ужасный

*

звукъ молота, кующаго цѣпи страдальца. И съ грустною пѣснью состраданія прилетѣли безсмертныя дѣвы на воздушныхъ коняхъ своихъ къ Прометею. Только на такомъ театрѣ могъ изобразить трагикъ цѣлый народъ греческій, какъ Эсхилъ въ „Персахъ“, или исполинскіе образцы и трагическую судьбу Эдипа и бѣшенаго Аякса, въ которыхъ было много общаго, по художественной отдѣлкѣ, съ группою Лаокоона и другими великими созданіями греческой скульптуры.

Ничего этого, разумѣется, не было въ трагедіи французовъ, и слѣдовательно не могло быть и у Сумарокова. Французская сцена заимствовала отъ греческой героевъ, которые необходимо должны были дѣйствовать на ней, но греческіе герои были люди, а герои новой трагедіи были такъ далеки отъ жизни дѣйствительной, что страсти ихъ, слова, поступки, движенія казались совершенно условными и недѣйствительными. Корнель, на основаніи своихъ трагедій, написалъ правила своей французской драмы, и имъ слѣдовали всѣ безъ противорѣчія. Онъ старался смягчить въ нихъ все, что было естественно на греческомъ театрѣ и что казалось ему преувеличеннымъ, но отъ общаго тона греческой драмы отказаться не могъ. Потому его трагическія лица становились на ходули, котурна была имъ необходима. Фантастическій элементъ, вытекавшій изъ религіозныхъ вѣрованій грековъ, исчезъ во французской трагедіи. Она сдѣлалась ровною, гладкою, вѣрнымъ изображеніемъ чопорнаго общества маркизъ и дюшессъ, но поэзіи и жизни въ ней не было. Французскіе трагики очень много хлопотали о правдоподобномъ (vraisemblable) и ему жертвовали истиной. Для этого мнимаго правдоподобія они утвердили правило знаменитыхъ трехъ единствъ, conditio sine qua non ложноклассической трагедіи, — правило, неизвѣстное Аристотелю, потому что греческая сцена была свободна отъ этихъ ухищреній. Любопытны хитрости французскихъ трагиковъ о распредѣленіи времени въ трагедіи: какое событіе должно было совершиться во время антракта для того, чтобы дѣйствіе не заключало въ

себѣ ни минуты болѣе времени того, что происходитъ на сценѣ. Цѣль трагедіи, согласно ученію Корнеля, была не изображеніе жизни и дѣйствительности, а героическаго дѣйствія, способнаго возбудить въ зрителяхъ ужасъ и состраданіе. Возбуждать ужасъ и состраданіе было необходимымъ правиломъ такой трагедіи — règle qui est de rigueur. Она должна была заключать въ себѣ и нравственный урокъ; но здѣсь трагики впадали въ довольно запутанную дилемму: или торжествуетъ порокъ, и страдаетъ добродѣтель,—тогда зритель не видитъ морали въ пьесѣ, а трагедія сохраняетъ свой характеръ; или порокъ наказанъ, и добродѣтель возвеличена: тогда зритель доволенъ, получивъ нравственный урокъ, но зато трагедія исчезаетъ; она оканчивается счастливо, радостью, слѣдовательно переходитъ въ комедію. Все это было опредѣлено, вымѣрено и разсказано подробно французскими теоретиками, повторяя которыхъ, Сумароковъ, въ своей „Эпистолѣ о стихотворствѣ“, говоритъ:

Трагедія намъ плачъ и горесть представляетъ....
....Не тщись глаза и слухъ различіемъ прельстить
И бытіе трехъ лѣтъ мнѣ въ три часа вмѣстить:
Старайся мнѣ въ игрѣ часы часами мѣрить,
Чтобъ я, забывшися, возмогъ себѣ повѣрить,
Что будто не игра то дѣйствіе твое,
Но самое, тогда случившись, бытіе.
. . . . . .
Не сдѣлай трудности и мѣстомъ мнѣ своимъ,
Чтобъ мнѣ, театръ твой зря, имѣючи за Римъ,
Не полетѣть въ Москву, а изъ Москвы къ Пекину:
Всмотряся въ Римъ, я Римъ такъ скоро не покину.

Нельзя, слѣдовательно, обвинять Сумарокова въ томъ, что его трагедія не имѣетъ въ себѣ жизни и дѣйствія. Онъ не могъ отбросить тогда отъ себя вліянія французской литературы, этого блестящаго выраженія блестящаго двора Людовика XIV, которому подражала и къ которому стремилась, какъ къ идеалу, вся просвѣщенная тогда Европа. Были и свои достоинства въ этой классической трагедіи французовъ.

Лучшіе трагики французскіе умѣли во многихъ своихъ произведеніяхъ представить высокую идеализацію характеровъ и страстей. У многихъ изъ нихъ психологическій анализъ сердца и страсти веденъ съ особеннымъ совершенствомъ. Все дѣйствіе трагедіи лежитъ на развитіи страсти въ главномъ характерѣ, и потому часто вся судьба пьесы падаетъ на главнаго исполнителя. Простота дѣйствія, привлекающая съ перваго раза, и особенно прелесть стиха, достигшаго у Расина высокаго поэтическаго достоинства, выработаннаго до того, что онъ кажется роскошной игрушкой, принадлежатъ также къ достоинствамъ французской сцены. Этимъ обаяніямъ нельзя было не поддаться, когда Франція была законодательницею вкуса для всего образованнаго міра. По ту сторону пролива была болѣе богатая жизнь въ драмѣ, жизнь широкая, дѣйствительная, страстная, полная глубокаго юмора, гдѣ страшныя проклятія короля Лира смѣнялись ѣдкими насмѣшками шута, гдѣ дикія рѣчи леди Макбетъ прикрывались веселыми выходками привратника, но Шекспиръ на ареопагѣ вкуса былъ признанъ грубымъ и непросвѣщеннымъ дикаремъ, хотя Сумароковъ чрезъ французскую реторту и перенесъ къ намъ „Гамлета“. Но что это за Гамлетъ! Только въ 1767 году явилась умная критика Лессинга, и началась открытая борьба съ французскимъ вліяніемъ въ литературѣ.

Мы не станемъ подробно указывать всѣ тѣ мѣста, которыя взяты Сумароковымъ и переведены изъ Корнеля, Расина, Вольтера. Ограничимся болѣе подробнымъ разборомъ первой трагедіи Сумарокова „Хоревъ“ (1747), какъ образца для послѣдующихъ, и скажемъ нѣсколько словъ о другихъ.

Дѣйствіе „Хорева“ происходитъ въ Кіевѣ, въ княжескомъ домѣ, въ баснословныя времена Кія. Повидимому, сцена—на Руси, и дѣйствительно, въ то время, трагедію Сумарокова считали русскою, взятою изъ нашей исторіи. Тогда обращеніе къ такимъ отдаленнымъ и невѣрнымъ древностямъ, какъ тѣ, въ которыя развивается дѣйствіе трагедіи, было похвальнымъ. О русской исторіи были очень темныя понятія. Глав-

нымъ источникомъ ея былъ „Синопсисъ“ Гизеля, а о памятникахъ нашей исторіи, лѣтописяхъ, и помину не было. Только настоящее время начало сознавать отдаленное прошлое нашего отечества, а тогда—чѣмъ отдаленнѣе была эпоха, чѣмъ неопредѣленнѣе бытъ ея и нравы, тѣмъ, по предписаніямъ условій теоріи, легче было поэту работать и создавать какіе угодно характеры. Объ исторической вѣрности, о правильномъ изображеніи данной эпохи нечего было и думать. Поэтому мы мало имѣемъ права упрекать Сумарокова за то, что лица его трагедіи не принадлежатъ никакому времени и никакому народу. У Расина было то же. Переименуйте Тезея, Британника, Полиника, какъ угодно, перенесите сцену изъ Рима въ Египетъ, изъ Аѳинъ въ Индію, и вы нисколько не нарушите условій трагедіи Расина. Тутъ дѣло шло только о внутреннемъ развитіи человѣка, о коллизіяхъ трагическихъ, особенно долга и чувства,—въ этомъ ржавомъ винтѣ ложно-классической трагедіи. Требовать нравовъ эпохи изображаемой, чтобъ Неронъ былъ Нероном, Эдипъ—Эдипомъ, была неумѣстная тогда роскошь.

Въ первомъ актѣ требовалось, по правиламъ трагической теоріи, изложить положеніе дѣйствующихъ лицъ и обозначить будущую судьбу ихъ. Здѣсь знакомимся мы съ Оснельдою, дочерью прежняго кіевскаго владѣтеля Завлоха, которая, послѣ пораженія отца своего и овладѣнія городомъ его Кіевомъ, осталась во власти побѣдителя—Кія. Дѣйствіе открывается тѣмъ, что Завлохъ подступилъ къ городу съ войскомъ, и Кій хочетъ освободить свою плѣнницу и выдать ее отцу. Оснельда и желаетъ, и не желаетъ этой свободы. Въ напыщенномъ діалогѣ она повѣряетъ мамкѣ своей Астрадѣ, имѣющей въ трагедіи значеніе наперсницы, тайну своего сердца, любовь къ молодому брату врага своего рода—Хореву. Она разсказываетъ борьбу въ душѣ своей, борьбу между долгомъ и любовью. Это—первая трагическая коллизія. Является Хоревъ, и она открываетъ ему свою преступную любовь. Въ груди Хорева та же борьба: онъ страстно любитъ

Оснельду, а братъ и государь его посылаетъ сражаться съ отцемъ ея. Во второмъ актѣ, гдѣ начинается собственно уже дѣйствіе трагедіи, Сталверхъ, бояринъ и наперсникъ Кія, вливаетъ въ душу его подозрѣнія насчетъ Хорева, разсказывая о любви его къ Оснельдѣ. Хоревъ уговариваетъ брата на миръ и на прекращеніе войны, съ которой борется его сердце, но, наконецъ, убѣжденный сознаніемъ долга, идетъ къ войску. Оснельдѣ повѣряетъ онъ внутреннюю борьбу свою, говоритъ ей, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ идетъ противъ отца ея. Въ третьемъ актѣ Оснельда получаетъ письмо отъ отца, которымъ онъ запрещаетъ ей любить Хорева, и въ отчаяніи хочетъ лишить себя жизни, но Астрада удерживаетъ занесенный кинжалъ. Приходитъ Хоревъ и узнаетъ о содержаніи письма. Въ разговорѣ съ Оснельдою онъ опять разсказываетъ борьбу свою, но долгъ одолѣваетъ, и, когда наперсникъ его приходитъ съ вѣстью о начавшемся подъ стѣнами Кіева сраженіи, онъ спѣшитъ, скрѣпя сердце, къ оружію. Четвертый актъ открывается побѣдами Хорева надъ Завлохомъ, и Кій уже вѣритъ въ правоту своего брата, какъ вдругъ является Сталверхъ съ донесеніемъ о томъ, что Вельскаръ, наперсникъ Хорева, освободилъ именемъ Кія изъ темницы плѣннаго и послалъ его съ письмомъ Оснельды во вражескій станъ. Призванный плѣнникъ подтверждаетъ это обстоятельство, говоря, что княжна велѣла ему объявить отцу ея, что она надѣется взойти на кіевскій тронъ. Кій рѣшается отравить Оснельду и велитъ надѣть на нее оковы. Напрасно призванная плѣнница, осыпая упреками Кія, старается оправдать и защитить передъ нимъ брата его. Кій не вѣритъ и отсылаетъ ее въ темницу, велитъ Сталверху подать ей кубокъ съ ядомъ. Въ пятомъ актѣ должна быть разрѣшена завязка трагедіи и рѣшена судьба всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Дѣйствіе послѣ монолога Кія открывается приходомъ наперсника Хорева, съ мечемъ плѣннаго Завлоха. Кій вѣритъ наконецъ невинности брата, спѣшитъ послать къ Оснельдѣ и поздравить ее невѣстою княжескою, но посланный застаетъ

ее уже мертвою. Между тѣмъ, является Хоревъ съ Завлохомъ, который соглашается на бракъ своей дочери съ Хоревомъ, но вдругъ приносится извѣстіе о самоубійствѣ Сталверха. Кій долженъ разсказать о смерти Оснельды, и Хоревъ, послѣ длинныхъ тирадъ, закалывается. Смертью его оканчивается трагедія, какъ можно было догадаться сначала.

Разсказывая это содержаніе „Хорева“, мы старались показать дѣйствіе въ этой трагедіи, но дѣйствія собственно въ ложно-классической трагедіи не было. Поэты выѣзжали на длинныхъ напыщенныхъ тирадахъ дѣйствующихъ лицъ, на монологахъ, гдѣ герои откровенно разсказывали всѣмъ, что совершилось внутри души ихъ, и, наконецъ, на длинныхъ разсказахъ наперсниковъ, объявлявшихъ зрителямъ о томъ, что совершилось за сценою, передававшихъ побудительныя причины дѣйствія въ присутствіи своихъ героевъ. Самую жизнь классическіе поэты какъ будто боялись вывести на сцену. Не говоря о неумѣстности длинныхъ рѣчей и тирадъ, когда герой и героиня въ самую трудную минуту жизни стараются выражаться какъ можно краснорѣчивѣе, не говоря о томъ, что вездѣ эти рѣчи не соотвѣтствуютъ историческому смыслу, напр. Оснельда (дѣйствіе III, явл. 2), говоря о любви своей, противной долгу, выражается такъ:

А свѣтъ, превратный свѣтъ, того не разсуждаетъ,
Не праведнымъ судомъ, но злобой осуждаетъ,

забывая, что такія рѣчи не свойственны женщинамъ вѣка Кія, Щека и Хорева; надобно замѣтить, что въ этихъ рѣчахъ выражались понятія XVIII вѣка. Потому трагедіи этого вѣка имѣютъ историческое значеніе для современнаго имъ общества. Въ нихъ выражается одна изъ любопытнѣйшихъ сторонъ жизни общества, потому что поэты свой взглядъ современный переносили въ трагедію, напр. странное понятіе о долгѣ въ трагедіи Сумарокова „Вышеславъ“. И вообще понятія о нравственности въ этихъ трагедіяхъ кажутся извращенными, потому что далеко не похожи на наши. Планъ

этихъ трагедій былъ довольно плохъ, потому что о дѣйствіи не заботились. Въ „Синавѣ и Труворѣ“ Гостомыслъ, который борется съ любовью своей дочери къ Трувору, совершенно необдуманно два раза оставляетъ ее наединѣ съ нимъ, а это вовсе не входить въ расчетъ его и совершенно противорѣчитъ его планамъ. Любовь была главною пружиною дѣйствія въ трагедіи, а такъ какъ въ обществѣ эта любовь не могла быть развита до драматизма, то всѣ трагедіи, а особенно русскія подражанія, являются намъ бѣдными содержаніемъ, вялыми и скучными. Много зависѣло тогда отъ исполнителей, отъ актеровъ, которые поневолѣ должны были быть декламаторами; поэтому, вѣроятно, успѣху Сумароковскихъ трагедій помогалъ Дмитревскій, и поэтъ часто слушался его. Извѣстность Дмитревскаго началась съ „Хорева“.

Гриммъ, другъ энциклопедистовъ, въ одномъ мѣстѣ своей остроумной переписки, говоритъ, что въ XVIII вѣкѣ, изъ всѣхъ произведеній человѣческаго разума, трагедія требовала меньше всего таланта и воображенія. И это совершенно справедливо. Образцы существовали. Содержаніе одно и то же, большею частью любовь; стоило только присѣсть поэту—и трагедія готова. Всѣ трагедіи поэтому похожи одна на другую, и изобиліе ихъ такъ велико, что очень порядочную библіотеку можно составить изъ однѣхъ трагедій. У насъ также было много трагедій въ прошломъ вѣкѣ и своихъ, и переводныхъ, и это неразработанное поле русской литературы, въ которомъ, безъ сомнѣнія, скрывается нѣсколько любопытныхъ фактовъ для исторіи ея, ждетъ своего воздѣлывателя.

Сумароковъ строго держался классическихъ образцовъ своихъ. Расинъ былъ его идеаломъ, дальше котораго онъ не шелъ, и которымъ хотѣлъ быть на русской сценѣ. Но сущность содержанія трагедій Расиновыхъ была недоступна для Сумарокова, а по недостатку таланта онъ не могъ создать тѣхъ прекрасныхъ женскихъ типовъ, которые составляютъ славу Расина. Эти типы завѣщаны были Расину древ-

ностью; тутъ была связь историческая, несмотря на поблѣднѣвшія нѣсколько черты, а у Сумарокова этого не могло быть.

Вторая трагедія Сумарокова была „Гамлетъ“, появившаяся въ 1748 году, а игранная въ 1750 году. Это—темное, отдаленное и извращенное преданіе о датскомъ принцѣ Шекспира. Здѣсь у каждаго дѣйствующаго лица есть наперсникъ или наперсница, а у Офеліи даже мамка. Элементъ фантастическій, который придаетъ такую роскошную жизнь великому созданію англійскаго трагика, отброшенъ совершенно, согласно французской теоріи, по которой чудесное есть достояніе эпопеи, а никакъ не трагедіи. Третья трагедія—„Синавъ и Труворъ“,—одна изъ любимѣйшихъ публикою трагедій Сумарокова и часто даваемая на сценѣ, по свидѣтельству „Драматическаго словаря“, играна была въ 1750 году, а напечатана въ 1751 году. Она—изъ баснословныхъ временъ Новгорода, и весь интересъ заключается въ страсти двухъ братьевъ къ Ильменѣ, дочери Гостомысла. Четвертая трагедія — „Артистона“,—изъ временъ Кира, явилась въ одно время съ „Синавомъ и Труворомъ“. Пятая—„Семира“,—изъ временъ Олега, играна была въ концѣ 1751 года. „Драматическій словарь“ говоритъ о ней: „красота стиховъ и иройскіе характеры достойны уваженія и безсмертія автора“ (стран. 124). Шестая—„Ярополкъ и Димиза“—играна была въ первый разъ въ 1758 году. Здѣсь замѣчательны имена любимца и намѣстника Ярополка, составленныя Сумароковымъ, желавшимъ, можетъ быть, русскихъ чертъ въ трагедіи: Крѣпостатъ и Силотѣлъ, но въ характерахъ ихъ нѣтъ ничего особенно русскаго. Седьмая — „Вышеславъ“, — представленная въ 1768 году,— изъ языческихъ временъ Новгорода. Восьмая трагедія Сумарокова, изъ историческихъ временъ, уже нѣсколько близкихъ къ намъ,—„Димитрій Самозванецъ“. Она представлена была въ первый разъ въ 1771 году. Но, несмотря на историческое основаніе, она похожа на прежнія трагедіи Сумарокова. Онъ ввелъ сюда эпизодъ, неизвѣстный историкамъ: дикую

любовь Самозванца къ Ксеніи, дочери Шуйскаго, и выставилъ его самымъ страшнымъ трагическимъ злодѣемъ, въ сущности довольно смѣшнымъ, потому что онъ всѣмъ и на каждомъ шагу твердитъ о своихъ злодѣяніяхъ:

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ,
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ.

Очень спокойно и не скрываясь, объявляетъ онъ своему наперснику, что хочетъ отравить жену свою:

Я къ ужасу привыкъ, злодѣйствомъ разъяренъ,
Наполненъ варварствомъ и кровью обагренъ.

Въ монологѣ, въ концѣ второго дѣйствія, когда Самозванецъ остается одинъ съ своею совѣстью, эта совѣсть подымается тяжелымъ укоромъ въ душѣ его. Сумароковъ умѣлъ передать драматическую истину положенія Самозванца лучше, нежели неестественный, мелодраматическій характеръ его. То же самое можно сказать и о монологѣ въ началѣ 5-го дѣйствія. Самозванецъ представленъ грубымъ и дикимъ злодѣемъ; въ немъ не замѣтно ни малѣйшей хитрости, которою отличался историческій самозванецъ. Какая разница между этимъ неестественнымъ героемъ Сумарокова и Ричардомъ III, напримѣръ!—Послѣдняя трагедія Сумарокова, представленная въ 1774 году, была „Мстиславъ“. Дѣйствіе происходитъ въ Тмутаракани, и историческаго въ ней нѣтъ ничего.

Эти классическія трагедіи Сумарокова, въ свое время, считались образцами, и Херасковъ и Княжнинъ склонялись передъ авторитетомъ нашего поэта. Онъ былъ ихъ учителемъ въ дѣлѣ трагедіи. Онѣ имѣютъ историческое значеніе въ нашей литературѣ, и историку ея нельзя пройти ихъ молчаніемъ. Въ нихъ отразилось вліяніе вѣка, и стать выше существовавшей тогда теоріи онѣ не могли.

Что касается до трагедій Сумарокова по отношенію ихъ къ французскимъ образцамъ его, то, сравнивая тѣ и другія, мы легко увидимъ, какъ дѣтски-жалки, какъ ничтожны попытки Сумарокова создать лица, характеры, положенія, содер-

жаніе трагедіи. Его пьесы представляютъ только внѣшній видъ трагедіи, сохраняя на первый разъ ея условія. Вы видите, что пьеса раздѣлена на пять актовъ, что выходятъ герои, говорятъ длинныя напыщенныя рѣчи, спорятъ и шумятъ, и убиваютъ другъ друга и самихъ себя. Вся внѣшняя форма соблюдена удивительнымъ образомъ, но какое бѣдное содержаніе входитъ въ эту чужую, выработанную чужими усиліями, форму. Здѣсь содержаніе оказывается несостоятельнымъ передъ формою, что бываетъ довольно рѣдко въ искусствѣ. Лица трагедій Сумарокова похожи на маріонетокъ, водимыхъ за проволоку рукою ребенка. Мы не знаемъ, зачѣмъ они дѣйствуютъ, зачѣмъ выходятъ на сцену, зачѣмъ говорятъ и хлопочутъ на сценѣ. Ни одного правильнаго повода къ дѣйствію, ни одного исторически созданнаго характера, и, возникая подобно тѣнямъ волшебнаго фонаря, они исчезаютъ въ глазахъ нашихъ, какъ тѣни безъ жизни, хотя съ яркими красками. Но виноватъ ли Сумароковъ въ пустотѣ драматическихъ лицъ своихъ, въ этомъ мишурномъ блескѣ, прикрывающемъ страшную бѣдность? Могла ли жизнь, окружавшая поэта, создать типы могучихъ характеровъ, полныхъ исторической правды и дѣйствительности? Нѣтъ, трагедія Сумарокова — раскрашенная яркими красками, но жалкая литографія съ болѣе достойнаго оригинала. Въ классической трагедіи Корнеля и Расина вы видите, какъ вѣковая жизнь историческая подымается передъ вами въ рельефныхъ и полныхъ внутренняго содержанія лицахъ. Вы слышите заглушенныя рыданія страсти древней женщины, величавой, какъ античная статуя, и вы дѣлаетесь участникомъ древней жизни, понимаете ее. Передъ вами выходитъ римская дѣвушка, брошенная въ коллизію между долгомъ къ вѣчному городу и страстью къ альбанскому юношѣ, врагу ея отечества, и эта борьба, понятная и дѣйствительная, будитъ въ душѣ вашей историческія воспоминанія. Суровый рыцарь Сидъ мститъ за отца своего и женится на дочери убитаго врага; и условія средневѣковаго быта воплощаются въ лица, созданныя фран-

цузскимъ трагикомъ. Дѣйствующія же лица трагедій Сумарокова не принадлежали никакой странѣ, никакому народу. Ни историческаго ни жизненнаго содержанія въ нихъ не было никакого, и ко всѣмъ трагедіямъ Сумарокова легко можно поставить эпиграфомъ извѣщеніе, находящееся при его трагедіи „Мстиславъ“: дѣйствіе происходитъ въ Тмуторакани“.

5) Комедіи Сумарокова.

Н. Н. Булича.

Комедіи Сумарокова были шагомъ впередъ. Онѣ были оригинальны, то-есть не переведены и не заимствованы, а составлены по образцу чужому. И здѣсь, какъ и въ другихъ родахъ литературы, Сумароковъ былъ нововводителемъ: онъ первый въ 1750 году написалъ комедію свою, не перевелъ ее и не заимствовалъ. Но искать въ комедіяхъ Сумарокова изображенія общества, яркой картины быта современнаго напрасно. Русское общество было тогда еще слишкомъ молодо для сознанія себя, и только болѣе художественная и болѣе зрѣлая комедія Фонъ-Визина соотвѣтствуетъ нѣкоторымъ образомъ, хотя и не вполнѣ, тому понятію о комедіи, по которому ее называютъ „зеркаломъ общества“. Напрасно также было бы искать художественной отдѣлки характеровъ въ комедіи Сумарокова, высокаго драматизма, обдуманныхъ комическихъ положеній: всего этого и не было, и не могло быть. Здѣсь главными героями являются лица, нарисованныя густыми, грубыми красками, какъ, напримѣръ, Чужехватъ въ „Опекунѣ“, грабитель въ полномъ смыслѣ, который наказывается судомъ, или Кощей въ „Лихоимцѣ“, жалкій сколокъ съ Мольерова скупого, лишенный его глубокаго психологическаго смысла, обманутый племянницей и лакеемъ. Конечно, можетъ быть, судьба этихъ лицъ представляетъ намъ исторію и факты того времени, но отдѣльный случай, который можетъ быть вездѣ, во всякое время и во всякомъ обществѣ, не есть изображеніе нравовъ эпохи. И въ этихъ двухъ ко-

медіяхъ Сумарокова встрѣчаются еще случайно брошенныя на удачу черты времени, болѣе нежели въ другихъ. Напримѣръ, въ слѣдующемъ разговорѣ:

Нисa. А французовъ, которые снаружи убираютъ головы, навезено много?

Чужехватъ. Много, за грѣхи наши; а такихъ не вывозятъ, которые бы намъ головы внутри убирали.

Нисa. Нынѣ, сударь, во всемъ только объ одной поверхности стараются, а о важности мало думаютъ, такъ вотъ отчего у насъ пустоголовыхъ людей много.

Пасквинъ, слуга Чужехвата, разсуждаетъ такъ: „Волосоподвивательная наука у насъ въ совершенствѣ, и учителей сыскать можно довольно: а хорошо писать научиться трудновато, потому что такіе учителя гораздо рѣдки; а я ни объ одномъ ни слыхивалъ; а не научившись хорошо писать—безъ благодѣтелей регистраторскаго чина не получишь“. Нападки на ябедниковъ и плохихъ стихотворцевъ разбросаны въ изобиліи по этимъ двумъ комедіямъ, и, по нашему мнѣнію, онѣ придаютъ особенную жизнь, кладутъ особенную печать таланта Сумарокова и взгляда его на жизнь на многіе разговоры въ этихъ комедіяхъ. Чужехватъ—маленькій Тартюфъ времени въ русскомъ смыслѣ, и слова его замѣчательны. Вообще „Опекунъ“ и „Лихоимецъ“—лучшія комедіи Сумарокова.

Въ „Нарцисѣ“ выставленъ петиметръ, до глупости влюбленный въ себя, но лицо его неестественно. Въ „Чудовищахъ“ выведены на сцену: петиметръ, ябедникъ и педантъ, и изъ нихъ педантъ всѣхъ натянутѣе, потому что прямо почти взятъ изъ Мольера и изъ міра, въ которомъ могли быть педанты, потому что была наука, а у насъ тогда не могло быть ни того, ни другого. Въ „Тресотиніусѣ“ Тредьяковскій узнавалъ себя и бѣсился. Здѣсь изображены три педанта, но всѣ они чужды нашимъ понятіямъ, и смѣшитъ только одинъ Тресотиніусъ спорами о буквѣ „твердо“ и любовною пѣсенкою своею, можетъ быть, потому, что, по преданію напоминаетъ Тредьяковскаго.

Въ „Пустой ссорѣ осмѣивается петиметръ и тотъ языкъ, на которомъ говорили тогда франты.

Прочія комедіи Сумарокова: „Три брата совмѣстники“, „Ядовитый“, „Приданое обманомъ“, „Мать совмѣстница дочери“ и „Вздорщица“ суть фарсы, гдѣ все дѣйствіе развивается помощію хитрыхъ и ловкихъ слугъ, Пасквиновъ и Финеттъ, въ которыхъ не было ничего русскаго. Да и другія пьесы собственно не комедіи въ высокомъ смыслѣ, какъ комедіи нравовъ, а то, что французы называютъ pièces d'intrigues. Черты нравовъ встрѣчаются въ нихъ случайнымъ образомъ, ненарокомъ. Вѣроятно, въ комедіяхъ Сумарокова были и личности, которыя допускались тогда, какъ въ древней аѳинской комедіи, но для насъ онѣ потеряны. Болѣе существеннымъ достоинствомъ комедій Сумарокова остается языкъ ихъ— довольно живой и бойкій, который стоитъ выше языка комедій переводныхъ и передѣлокъ съ французскаго. Сумарокову принадлежитъ честь перваго введенія у насъ комической прозы, и этимъ онъ уровнялъ дорогу Фонвизину, языкъ котораго долго считался классическимъ.

Что касается вообще до содержанія комедій Сумарокова и до отношенія ихъ къ французскимъ образцамъ, то и здѣсь мы можемъ повторить только то, что сказали уже объ отношеніяхъ Сумароковской трагедіи къ французской. Комедія его была блѣднымъ отраженіемъ чужой, но въ ней сохранились однакожъ всѣ внѣшнія условія, требуемыя теоріей отъ этого рода литературныхъ произведеній. Но, сохраняя этотъ внѣшній признакъ жизни, комедія Сумарокова не имѣетъ внутренней жизни. Лица и характеры не принадлежатъ дѣйствительности, а суть порожденіе фантазіи самого поэта. Въ комедіи они сталкиваются безъ смысла, а потому дѣйствія никакого не могло быть. Чтобъ показать понятіе Сумарокова о комедіи и чего хотѣлъ онъ въ ней, мы приводимъ слова его о комедіи изъ „Эпистолы о стихотворствѣ“:

Свойство комедіи—издѣвкой править нравъ:
Смѣшить и пользовать—прямой ея уставъ.

Представь бездушнаго подъячаго въ приказѣ,
Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ,
Представь мнѣ щеголя, кто тѣмъ вздымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслитъ вѣкъ о красотѣ волосъ,
Который родился, какъ мнитъ онъ, для амуру,
Чтобъ гдѣ-нибудь къ себѣ склонить такую жъ дуру.
Представь латынщика на диспутѣ его,
Который не совретъ безъ ерго ничего.
Представь мнѣ гордаго, раздута, какъ лягушку,
Скупаго, что готовъ въ удавку за полушку.
Представь картежника.... и пр.

Изъ этого перечисленія типовъ комедіи легко уже видѣть, что поэтъ, перенося къ намъ чужую теорію комедіи, требовалъ и отъ лицъ ея не народной и дѣйствительной жизни, а подлинниковъ, принадлежащихъ чужому развитію, или такихъ типовъ, съ которыми молодое искусство не въ состояніи сладить.

6) Чувство трагизма. Характеристика его. Составъ трагическаго чувствованія. Дѣйствіе трагизма на душу.

(М. И. Владиславлева).

Лирическая поэзія изображаетъ чувство въ его отрывочности и какъ бы случайности; трагедія изображаетъ чувство, поскольку оно необходимо развивается изъ извѣстнаго стеченія и связи обстоятельствъ. Не тѣмъ только трагедія отличается отъ лирическаго произведенія, что предметъ—ея исключительно страданія живого существа: и лирика съ успѣхомъ можетъ изображать страданіе, горе, грусть, печаль; но въ самомъ отношеніи къ чувству трагика и лирика есть различіе. Первый беретъ то или другое чувство просто какъ фактъ и довольствуется описаніемъ обнаруженій и послѣдствій его, или изображаетъ вмѣстѣ съ чувствомъ и поводы къ нему въ окружающей человѣка обстановкѣ, но не входитъ въ подробности послѣдней, смотря на нее, только какъ на случайный поводъ къ извѣстному чувству. Трагикъ разсматриваетъ его въ необходимой связи съ причинами его, поскольку оно неизбѣжно

развивается изъ даннаго состава обстоятельствъ. Оттого лирикъ не обязанъ заниматься развитіемъ, исторіей чувства: его задача (если только можно говорить въ этомъ случаѣ о намѣренно поставленныхъ задачахъ)—изобразить чувство такъ, чтобъ оно повторилось въ душѣ читателя или слушателя; трагикъ, напротивъ, долженъ разсказать исторію развитія и усиленія чувства изъ фактовъ и обстоятельствъ: онъ изображаетъ чувство въ его неизбѣжности и фатальности, а не случайности.

Въ чемъ же состоитъ трагизмъ впечатлѣнія? изъ какихъ элементовъ онъ слагается?

Во-1-хъ, въ немъ несомнѣнно есть чувство состраданія, вызываемое въ насъ видомъ страданій живого существа. Къ благороднымъ свойствамъ человѣческаго сердца относится, между прочимъ, его способность живо сочувствовать страданіямъ ближнихъ и вообще другихъ живыхъ существъ. Видъ истиннаго страданія невольно вызываетъ въ человѣкѣ болѣе или менѣе живое сочувствіе и состраданіе. Трагедія выводитъ на сцену такихъ лицъ, которыя не могутъ не вызывать въ насъ упомянутаго чувства. Она изображаетъ существа, борющіяся съ дѣйствительностію, угнетаемыя ею, и потому страдающія. Мы сочувствуемъ Прометею, прикованному къ скалѣ за похищеніе огня съ неба и дарованіе его людямъ, Эдипу, которому велѣніемъ судьбы предопредѣлено было совершить тяжкія преступленія. Мы сочувствуемъ благородному человѣку, борющемуся съ коварствомъ, злобою, эгоизмомъ окружающей его среды и тяжко оттого страдающему. Чувство состраданія, вызываемое трагедіей, увеличивается еще особенно потому, что страдающее существо есть нравственная сила, сама по себѣ достойная лучшей участи, что страданія ея, въ сущности, не заслуженны, или составляютъ наказаніе, слишкомъ несоразмѣрное съ виною страдающаго. Трагедія возбуждаетъ въ насъ это чувство и во все продолженіе своего развитія поддерживаетъ его; мало того, съ развитіемъ дѣйствія это чувство идетъ crescendo. Представивъ своего героя

въ затруднительныхъ и стѣсненныхъ обстоятельствахъ, трагедія заставляетъ насъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ ихъ въ такомъ притомъ направленіи, что грозныя обстоятельства, окружающія героя, все растутъ и растутъ, отраженіе ихъ въ сердцѣ становится все сильнѣе и тяжелѣе, бѣды и несчастія все увеличиваются и, наконецъ, достигаютъ maximum'а, за которымъ должна послѣдовать неминуемая катастрофа. Соотвѣтственно и чувство состраданія идетъ въ уровень съ напряженіемъ обстоятельствъ и усиленіемъ въ героѣ чувства несчастія.

Во-2-хъ, въ чувствѣ трагическаго есть волненіе ужаса. Несчастія, съ которыми въ трагедіи борются живыя существа, вызываютъ въ зрителѣ чувство ужаса. Аристотель еще замѣтилъ, что трагедія возбуждаетъ въ зрителѣ чувство страха за себя, такъ какъ несчастіямъ трагическаго характера можетъ подвергнуться всякій. Можно съ нимъ согласиться, что въ трагическомъ впечатлѣніи есть вообще чувство страха, но едва ли онъ эгоистическаго характера, т.-е. что зритель боится подвергнуться подобнымъ личнымъ тяжкимъ несчастіямъ. Это — ужасъ предъ дѣйствительностію, тяжкою для живого существа, предъ мученіями, кажущимися невыносимыми. Обстановка страданій, видимая или воображаемая, представляется грозною, подавляющею, и она возбуждаетъ страхъ за существо, которое она давитъ: съ содраганіемъ сердца мы помышляемъ о фатальной встрѣчѣ обстоятельствъ, ведшей Эдипа отъ преступленія къ преступленію, о неблагодарности и жестокости людской, доведшей Лира до рубища и сумы, и т. д. Впечатлѣніе ужаса при этомъ бываетъ тѣмъ сильнѣй, чѣмъ неожиданнѣй представляются несчастія, постигшія живое существо, какъ для него самого, такъ и для сторонняго наблюдателя. Предвидѣнное горе и бѣдствіе встрѣчаются менѣе тягостно, потому что, если и невозможно принять мѣры къ ихъ устраненію, по крайней мѣрѣ, есть возможность къ нимъ приготовиться. Въ трагедіи бѣдствіе за бѣдствіемъ, одно

другого неожиданнѣй, падаетъ на голову несчастнаго, поражая ужасомъ его и зрителя.

Наконецъ, трагическія впечатлѣнія будятъ въ душѣ и чувство высокаго. Трагическое положеніе существуетъ только для нравственной силы: ея непоколебимость среди обуревающихъ ее бѣдъ, несокрушимость никакими несчастіями вызываютъ въ наблюдателѣ чувство удивленія. Поэтому, во-1-хъ, трагическое лицо, чтобъ быть таковымъ, должно непремѣнно представлять собою нравственную силу. Преступникъ, попадающійся въ руки полиціи на мѣстѣ преступленія и ссылаемый въ Сибирь, есть несчастное, но не трагическое лицо. Спекуляторъ, разорившійся на биржевой игрѣ, достоинъ сожалѣнія, но не годится для трагедіи. Во-2-хъ, эта моральная сила не должна уступать напору враждебныхъ силъ, должна остаться цѣлостною и не измѣнившею себѣ; стоя на извѣстной нравственной высотѣ, она не должна подаваться, сходить съ нея. Человѣкъ, страждущій за свои убѣжденія и остающійся непоколебимымъ въ нихъ, хотя бы они и не раздѣлялись нами, справедливо вызываетъ въ насъ удивленіе къ себѣ и чувство высокаго. Оттого мученики-христіане, за свои христіанскія убѣжденія шедшіе на всевозможныя мученія, растерзываемые звѣрями, усѣкаемые мечами, суть трагическія лица, даже въ язычникахъ возбуждавшія чувство высокаго: своею непоколебимостію среди мученій они многихъ увлекли ко Христу. Не выдержавшіе до конца, по невыносимости мученій, сдѣлавшіеся отступниками ни малѣйшаго чувства высокаго не возбуждаютъ, и ихъ судьба вовсе не представляется намъ трагическою.

Трагическое впечатлѣніе, какъ всякое другое, увеличивается еще отъ контрастовъ, которыми пользуется искусство, и которые встрѣчаются и въ жизни. Высокая нравственная сила является иногда среди самой недостойной обстановки,— она окружается коварствомъ, недоброжелательностію, грубымъ эгоизмомъ; сравнительно съ окружающею безнравственностію, безкорыстіе и самоотверженіе, вѣрность своимъ убѣжденіямъ

является какъ необыкновенная моральная мощь. Художественный контрастъ въ трагедіяхъ встрѣчается и въ другомъ видѣ. Мы наблюдаемъ неравенство борьбы между слабымъ индивидуумомъ и мойрою, необходимостію, съ которою и боги не воюютъ, какъ это представляется въ классическихъ трагедіяхъ, или неравную борьбу съ средою, въ которой дѣйствуетъ благородная личность, борьбу съ обществомъ, его предразсудками, страстями, эгоизмомъ, фанатизмомъ и т. д. Съ одной стороны, предъ нами слабая личность, съ другой — громадная сила среды, ея огромная наступательная энергія, ея непобѣдимая косность, ея уничтожающее давленіе на все, ей противустоящее: катастрофа, гибель личности представляется при такихъ обстоятельствахъ ничѣмъ неотвратимою.

Если бы трагедія возбуждала лишь состраданіе и ужасъ, она была бы исторіей необыкновенныхъ страданій и только возмущала бы человѣческое сердце, не доставляя ему ни малѣйшаго успокоенія, не умиротворяя его. Тогда къ страданіямъ дѣйствительнымъ, которыхъ полна жизнь, трагическое искусство присоединяло бы еще воображаемыя, которыя не менѣе первыхъ тяготили бы зрителей. При такихъ условіяхъ едва ли нашлись бы охотники увеличивать свои страданія, и трагическія представленія были бы невозможны. И не за тѣмъ публика идетъ въ театръ, чтобы любоваться чужими страданіями и эгоистически радоваться, что чаша бѣдствій касается другихъ людей, а не ихъ — зрителей. Очевидно, послѣдніе ищутъ другого чего-то, что составляетъ послѣдній результатъ трагедіи и что непріятнымъ быть не можетъ. Шекспировскія и классическія трагедіи отпускаютъ зрителей умиротворенными и нравственно лучше, чѣмъ какими они вступили въ театръ,—и эти-то послѣдствія мирятъ насъ съ трагедіей и заставляютъ высоко цѣнить трагическое искусство. Умиротвореніе дается зрителю въ чувствѣ высокаго, возбуждаемомъ въ немъ трагическимъ зрѣлищемъ. Какъ созерцаніе величественныхъ явленій въ природѣ возвышаетъ духъ, какъ бы приподнимаетъ его надъ обыкновенною рути-

ною впечатлѣній, такъ и созерцаніе великой нравственной силы возвышаетъ душу. И такъ какъ моральная сила, при всемъ трагическомъ своемъ положеніи, не измѣняетъ себѣ, несетъ крестъ страданій, но не уничтожается и не преклоняется предъ внѣшними давленіями, то съ трагическаго зрѣлища мы уносимъ съ собою мысль о моральномъ величіи и непобѣдимости его матеріальными силами. Сознавая въ себѣ моральную силу, мы успокоиваемся на мысли, что есть у насъ достояніе, никѣмъ не крадомое, ничѣмъ не уничтожимое. Съ другой стороны, велико дѣйствіе и чувства состраданія, возбуждаемаго трагическимъ зрѣлищемъ. По существу своему составляя отрицаніе эгоизма, оно очищаетъ душу. Сострадая чужимъ бѣдствіямъ, мы забываемъ о самихъ себѣ, мы сходимъ съ обыкновеннаго эгоистическаго пути дѣятельности, вызываемъ въ себѣ самыя благородныя волненія. Эта трехчасовая, или хотя бы минутная, жизнь внѣ сферы грубыхъ самолюбивыхъ интересовъ даетъ силу лучшимъ инстинктамъ человѣческой природы и, какъ мы сказали, очищаетъ духъ, дѣлаетъ его лучшимъ, чѣмъ какимъ онъ былъ до того.

Date Due

MAIN LIBRARY APR 29 '70

MAIN LIBRARY JUL 30 '73

MAY 31 1988

JUN 25 1988

DEC 24 1995

NOV 22 1995

DEMCO NO. 38-298

OHIO STATE UNIVERSITY BOOK DEPOSITORY
8 07 37 03 7 07 005
The Ohio State University
3 2435 01486 2254
PG3318A191916
001
IZBRANNYIA DRAMATICHESKIIA PROIZVEDENIIA